

ISSN 0236-6864

№ 11 (30) 1991

Цена 2 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

Фрагмент картины А. Дюрера «Святой Иероним»

В подземельях
Кремля...
с. 21

Немецкие асы
на Восточном
фронте
с. 10

Дети
для опытов?
с. 4

Планетарная
инициатива
академика МОИСЕЕВА

Читайте на с. 2

СМЕРТЬ ИДЕТ ИЗ КОСМОСА

СМЕРТЬ ИДЕТ ИЗ КОСМОСА

Группа специалистов — математиков и инженеров, занимающихся проблемами анализа последствий возможной ядерной войны и использования космических средств, пришла к выводу о необходимости и реальности создания под эгидой ООН Международной космической системы, способной выполнять по меньшей мере три функции.

Первая (главная) — быть полицейской системой, способной предотвращать не только неконтролируемые запуски космических ракет, но и массированные атаки межконтинентальных ядерных средств.

Вторая — служить космической системой для получения любой наземной информации, исключаяющей необходимость запусков многочисленных спутников-шпионов.

Третья — служить (совместно с системой наземных станций) основой экологического мониторинга.

Был проведен подробный компьютерный анализ возможностей создания космической информационной системы на базе советских средств доставки в космос необходимого оборудования и американских станций «Бриллиантовые камни», используемых для уничтожения нерегламентированных запусков ракет на активном участке их траекторий. («Бриллиантовые камни» — это ракеты, наводящиеся на источник инфракрасного излучения.)

Проведенная оценка эффективности показала, что подобная космическая защита от возможного космического удара в некоем смысле «абсолютна». Это означает, что могут быть разработаны варианты системы, практически полностью парирующие ядерные атаки современными космическими средствами.

Такая система общепланетарной обороны будет стоить дорого. Но она окупится тем, что даст возможность ликвидировать национальные ракетно-ядерные средства и системы космической разведки. Ибо позволит устанавливать на платформах международной космической системы (конечно, за определенную плату) любую аппаратуру наблюдения за земной поверхностью. Значит, помимо обеспечения безопасности, военные бюджеты всех крупных государств могут быть значительно сокращены. Мне трудно оценить время, за которое окупится создание такой системы. Но оно будет невелико.

Мы попытались представить реальные сроки осуществления этой идеи и пришли к выводу, что в начале следующего десятилетия основы такой международной системы могут быть созданы и может начаться коренная перестройка всей системы мировой безопасности. Во всяком случае, станет возможным пресечь всякие возможности ядерно-космического терроризма и шантажа, которые в очень скором времени сделаются доступными множеству стран и даже отдельным людям, имеющим достаточное количество денег.

Если сейчас этот шанс будет упущен, то неизбежен новый виток гонки вооружений. Логика всех времен демонстрирует неизбежность создания нового оружия, если понята возможность его производства. И можно быть уверенным, что в ближайшие шесть — восемь лет технология «бриллиантовых камней» сделается предметом технического воплощения.

Но также логика говорит о том, что коли создается новое оружие защиты (обеспечивающее возможность диктата), то немедленно начинаются и работы по контроружию, способному обеспечить оборону. А создавать средства нападения дешевле, чем средства защиты, — это тоже показывает наш многолетний опыт!

Вот почему мы считаем необходимым начать международную кампанию по созданию такой системы обеспечения космической безопасности. На наш взгляд, это одна из важнейших задач современности.

Каковы наши личные усилия?

Поскольку мы представляем собой группу профессионалов — инженеров и математиков, — не связанных ни с какими официальными структурами и не имеющих каких-либо стандартных выходов для апелляции к мировой общественности, то мы начали прежде всего с разработки схемы аванпроекта космической системы, оценки ее эффективности в зависимости от выбора ее тактико-технических характеристик.

Теперь, когда многие технические вопросы нам стали ясны, мы предполагаем организовать международный семинар, на котором собираемся рассказать о наших разработках. Мы надеемся, что они подвергнутся профессиональной критике и что будут высказаны новые дополнительные идеи, развивающие исходные соображения.

В результате такого обсуждения нам хотелось бы сформировать международный творческий коллектив, способный создать технический проект системы. Поэтому на следующем этапе мы видим необходимость в создании консорциума, который смог бы начать финансирование работ: до сих пор вся работа проводилась только на основе личной заинтересованности участников.

Нам представляется, что эта деятельность должна заинтересовать Организацию Объединенных Наций и проводиться под ее эгидой. ООН могла бы принять участие в создании творческого неправительственного (и неправительственного) объединения специалистов. И не только инженеров, но и юристов, политиков, поскольку речь идет о предприятии, которое в перспективе сможет коренным образом изменить всю систему планетарных отношений.

В этой деятельности мы надеемся на широкую поддержку прессы, без которой наши усилия не смогут увенчаться успехом.

Академик Никита МОИСЕЕВ,
председатель ассоциации «Наука — будущему страны»

ПРОГНОЗ

ТАМ

«Совершенно секретно» представляет единственную в своем роде информационную группу — Российскую гуманитарную ассоциацию — центр российских и международных исследований, объединяющую бывших сотрудников Первого главного управления КГБ. Центр образован в шесте этого года. Входящие в ассоциацию, в том числе автор статьи, видят своей задачей осуществление широких независимых исследований по проблемам внутреннего положения в России и вопросам национальной безопасности.

Попытка государственного переворота, предпринятая 19—21 августа, вызвала немало прогнозов относительно возможного развития событий как на территории бывшего СССР, так и на международной арене. Запад и мировое сообщество более всего встревожены вероятностью неконтролируемого распада СССР на враждующие националистические авторитарные государства. В таком случае наличие ракетно-ядерного оружия и систем ядерной энергетики могло бы создать прямую угрозу международной безопасности.

Другая точка зрения: крушение коммунистической тоталитарной модели и крах оковавшихся в союзном Центре консерваторов открывают путь к радикальным экономическим преобразованиям и формированию свободного, демократического общества. Наибольшую опасность на этом пути, по мнению демократов, представляют нетерпение и нетерпимость населения, что может поставить общество на грань гражданской войны и побудить затаившихся сторонников «сильной руки» и успешных в подполье партийных бонз предпринять попытку реванша. Этому могут воспрепятствовать консолидация демократов, а также достигнутое за годы перестройки качественно новое состояние общества, готового преградить путь реакции.

Что касается национал-патриотов, то они — в глубоком унынии не столько из-за поражения ГКЧП, сколько из-за распада «великого многонационального государства» и перспектив дальнейшей дезинтеграции собственно России.

Однако торжество демократов и траур их политических оппонентов несколько преждевременны — развитие ситуации в стране может пойти по иному, неожиданному для обеих сторон пути.

Крах КПСС как организационно-политической структуры, при всей значимости этого события, вряд ли стоит абсолютизировать. Таким образом, единственный значимый результат, достигнутый благодаря приостановлению, а фактически роспуску КПСС, — переход ее имущества в распоряжение новой демократической власти.

Можно считать преувеличенными опасения, что КПСС перейдет к активной подпольной деятельности — аппараты со Старой площади и из обкомов партии к этому просто генетически не приспособлены. Вероятнее

всего они займут заблаговременно подготовленные места в коммерческих структурах либо волютуют в ряды молодой российской администрации, демонстрируя приверженность демократическим идеалам и большой опыт организаторской работы.

Что же касается эйфории по поводу краха коммунизма в России, то ее можно расценить либо как свойственную российскому образованному классу склонность к самообману и утопии, либо как очередной, теперь уже посткоммунистический, постсоветский, миф. Сама процедура «введения демократии на Руси» в привычных формах насаждения единомыслия и пропагандистского обслуживания «генеральной линии», создание наделенных соответствующими «мандатами» чрезвычайных комиссий по выявлению «коллорабационистов», кампания подозрительности и доносительства — все это свидетельство тоталитарности сознания подавляющего большинства нашего общества, в том числе причисляющих себя к наиболее передовой и демократически мыслящей части.

Падение изживший себя системы расчистило путь для установления в стране сильного авторитарного режима в умеренной национал-демократической упаковке, который, отрешившись от идеологических догм, по всей видимости, более гибко и эффективно сможет воссоздать Союз и придать новый импульс развитию страны.

Появлению подобного режима способствует не только наличие лидера, обладающего общенациональной популярностью и поддержкой, необходимыми волевыми качествами, каковым, безусловно, является Б. Ельцин. Отсутствие в стране традиций демократического гражданского общества, кризис союзных структур и, наконец, критическое положение в экономике — все это требует введения жесткой и эффективной власти. Кроме того, сам переходный характер переживаемого периода, опасность социальных катаклизмов в нарождающемся и по-новому структурированном обществе создают высокую вероятность формирования власти бонапартистского типа, способной выступать в качестве верховного арбитра и модератора групповых и социальных конфликтов, а в случае необходимости и жестко подавлять их.

Идея чрезвычайщины и диктатуры витала в воздухе весь предшествующий переходу год и буквально вне-

Сергей НОВИКОВ

НАДВЕРЖИ

ПО ПРОСЬБЕ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
БЫВШИЕ СОТРУДНИКИ ПЕРВОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРОГНОЗИРУЮТ БУДУЩЕЕ СТРАНЫ

дрялась в общественное сознание как слева, так и справа. Пиночет стал кумиром и демократов, и группы «Союз», а ссылки на чилийское экономическое чудо превратились в общее место в публикациях советских экономистов и политологов. Чрезвычайные полномочия для укрепления дисциплины и исполнительной власти поочередно требовали М. Горбачев, Б. Ельцин, союзный премьер В. Павлов. Эта тенденция нашла адекватное отражение и на более низком уровне, в первую очередь там, где демократы контролировали местные органы власти. До сих пор полностью не улегся шум вокруг избрания мэров Москвы и Ленинграда и усиления прерогатив исполнительной власти в этих городах, что пришлось явно не по вкусу радикальным, но неуправляемым депутатам Моссовета и Ленсовета.

Введение Б. Ельциным института своих личных представителей на местах стало логичным продолжением линии на укрепление исполнительной власти, следующим этапом которой, очевидно, станут институирование особых полномочий президента и реорганизация органов законодательной власти — Съезда народных депутатов РСФСР, показавшего свою полную неэффективность.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что по мере ужесточения конфронтации между консервативным центром и демократическим российским руководством обе стороны все настойчивее апеллировали к государственным, национальным ценностям, выдвигая обоюдные обвинения в их забвении, в «необольшевизме», «национал-большевизме», стремлении разрушить СССР либо использовать автономно для дезинтеграции России. Тем самым они, способствуя дальнейшей эрозии коммунистической идеологии, закладывали идеологическую базу режима на основе национальных, а не классовых или общечеловеческих ценностей.

Представляются преувеличенными настойчиво повторяемые в прессе и с трибун опасения, что крушение союзного Центра может побудить консерваторов предпринять повторную попытку военного переворота. Напротив, упреждение авторитарного режима, являющегося естественным наследником союзной власти, приоритет национальных интересов создают благоприятную основу для поддержки власти силами, с подозрением относящимися к демократическому движению и к его лидерам. Это может относиться даже к таким одиозным группам, как «Союз», которым явно импонирует идея сильной руки.

Кроме того, сама логика упреждения

государственной власти должна побудить демократическое движение и его лидеров освободиться от комплекса оппозиционности и постепенно смещаться ближе к центру. Как показывают события, вектор политической активности демократов, по крайней мере руководящего ядра движения, смещается именно в этом направлении. Этот процесс облегчается тем, что многие лидеры демократического движения являются выходцами из рядов высшей партийной номенклатуры и военно-промышленного комплекса либо уже осуществили вхождение во власть и имеют опыт взаимодействия с прагматически настроенной и наиболее подготовленной частью аппарата.

Таким образом, следует ожидать, что одним из последних искусственного противостояния Центр—Россия станет формирование единой правящей элиты, складывающейся из технократов-прагматиков, представителей старого истеблишмента (И. Силаев, А. Вольский, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе), полностью овладевших механизмом власти, и политиков «новой волны», пришедших на гребне демократического подъема, однако владеющих искусством компромисса и высоким политическим профессионализмом (А. Собчак, Г. Попов, С. Станкевич).

Судя по всему, этот круг лиц будет воздерживаться от излишних торопливых, непродуманных действий в экономической сфере и в реорганизации ВПК, армии, делая ставку на профессионалов, а не на демократов радикального толка. Об этом, в частности, свидетельствуют разработанные А. Вольским и рассчитанные на пять лет программа конверсии оборонной промышленности, назначение на ведущие должности в Министерстве обороны молодых генералов, являющихся представителями интеллектуальной военной элиты (Е. Шапошников, В. Лобов).

В подобном контексте не столь однозначно выглядит будущее и Комитета госбезопасности, хотя он является главным объектом ненависти всех демократических сил. Назначение на пост председателя КГБ В. Бакатина, а его заместителем соратника А. Рудого по движению «Коммунисты за демократию» Н. Столярова показывает, что речь вряд ли идет о желании новых лидеров уничтожить информационно-аналитический потенциал Комитета, который после основательной чистки и реорганизации может занять подобающее место в системе административных структур. Такая тактика диктуется и соображениями практической целесообразности, в том числе необходимостью переориентировать работу внешней разведки КГБ и его Второго главного управления на регионы

и объекты, имеющие первостепенное значение для российского руководства. По некоторым данным, вряд ли будет выполнено в полном объеме заявленное в горячке первых дней победы над путчистами решение о передаче в Министерство обороны военной контрразведки (Третье управление КГБ), дабы не лишиться информации о состоянии дел и настроениях в армии.

Нельзя исключать с большой степенью вероятности, что постепенный дрейф демократических лидеров к центру, обеспечивая стабильность ситуации в целом, может вызвать нападки левого, радикального фланга демократического движения (профессиональных борцов за демократию) и таких маститых хранителей чистоты демократических ценностей, как Е. Боннэр, которая с большим подозрением следит за вероятным возрождением русского великодержавия и высказывается за дальнейшую децентрализацию власти в качестве гарантии от возрождения тоталитарной системы. Однако контроль за главной организационно-политической опорой демократов — движением «Демократическая Россия», сохраняющийся за ближайшим окружением Б. Ельцина, позволяет управлять ситуацией в лагере демократов и использовать Движение для пропагандистского обеспечения принимаемых властями мер.

Пожалуй, наибольшие сложности нынешнее российское руководство ожидает со стороны бывших союзных республик, которые, избавляясь от эйфории победы над имперским Центром и рассматривая РСФСР как экономического донора в процессе утверждения их независимости, с большим подозрением относятся к возможной реанимации «русского империализма». Следует признать, что для таких опасений у них имеются объективные основания, поскольку геополитический вес РСФСР, концентрация на ее территории ракетно-ядерного оружия, экономический потенциал сохраняют за Россией статус мировой державы. Кстати, озабоченность по этому поводу высказывают и на Западе, где полагают необходимым, по словам газеты «Монд», уравновесить «восхождение России, опять вступающей на путь господства, по которому она шла с момента зарождения, несмотря на все превратности своей истории».

В этой связи можно предполагать, что республики (за исключением среднеазиатских) и особенно прибалтийские государства по-прежнему будут использовать внешний фактор для оказания давления на Москву и обеспечения наиболее выгодных условий торгово-экономического сотрудничества с Россией. Возможно, что в качестве

дополнительного нажима на российское руководство будет использован вопрос о скорейшем выводе советских войск, принимая во внимание техническую и экономическую невозможность срочного решения этой проблемы.

Национально-демократическая окраска нынешнего режима и наличие зависимо от него полупарализованного Центра позволяют российским лидерам в зависимости от ситуации поворачиваться то «национальной», то «демократической» ипостасью, а в деликатных ситуациях выдвигать на передний край так называемый союзный Центр либо то, что от него осталось.

Важным сигналом готовности российского руководства обеспечивать национальные интересы республики стало едва не вызвавшее кризис на Украине и в Казахстане заявление о том, что Россия оставляет за собой право поднять вопрос о границах с республиками, не намеренными оставаться в составе Союза. Хотя за этим шагом последовали успокоительные разъяснения, проблема обозначена и при изменении обстановки может возникнуть вновь. На Западе считают также, что русскоязычное население республик, ранее являвшееся заложником политики Центра, теперь превращается в «козырную карту» в отношениях России с независимыми государствами.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что в целом Россия в своих отношениях с республиками будет придерживаться умеренной, примирительной линии, делая акцент на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве для обеспечения своих долгосрочных политических интересов. Недаром в некоторых западных откликах по поводу планов формирования единого экономического пространства и заключения соглашения, открытого и для государств Восточной Европы, содержится вывод о том, что Москва не только стремится сохранить свое господство на территории бывшего СССР, но и заложить базу дальнейшей экспансии за пределы Союза.

В целом, несмотря на крайне сложную внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию, можно полагать, что у российского руководства сохраняются неплохие возможности для стабилизации обстановки и выхода из кризиса. Разумеется, при условии, что оно решительно возьмется за осуществление реформ в сфере экономики, которые уже в обозримом будущем обозначили бы сдвиг к лучшему и продемонстрировали эффективность новой власти.

ЗНАК БЕДЫ

**Елена
СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно
секретно»**

С фотографии семилетней давности смотрит на меня улыбающаяся Люба. Кокетливое платье на скрывает пополневшей фигуры, на лице та особая печать близкого материнства, которую не спутаешь ни с чем.

Таких сияющих глаз у нее не будет уже никогда.

— Я не люблю никого жалеть и меня жалеть не надо, — говорит Люба. — То, что случилось со мной, иначе, чем обыкновенным житейским раздолбайством, не назовешь. Обыватель бы сказал, что это наказание за что-то, возмездие за совершенное однажды зло. Есть такой принцип бумеранга.

Беременность она переносила хорошо, анализы были нормальные. Правда, отекали ноги. «Ну что вы хотите, милочка? Вы же парикмахер. У вас работа такая — весь день на ногах», — говорил врач, и Люба не беспокоилась. Она вела здоровый образ жизни. Ездил на дачу попить парного молока. Держала кошку и собаку, не подолжая о том, что опасность уже нависла над ней и над ее ребенком.

Когда Гоше исполнилось три месяца, Люба отправилась с ним к врачу проверить зрение. «Мама, мне вас жалко, — сказал доктор. — Картина поражения сетчатки у мальчика характерна для токсоплазмоза. Проверьте».

Во Всесоюзном центре по токсоплазмозу диагноз подтвердился. Жизнь переламывалась надвое. Надо было свыкаться с мыслью, что твой ребенок слепой и это только первый шаг болезни.

Там, в Центре, в кабинете заведующего, она увидела плакат с симпатичной кошачьей мордочкой и надпись, предупреждающую об опасности токсоплазмоза для беременных.

По-моему, этот копеечный плакат в одном экземпляре был отпечатан. А если бы он в каждой женской консультации висел, я бы пришла к врачу и сказала: «У меня есть кошка и собака. Давайте проверим», — болезнь бы выявили и пролечили, это просто, как глистов вывести, и этой трагедии в моей жизни не было бы. У меня после всего случившегося ненависть к врачам появилась. Я больше уважаю патологоанатома... Те врачи, которые у Чехова в книгах, их среди ночи будили, и они бежали к больному, не существуют. Мы живем в джунглях, и выполнять предназначение, для которого женщина создана Богом — продолжать жизнь, рожать детей, — я уже не буду. Зачем? Чтобы доверить ребенка врачам, подвергнуть его опытам? Я считаю, что над моим ребенком произведен очередной опыт. Над всеми нами с 17-го года проводится эксперимент на выживание.

Там, на Западе, тоже опыты ставят, но более рафинировано, что ли: «Ах, что вам угодно? Не волнуйтесь!» А тут просто:

«Да у вас, блин, ребенок-то больной, сдайте его к с... матери, а себе нового родите!» Сдайте! — кричит Люба, имитируя чужую, не раз слышанную интонацию, и отвечает едко: — А куда, простите, сдать? Обратно засунуть или Господу Богу вернуть?

Диагноз был, как приговор, тот, что окончательный и обжалованию не подлежит. Но есть ли на свете мать, которая поверит, не усомнится? Когда подвелась врач-невропатолог и пообещала невозможное, Люба увидела шанс. Гоша начинал ходить и говорить первые слова, это были слабые и робкие попытки тяжелобольного ребенка войти в закрытый для него мир.

— Она возомнила себя бо-

гом, — говорит Люба, — и забыла о том, что возможности человеческие безграничны. Мозг не выдержал. Инсульт. Гоше было тогда полтора года. Потом нас попросили освободить койко-место. Я взяла парализованного ребенка и ушла. Это было уже все. А она... она и сегодня хорошо практикует, играет на горе, берет диагнозы, где взятки гладки: органическое поражение центральной нервной системы. Она мне обещала, что Гоша будет видеть, в футбол будет играть. Он у меня в гроб сыграл.

После инсульта надежд не было. Мальчик был обречен, избавить его от мук могла только смерть. Шесть с половиной лет его жизни — это шесть с половиной лет борьбы. Тяжелейшие приступы, мучительные судороги, искаженное болью детское лицо и ватная стена одиночества, когда не докричаться, не достучаться...

— У нас в Москве, если такому ребенку плохо, его не принимает реанимационная служба, — горько падают Любины слова. — Вот Русаковка рядом, у них есть реанимация, но не примут. Они скажут: «У вас специфический ребенок, и везите его в специфическое отделение. Нам он здесь не нужен». А иногда нужна срочная помощь — на капельницу поставить, на кислород. Куда девать? Единст-

**ПОДОПЫТНЫЙ
РЕБЕНОК**

Фото
Игоря
ГАВРИЛОВА
и ТАСС

венное место, где я ни разу не сталкивалась с хамством, это инфекционная больница на Волоколамском шоссе. Из больницы имени Дзержинского моего мальчика выписали с температурой 39 градусов. Мне сказали: «Мамаша, заберите своего ребенка, потому что, не дай Бог, он у нас померет, показатель испортит!»

Изо дня в день, из месяца в месяц один и тот же грустный путь — в Дом ребенка, чтобы накормить, пригреть маленького сына, вывести его на прогулку, больше всего боясь, что завтра по приказу ГУЗМа (Главное управление здравоохранения) выкинут его отсюда, как переростка, и перспектива инвалидного дома станет реальной. Куратор Домов ребенка с громкой фамилией Новодворская так и говорила Любе, что детям-инвалидам не место среди нормальных детей, они должны находиться среди себе подобных, а дело матери — трудиться на благо родины, которая, по мнению Любы, и сделала ребенка таким...

В мире инфекционных заболеваний токсоплазмоз — не самое страшное, несмотря на его значительную

распространенность. Этот болезненно поражен до полутора миллиардов людей, в нашей стране инфицирован чуть ли не каждый четвертый. Токсоплазма — простейший одноклеточный возбудитель заболевания, куда чаще «выбирает» женщин, чем мужчин. Человек может и не подозревать, что он инфицирован. Как говорят специалисты, это оппортунистическая инфекция, которая в нормальном состоянии себя не проявляет, но, например, на фоне СПИДа ведет себя весьма агрессивно и может стать причиной смерти. Лишь у пяти процентов людей болезнь протекает тяжело, с присущими ей клиническими проявлениями. Остальные же узнают об этом случайно. Обследуют, скажем, женщину по большому кругу, чтобы выяснить причину невынашиваемости или бесплодия, и находят токсоплазмоз. Беременных далеко не всегда проверяют на наличие этого заболевания. Более того, подавляющее большинство никогда не слышало слова «токсоплазмоз», между тем как в развитых странах это понятие известно каждой будущей матери, потому что хоть беременность и не СПИД, но именно первичное заражение в эту пору приводит к тяжелейшим последствиям для ребенка. Случай с Гошей — тому пример.

Татьяна Лукьянова, заведующая кабинетом по токсоплазмозу при детской клинической больнице № 1, сразу вспомнила Гошу, хотя последние четыре с половиной года не имела о нем никаких известий. Она рассматривает на столе пачку детских фотографий. Приоткрытый рот, сведенные к переносице зрачки — лица маленьких пациентов. Иногда болезнь жестоко метит свою жертву, иногда оставляет едва заметные следы.

— Ну разве можно сказать, что эта девочка нездорова? — спрашивает доктор Лукьянова. — А ведь она олигофренка, наблюдается у психиатра. А этот ребенок был усыновлен в три-четыре месяца, родители души в нем не чают, хотя такие дети усыновлению не подлежат. Обычно мы говорим родителям: «Академиком не будет, не нужно мучить ребенка. Себя обслуживать сможет», а одна мама мне сказала: «Я дочке сейчас золотые сережки купила, придену ее, за первый сорт сойдет».

Как нам становится ясно из нашего разговора, и исследования в области токсоплазмоза, и сам городской кабинет — плод усилий отдельных энтузиастов.

— Не было ничего, — говорит Татьяна Лукьянова, — ни специальной службы, ни достаточного лабораторного инструментария, не хватало антигенов для диагностики этой патологии. Буквально три года назад мы получили американский диагностический фирмы «Эббот» и вздохнули. Если бы оснастили наши медицинские учреждения такими лабораториями... Ведь прежде чем вводить обязательную проверку беременных женщин на токсоплазмоз, американцы, наверное, подсчитали все расходы. У нас деньги не считают, а между тем экономический эффект профилактики был бы ошеломителен. Взять хотя Гошу. Сколько на него государство за шесть с половиной лет затратило.

— Сколько таких детей рождается в нашей стране?

— По мировой литературе, от 3 до 8 тысяч детей на тысячу новорожденных. В нашей стране подобной статистики нет.

— Есть ли внешние проявления

этого заболевания? На что женщине следует обратить внимание?

— Особенность этой инфекции заключается в ее коварстве. Женщина может чувствовать подчас легкое недомогание, а может и вообще ничего не чувствовать. Яркое проявление болезни встречается редко. В зависимости от того, когда эта женщина встретилась с инфекцией, находится здоровье ее будущего ребенка. Если это произошло в начале беременности, то обычно происходит выкидыш, если позже, то возможны разные исходы — от грубейшей патологии, как у Гоши, до едва заметных признаков, которые, правда, могут проявиться спустя годы. А внимание надо обратить прежде всего на обыкновенную сангитацию. Я вспоминаю одну женщину, которая на восьмом месяце беременности подобрала на дороге большого дикого гуся, принесла домой, выхолила и съела. Эта слегка обжаренная гусиная печень, так, казалось бы, полезная для ребенка, и стала причиной токсоплазмоза...

Сырой фарш, который так часто пробуют хозяйки, любимыми многими бифштекс с кровью, да и просто несмытые овощи и фрукты, на которые попали токсоплазмы, — опасность таится в самых обычных вещах. И если для большинства людей, так называемых здоровых носителей, одноклеточный паразит не опасен и не смертелен даже в случае перехода в хроническое течение болезни, то для неродившегося ребенка он становится реальной угрозой здоровью, вызывая тяжелые, часто необратимые поражения центральной нервной системы, глаз, внутренних органов. Ребенка с врожденным токсоплазмозом одна и та же женщина может родить только раз в жизни: однажды переболев этим заболеванием, она не передаст его уже своему потомству. Но это слабое утешение, потому что одной такой драмы хватает на всю оставшуюся жизнь.

...Рыжеватая кошечка тянется милой усатой мордочкой к готовой приласкать ее женщины — осторожно! По моей просьбе ведущий научный сотрудник Всесоюзного центра по токсоплазмозу, руководитель Московского городского центра Борис Мороз показывает библиографическую редкость — плакат. Действительно, основным источником возбудителя токсоплазмоза являются больные кошки, которые и выделяют его вместе с фекалиями в огромных количествах. Кошки же, в свою очередь, заражаются, поедая инфицированных грызунов, птиц. Заболевшая кошка разносит инфекцию повсюду, и происходит кругооборот веществ в природе.

Так что же делать? Объявить войну кошкам, в особенности бродячим? Выдавать лишний талон на сахар за десяток пойманных мушек? Конечно же, нет. Во-первых, переболев токсоплазмозом, кошка выздоравливает и никакой опасности не представляет, а, во-вторых, уничтожив любителей крыс, мы получим чуму.

Как просто и как сложно подхватить инфекцию. Впечатляющие цифры инфицированности людей могут повергнуть в панику, но специалисты сохраняют спокойствие. Известно, как часто здоровое носительство переходит в болезнь. По мнению Бориса Мороза, это связано, во-первых, с тем, что у нас отсутствует обязательная регистрация этого заболевания, и, во-вторых, у нас не хватает

абсолютно надежных средств диагностики. Более того, в каждом отдельном случае врачи должны решить, что же все-таки у пациента — токсоплазмоз или носительство на фоне какого-то другого заболевания.

— У нас под диагнозом «токсоплазмоз», — говорит мой собеседник, — проходит обычный стафилококковый сепсис и другие перинатальные инфекции, которые клинически протекают одинаково. Под той же вывеской скрывают и внутрибольничные инфекции, за которые персонал наказывают. Иное дело — токсоплазмоз. Это уже фатально, неизбежно.

Раньше все усилия наших акушеров-гинекологов были брошены на «борьбу» с положительно реагирующими на токсоплазмоз женщинами. Считали, что таким женщинам нельзя беременеть, нельзя рожать. Им тут же давали направление на аборт. До сегодняшнего дня мы встречаемся с такими фактами. К нам, к сожалению, обращаются уже после того, как инфицированная женщина с носительством токсоплазмы сделала аборт, а потом пришла проконсультироваться. Сегодня все встает с головы на ноги, и самое удивительное заключается в том, что здоровое носительство на плод не действует и никакие мероприятия в отношении этих женщин не нужны. У нас 30–40 процентов женщин инфицированы, во Франции — до 80 процентов, в странах Латинской Америки этот показатель еще выше — и что же? Мать передает антигены пассивной защиты своему ребенку, чтобы он, родившись на свет, не подцепил инфекцию. И если мы за этим ребенком наблюдаем, то увидим, что к году у него эти антигены уйдут.

— То есть наблюдать следует именно тех женщин, которые отрицательно реагируют на токсоплазмоз?

— Как раз на этом и построены все программы по профилактике врожденного токсоплазмоза во Франции, в ФРГ, в Швейцарии. Вот окончила девочка школу, ее надо обследовать на токсоплазмоз. Если положительная реакция — все, с девочкой ничего больше делать не надо, пусть беременеет и рождает. А вот остальным надо уделять внимание.

Около одного процента «остальных» инфицируются впервые в период беременности, чуть меньше половины передают болезнь ребенку. Если токсоплазмоз своевременно выявить, есть надежда на хорошие шансы для новорожденного. Два десятидневных курса лекарственной терапии могут избавить будущую маму от трагедии.

По мнению специалистов, регулярное обследование беременных женщин, никогда ранее не сталкивавшихся с токсоплазменной инфекцией, снизило бы частоту врожденного токсоплазмоза на 50–70 процентов. Если перевести мертвые цифры на язык реальных судеб, получится впечатляющая картина. Да, не каждая женщина инфицируется, не каждая заражает ребенка и не каждый случай приводит к необратимым последствиям. Но болезнь может проявиться через пять — семь — десять лет. Токсоплазмоз дремлет в организме до поры до времени, не говоря уж о СПИДе и повышенной радиации, любой сильный стресс может пробудить затаившуюся инфекцию. Окулисты говорят, что поражения глаз, которые они выявляют у людей до тридцати лет, — реплики врожденного токсоплазмоза.

Если медицина сегодня бессильна в борьбе со СПИДом, то токсоплазмозом она может и должна сладить. Рождение больного ребенка часто вырастает в семейную драму. Не выдерживая физического и нравственного груза, рвущая связи между родителями. Увы, Люба, оставшаяся на руках с парализованным сыном одна, не исключение.

— Наше отечественное здравоохранение считает, — говорит Борис Мороз, — что есть более важные вопросы, которыми оно должно заниматься, особенно это касается акушерства и гинекологии. Наши попытки участвовать в программах по профилактике токсоплазмоза натапливаются на, мягко говоря, непонимание.

За столетия своего существования токсоплазмоз отлично приспособился к среде обитания, и люди, похоже, тоже стремятся приспособиться к нему. Подобно заснувшему за рулем шоферу общество бесечно плывет по течению до тех пор, пока не случится авария.

— Два с половиной года назад, — говорит Александр Баранов, первый заместитель министра здравоохранения СССР, — мы впервые в стране развернули 75 лабораторий фирмы «Эббот» для диагностики внутриутробных инфекций. К этому классу относится и токсоплазмоз. Мы не вычленим программу по токсоплазмозу как особую. Сегодня, после первого шага, сделан и второй — я имею в виду сотрудничество с советско-швейцарским СП «Диаллос». В соответствии с соглашением у нас функционируют около 300 иммуноферментных лабораторий. Кроме этого, с прошлого года подключилась кубинская фирма «Сума», действующая 50 лабораторий с ее оборудованием и диагностическими наборами.

— Почему у нас не ведется статистика по токсоплазмозу?

— Государственная статистика осуществляется только по особо опасным инфекциям. Но есть выборочные исследования, и цифры, полученные таким путем, нельзя недооценивать. У нас регистрируются все случаи выявления любой болезни, учет идет по учреждению, по району. По стране такого учета нет. По оценочным данным, частота врожденного токсоплазмоза составляет до 8 на 1000 живых новорожденных. Это высокая цифра. В стране произошло около 5 миллионов родов в год. Инфицированные беременные составляют 30 процентов, то есть полтора миллиона. Неинфицированных женщин, которые могут заболеть во время беременности и передать инфекцию плоду, — три с половиной миллиона. Из них инфицируются около 35 тысяч. Ежегодно в стране рождаются до 10 тысяч детей, больных токсоплазмозом. У 90 процентов инфекция протекает в скрытой форме, что требует наблюдения до десятилетнего возраста, у остальных имеется развернутая клиника заболевания. Вот вам и статистика...

Тот, кто видел хоть однажды последствия токсоплазмоза, представляет себе весь трагизм ситуации. Вся сложность в том, что импортные лаборатории и импортные реактивы — это валюта. Для лечения токсоплазмоза в СССР до последнего времени применялся венгерский препарат тиндурин, уже год, как он поступает с перебоями, а производство отечественного аналога хлоридина прекращено.

— Значит, вся надежда на

профилактику. Обязательна ли у нас проверка беременных женщин на токсоплазмоз?

— Пока нет.

— В Соединенных Штатах рождается в год около трех с половиной тысяч детей с врожденным токсоплазмозом. На лечение и реабилитацию каждого ребенка тратится 70 тысяч долларов. Сколько денег затрачивается у нас?

— Насколько я знаю, экономический ущерб никто не считал, но если взять за основу содержание одного ребенка — инвалида с детства, а это и пенсия, и реабилитационные мероприятия, то вырастет внушительная сумма в десятки тысяч рублей в год. Плюс колоссальный моральный ущерб для семьи. Я бы не стал измерять затраты деньгами...

— Да, это звучит печально — в особенности для матерей, чьи дети тяжело больны. Их положение тягостно, почти безнадежно, и было бы глубоко безнравственно выставить им счет. Не о том речь. Просто, думаю, мне, профилактические мероприятия намного дешевле, чем лечение.

— Все профилактические мероприятия всегда в 10–20 раз дешевле, чем преодоление последствий заболевания. Это известная истина, но у нас в стране ситуация такова, что, как правило, не хватает денег даже для оказания экстренной неотложной медицинской помощи.

В Минздраве СССР, который пока еще существует, я узнала, что разработка Государственной программы по диагностике, клинике, лечению и профилактике токсоплазмоза с последующим ее финансированием признана целесообразной. Хотелось бы верить, что ее не постигнет печальная участь Продовольственной программы, оставшей след разве что в анекдотах.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Родители больных деток поддерживают друг с другом связь, помогают советом и делом. И Люба: «орыкий ст-т» — подспорье для других. Во и недавно к ней обратилась мать семимесячной Светы: у девочки только один глаз не видит, может быть, жизнь ее сложится иначе, чем у Гоши. И Люба утешает, как может, хотя лучше многих знает, что Светины шансы ох как слабы.

Что можно посоветовать нашим женщинам? Не гладить кошек и не притрагиваться к сырому фаршу? Непрерывно мыть руки и прислушиваться к себе: все ли в порядке? Или просто, как Майкл Джексон, время от времени залезать в барокамеру и дышать кислородом?

Есть только один путь — при первом обращении в женскую консультацию по поводу беременности сдать анализ на токсоплазмоз, а затем, при необходимости, повторить его еще два-три раза. Вот и вся профилактика. Плюс элементарная сангитация.

Последние фотографии. Гошину замеченнее лицо с закрытыми навсегда глазами, темные розы в изголовье. И Люба, в черном платке, склонившаяся в немом вопросе. Нет ей ответа.

БЕСТСЕЛЛЕР

Jürgen Alberts Zielperson unbekannt

Roman aus dem Verfassungsschutz

Steidl

Юрген Альбертс:

"В демократическом
государстве
не должно быть
секретных служб"

«Я хотел бы извиниться перед моими друзьями и знакомыми. В последние три года я не всегда был в тех местах, которые называл им. Это легко объяснить. Контакты с людьми из ведомства по охране конституции ФРГ и бывшими сотрудниками секретных служб приходилось скрывать», — пишет Юрген Альбертс в послесловии к своей последней книге «Zielperson unbekannt», название которой я перевела бы как «Объект неизвестен». Роман о деятельности спецслужб, включивший в себя вымысел и реальность, вызвал не только читательский интерес...

— Господин Альбертс, почему вы решили взяться за шпионский роман?

— Идея появилась в 1986 году. После прочтения нескольких шпионских романов меня не оставило ощущение, что это сказки, пожалуй, лишь Джон Ле Карре составлял исключение. Мне захотелось написать книгу, основанную на фактах. С помощью знакомых я пытался выйти на людей, имеющих прямое отношение к секретным службам, но стоило мне только встретиться с кем-то из них, как я слышал одни и те же слова: «Ты журналист, а я сотрудник, нам не о чем говорить». Причем люди, которые помогали мне устанавливать контакты, знали, что я никогда не пожелтую информатором, то есть не позволю себе сослаться на него. И вот наконец один человек согласился дать мне информацию о буднях спецслужб, но, когда я уже писал роман, он позвонил и попросил: «Ни слова из того, что я вам рассказал. Это слишком опасно для меня». Я согласился.

— Как же вы вышли из положения?

— Помог случай. Хайнц Фельфе, бывший в 50-е годы агентом КГБ, разоблаченный, отсидевший шесть с половиной лет и обмененный на другого агента, опубликовал книгу. Я написал письмо в международный пресс-центр в Восточном Берлине с просьбой взять интервью у Фельфе, который жил в ГДР. Через две недели пришел ответ: «Приезжайте». Меня встретил очень обаятельный человек, который сказал примерно следующие слова: «Вы, конечно, можете поговорить с Фельфе, но зачем вам это надо?» Я объяснил, что пишу роман о буднях спецслужб. Наконец в очередной мой приезд в Восточный Берлин встреча с Хайнцем Фельфе состоялась, но и тут были свои правила игры. Мне пришлось сдать кассеты с интервью для расшифровки...

— Вы наверняка попали в поле зрения «Штази» (МГБ ГДР)?

— Я это заметил и попросил о встрече с Гюнтером Гийомом, так называемым «канцлерским шпионом», деятельность которого в 70-е годы привела к отставке Вилли Брандта, а также с человеком, который особенно меня интересует, — с Хансом-Йоахимом Тиде, двадцать лет проработавшим в западногерманской службе безопасности, а в 85-м перешедшим в ГДР. Мне сказали, что все это возможно, но следует набраться терпения. Я знал номер контактного телефона, который находился в помещении транспортной полиции, и меня снабжали материалами о скандалах в ФРГ, которые и сегодня не утратили актуальности.

— Все складывалось для вас благополучно?

— Не совсем. Открыв однажды журнал «Шпигель», я прочитал отрывок из мемуаров Гюнтера Гийома. Что про-

стливы продемонстрировать министру новый компьютер «Надис», в котором накоплена информация обо всех подозрительных лицах. Геншер спросил, нет ли и его среди них. «Нет, господин министр, — ответили ему, — как вам могло такое прийти в голову?» Тем не менее он захотел проверить, и что же? Имя Геншера было в компьютере! Разозленный Геншер покинул ведомство.

— Что же произошло? Как имя министра внутренних дел попало в компьютер?

— Один человек из Бонна ездил в Восточную Германию, однажды с ним заговорил сотрудник госбезопасности. Он поинтересовался, знает ли боннец каких-либо политиков. Тот ответил, что знает Геншера из ФДП, да и то по имени. «Попробуйте о нем разузнать», — сказал офицер «Штази». Вернувшись домой, боннец тут же обратился в ведомство по защите конституции. Так Геншер попал в картотеку, как возможная цель разведки противной стороны...

— Можно себе представить реакцию на вашу книгу...

— Я дал пресс-конференцию на Франкфуртской книжной ярмарке, куда явился со своим адвокатом. Он сказал, что в нашем законодательстве есть соответствующий параграф — журналистская измена родине и автора можно было бы привлечь к судебной ответственности, если бы написанная книга не была романом. К слову, вместе с романом я хотел опубликовать некоторые разделы из докторской диссертации Тиде, где речь шла о 10—15 нелегальных акциях. «Можно ли печатать?» — спросил я у адвоката. «Конечно», — ответил он, — если автор готов отсидеть пять лет в тюрьме».

— Но вернемся к скандалу вокруг романа.

— По телевидению прозвучала такая фраза: «Лучшим рецензентом для этой книги является президент ведомства по защите конституции. Мы бы хотели услышать его мнение о книге перед камерой». Он ни за что не хотел выступать по телевидению, но произошло следующее. Спикер ведомства решил, что его коллеги, выведенный в романе, это он сам. Я с ним и знаком-то не был. И вот он уговорил президента выступить. Тот сказал, что единственное, что ему не нравится в этом романе, так это то, что это роман. В противном случае автор стоял бы перед судом.

— Были ли у вас проблемы после выхода книги?

— Нет. Разве что стали появляться люди, которые давали мне фальшивую информацию в надежде, что я ее опубликую. Например, позвонил какой-то человек и сказал: «Известно ли вам, что недалеко от Нойса (это рядом с Кельном) есть служба для прослушивания всех западногерманских телефонов?» Я ответил, что это, конечно, скандал, но прежде чем публиковать информацию, я должен ее проверить. И что же... там действительно находится учреждение, в которое стекаются счета за телефонные разговоры. Вот и все. На анонимные звонки я реагировал спокойно: «Вы знаете, где я живу, заходите, я хочу вас видеть». Никто не пришел.

— За вами когда-нибудь следили?

— Когда пишешь такие книги, ставишь себя в ситуацию, когда начинает казаться, что телефон прослушивается, что за тобой следят. Я не знаю, так ли это. Меня это просто не интересует. Я сказал себе с самого начала: есть только одна возможность жить с этим — не обращая внимания, не думая. Иначе можно довести себя до паранойи.

— Имел ли неприятности ваш издатель?

— Я знал, что это человек, который умеет хранить тайну до конца. Я ему сказал: «Это трудный материал, надо молчать». Он лично был знаком с двумя людьми из контрольной комиссии. Наши секретные службы довольно хорошо контролируются парламентом. Я на колених просил моего издателя не показывать книгу, так как эти люди не пойдут против служб безопасности. Потом они упрекали его в том, что не показал роман, так как, по их словам, они могли дать хороший совет.

— Ваши контакты с сотрудниками МГБ ГДР происходили в 1987-м, еще до падения стены. Ваш интерес понятен, но почему «Штази» пошла вам навстречу?

— Я тоже думал об этом. Первая мысль была: одно тайное ведомство ненавидит другое, и в борьбе все средства хороши. Но есть и другая причина — сыграть партию. Мне предлагают информацию, компрометирующую одного высокопоставленного государственного чиновника со словами: «Вам интересно?» «Какой же журналист в этом не заинтересован?» — отвечал я. — Дайте мне информацию, а я решу, что с ней делать».

— Но почему выбор пал на вас?

— Есть слишком мало журналистов, готовых в течение полутора и больше лет заниматься одной проблемой. А я не спешу. Собираю страничку за страничкой, документ за документом. Все бумаги я хранил у адвоката. Они поняли, что я именно тот человек, который нужен. Разное случалось. Однажды в разговоре с сотрудниками «Штази» я назвал имя одного знакомого журналиста. Спустя время он получил по почте конверт без адреса отправителя. Внутри были материалы, фотокопии документов. Он показал мне один материал. «Ты будешь последним дураком, если опубликуешь это. Информация насквозь фальшивая», — сказал я. У меня нюх на фальшивки. Спецслужбы производят собственные новости. Там сидят такие новеллисты и романисты... 70—75% секретных материалов, производимых тайной полицией всего мира, — фальшивки.

— Вы хотели увидеть будни секретных ведомств. Много ли в них романтики?

— Может быть, у отдельных служб есть какая-то романтика и риск, но в основном это скучнейшая работа за столом, горы бумаг. Опасность существования этих ведомств в том, что они могут действовать бесконтрольно. Если государство называет себя демократическим, оно должно распустил секретные службы. Не только потому, что они причиняют неприятности не тем людям, проникают не в те квартиры, подслушивают не те телефоны, но и потому, что представляют опасность для всего общества. Иногда их деятельность граничит с абсурдом. Я лично знаю человека, который начинал «клопами» советское посольство в Бонне. Видеомониторы установлены везде, слежка идет круглосуточно. По немецким законам, каждые три месяца следует получать разрешение на прослушивание телефонных разговоров. И вот с указанием на определенную личность в восьмидесяти раз выдается разрешение. В боннском ведомстве не было ни одного специалиста по болгарскому языку, тем не менее болгарское посольство исправно прослушивалось.

— Есть ли различия между западными и восточными спецслужбами?

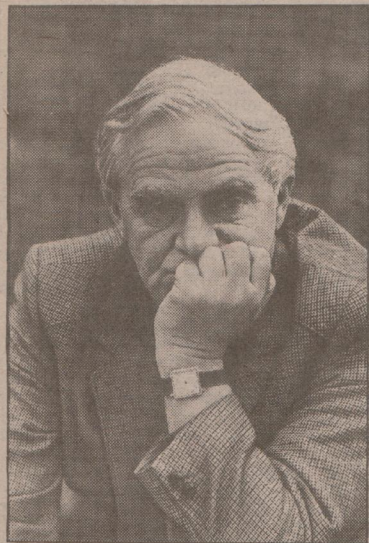
— Я всегда говорил, что не стоит проводить сравнений «Штази» с ведомством по охране конституции ФРГ. «Штази» по средствам и методам лидировала. Не говоря уж о личном составе. По ее собственным данным, в службе госбезопасности ГДР насчитывалось 220 тысяч сотрудников на 16 миллионов населения, в ФРГ — около 5 тысяч... О существовании этого ведомства в ФРГ знают лишь те, кто вступал с ним в конфронтацию, большинство населения не замечает ничего. В ГДР же достаточно было сосчитать до пяти, следующим по счету был агент «Штази».

— Скажите, Юрген, а если бы вам предложили поработать на спецслужбе, вы бы согласились?

— Нет. Я увидел, что работа в секретном ведомстве деформирует людей, и меня это ужаснуло. Уже тот факт, что об определенных вещах они не имеют права говорить с близкими, означает, что они вынуждены лгать. Ведомство по охране конституции в Кельне выглядит как средневековая крепость. Огромная территория, колючая проволока, вход по магнитным карточкам. Один коллега снимал с камерой сотрудников во время обеденного перерыва. «Мы проводим опрос», — говорил он. — Где вы работаете? «Отойдите с камерой!» — шипели ему. Ни один человек не признался, где он работает. Я бы так жить не смог. Мы приходим в этот мир не для того, чтобы деформировать свою человеческую природу. Никакая романтика этого не стоит.

Беседу вела
Елена АЗАРОВА

ДАНИИЛ ГРАНИН:

Публикуя заключительный фрагмент беседы нашего специального корреспондента Евгении Стоянской с Даниилом Граниным, мы отмечаем появление этого известного, любимого нами писателя в составе редакционного совета газеты «Совершенно секретно» и журнала «Детектив и политика».

Полностью текст беседы читатели найдут в шестом выпуске «Детектива и политики». Под рубрикой «Экспертиза» здесь будут напечатаны материалы заочного «круглого стола» на тему «Путч: до, во время, после...», включающие также размышления С. Говорухина, В. Кардина, Л. Аннинского, В. Королева, В. Корнилова, Л. Жуховицкого, В. Полещука.

ЧЕМ ЖИВ ПИСАТЕЛЬ

...И так, чем, как вы полагаете, будет уместно завершить нашу беседу о путче?

— История с этим трехдневным путчем и его разгромом — она была для меня еще в одном отношении особенно важна.

Меня зачислил к себе в Президентский совет, или Высший координационно-консультативный комитет, Ельцин. Это было год назад, и мы, значит, там работали. И я с большим удовольствием бывал на этих заседаниях, которые проводились более или менее регулярно. Там у нас довольно хороший был состав — на правах примерно Президентского совета. Там был Волкогонов, там был Марк Захаров, там были Карякин, Бунин, Тихонов, Петраков, Махарадзе... Это был очень приятный народ — умный, толковый, интересный. — Я убедился, что Ельцин подбирать людей умеет, и убедился, что он умеет слушать — и не просто слушать, он умеет еще и воспринимать какие-то разумные вещи — очень мобильно воспринимать. И от заседания к заседанию у меня впечатление о нем становилось все более позитивным. Хотя я уже был гравмирован Горбачевым, в котором успел к тому времени

сильно разочароваться, и зарекался больше руководителями не восторгаться и не чтить их (смеется).

Тем не менее вот попал под обаяние Ельцина и, несмотря на всю свою критичность, в общем все определенное отдавал ему должное. В ситуации путча он, конечно, вел себя безупречно, я бы сказал, просто замечательно. У него не было — я потом говорил об этом с ребятами — ни одного неверного решения, он был совершенно какой-то... развернулся его талант вождя — вот к нему прибегают, сообщают: Борис Николаевич, танки на мосту — надо принимать решение, и он принимает решение — тут же, с ходу — «всех людей — к танкам!». Не кидать бутылки, не бранить, не ругать, а общаться... так? И сотни людей рванулись к танкам, начали носить кофе, мороженое, разговаривать с ними, и те ребята повывезли, они ведь ничего не понимали, и через час-два они уже стали разбираться в том, что же произошло, и через несколько часов эта часть уже была небоеспособной...

— Как вы прокомментировали бы кое-какие ошибочные, на мой взгляд, последующие его указы, слишком поспешные, слишком категоричные?

— Согласен, шаги после были и неверные, были, конечно, и какие-то ошибки... Кстати, насчет границ — это, между прочим, вещь не такая очевидная, потому что, когда мы были в составе Союза, все границы были условные, и ни у кого это не вызывало никаких сомнений. А когда начинают выходить из Союза, границы нужно уже точно обозначать, и масса спорных вопросов возникает.

Категоричность — конечно, да. Ну, может, тут и эйфория победы подействовала — не знаю что. Вероятно, можно это поставить ему в укор, но ведь он не упорствует — признает, исправляет свои ошибки, как может, так что в этом смысле он человек очень лабильный.

— Что думаете о сравнениях с Горбачевым?

— Я думаю, что нельзя их сравнивать. Хотя они, как говорится, из одной кастрилы, но есть между ними и решающее отличие. Дело в том, что Ельцин побывал «на том берегу»... Когда его выгнали отовсюду, когда его предавали, подвергнув остракизму полному, он побывал на другом берегу, откуда видно все — что представляют собой партия, власть, весь этот знаковый ему до мельчайших шестеренок и винтиков механизм, он его увидел не изнутри,

а со стороны — увидел и ужаснулся. Горбачев его никогда не видал со стороны, он всегда внутри его. Это — разница большая между ними...

— Какую систему демократии, власти вы считаете самой совершенной?

— Пожалуй, английскую систему власти. Вот зарисовка. Время — июль сорок пятого года, полтора месяца спустя после окончания войны. Черчилль — спаситель Англии, главная радость демократических правительств и стран всего мира. Он дома, сидит в ванне, ему сообщают, что обе палаты парламента потребовали его отставки. Он выскакивает из ванны и кричит: «Да здравствует Англия!»

Это — система, при которой либералы уходят, консерваторы приходят, либералы приходят... Система, при которой можно увидеть другую партию у власти, понять ее, оценить ее, критиковать. Потом ты приходишь опять к власти, и тебя видят уже со стороны. Система чередования, возможность видеть со стороны — мы же этого лишены. Горбачев никогда не мог видеть себя со стороны — какой он, как он смотрится. А он смотрится неважно зачастую. А Ельцин имел эту возможность. Тяжелая возможность, но была дана ему...

— Как себя чувствуете ныне за письменным столом?

— Ну, поскольку я депутат, председатель фонда («Культурная инициатива»), секретарь Союза писателей, все эти общественные дела очень отвлекают — это ясно. И общественные дела забирают не просто время, а забирают еще и душу, потому что все время живешь с ощущением того, что не можешь сделать то, что хочешь. Потому что в этом Верховном Совете черт знает что творится — на этих съездах никак не удастся важнейших вещей добиться. Не удастся поставить хороших людей, не удастся принять какие-то решения, что-то с этими демократами не получается — и так далее: все время вскипаешь, все время чувство своей беспомощности и недовольства — и это невыносимо для работы. Потому что то, что я пишу, — это не про Верховный Совет и не про свою политическую жизнь, это другая жизнь, другая планета. Очень много сил уходит на то, чтобы погрузиться. А жизнь — только погрузиться — тебя выдергивает опять. Это — мучительное состояние...

— А что, хотелось? Во что погрузиться?

— А погружаюсь я в свой роман — повесть была, теперь — роман — такой, более или менее приключенческий, роман — о шпионах, об ученых, о нашей жизни, об американской жизни — все это перемешано там, в основе лежат документальные судьбы действительно существовавших людей — поразительные люди, поразительные судьбы, о которых много написано за границей, но мы ничего не знаем об их жизни там, хотя это наши люди — и об их жизни здесь ничего не знает Америка.

Работа над этим романом, конечно, требует погружения. Много времени уходило на эту перестройку, на возможность писать и невозможность писать — короче, на всю эту канитель с внутренним состоянием. Но когда я уже наконец настроился, уехал в Германию по приглашению и там сумел как-то отключиться и началась работа — вот тут нам был преподнесен путч — пришлось опять выскочить, уже невозможно было там, вдалеке, находиться. Это беда большая — не только моя беда, а и других писателей.

— А тут еще громкие баталии вокруг Союза писателей...

— Ну, это как раз меня меньше всего интересует, я как-то мало этим обеспокоен. Нынешняя жизнь литературная — она создала то, что я назвал бы катастрофической независимостью — то есть настолько сейчас не нужна литература, настолько люди перестают и перестали читать книги, что мало кому есть дело до писателей: что они там пишут, чем занимаются. Уже и поток писем читательских сократился — люди заняты, стоят в очередях, смотрят телевизор — литература ушла с того ненормального места, которое она занимала в жизни советского общества. Это было ненормальное место и ненормальные функции ее. Она не заняла подобающего места, какое занимает за рубежом. Там — спокойная стабильная жизнь, а она скукожилась (смеется) совершенно, где-то в угол запрягалась сейчас, не может сейчас помогать — даже люди, которые любят литературу и остались ей верны, им тоже некогда, не до нее.

Но — пахарь должен пахать, писатель должен писать... И я вот эту катастрофическую независимость воспринимаю как благо. Хотя большинство литераторов, конечно, обеспокоены очень — и бедствуют, и боятся, потому что никак не прожить, никому вроде не нужны сейчас ни стихи, ни книжки, ни романы, в лучшем случае детектив идет — и этот политический детектив ваш и «Совершенно секретно» — и, значит, секс, и божественная литература, и йоги, а не новинки советской литературы, — что-нибудь из русского зарубежья, пожалуй.

Но, повторяю, меня это как-то сейчас устраивает — не беспокоит, не зовут на литературные вечера, будет издано, не будет издано — можно сидеть и писать, хочется написать то, что никто, кроме меня, не напишет никогда, и мне это сладостно...

Этот путч сбил меня, отбросил. Что-то надо уже переписать. Изменилось видение мира. Мир сдвинулся, он не остался, каким был. Если бы я писал сейчас даже чисто лобовую историю — и то это как-то проникло бы. Мы жили в другом мире до путча, в мире каких-то более осторожных отношений. Это все иначе сейчас видится, иначе чувствуется, отношения между людьми другими стали вдруг...

КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ

КУРС ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ АБИТУРИЕНТОВ с учетом индивидуального уровня знаний ведут преподаватели вузов, имеющие большой опыт успешной подготовки и приема вступительных экзаменов в МФТИ, МГУ, педагогические и медицинские вузы, МИЭМ, МИРЭА, МГТУ, МИМО, МАИ, МАДИ, МЭИ, МИИТ, МИНХ, МЭСИ, МИСИС, МИИТ, МИСИ, Коммерческий институт и др.

КУРСЫ СЕКРЕТАРЕЙ-РЕФЕРЕНТОВ для СП, МП и др.: иностранные языки, машинопись, делопроизводство, работа на компьютере, ксероксе и факсе, автодело, имидж, шейпинг. Стоимость — 6500 руб. наличными, 7500 руб. по безналичному расчету.

КУРСЫ ТРАДИЦИОННОГО И ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ЛЮБЫМ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. Занятия ведут советские и зарубежные специалисты. По окончании имеется возможность посещения страны изучаемого языка.

ШКОЛА ГУВЕРНЕРОВ продолжает набор с последующим трудоустройством в советские и иностранные семьи.

КУРС «КАК НАУЧИТЬСЯ ТОРГОВАТЬ» (экспорт, импорт, резкспорт). Слушатели готовятся к самостоятельной контрактации внешнеторговых сделок. Окончившие получают сертификат готовности, аналогичный европейским образцам.

ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКАМ по всем предметам. **ОБУЧАЕТ ДОШКОЛЬНИКОВ** иностранным языкам, рисованию, йоге, готовит к школе.

ПРОВОДИТ ПРЕЗЕНТАЦИЮ ДИПЛОМИРОВАННЫХ СЕКРЕТАРЕЙ-РЕФЕРЕНТОВ, а также предлагает УСЛУГИ ГУВЕРНЕРОВ для работы с детьми от 2 до 10 лет.

НАШИ ТЕЛЕФОНЫ:

402-95-65, 270-87-09, 268-07-63, 235-88-06, 378-45-04

Грант АПРЕСЯН

Он сказал так: «Я буду говорить о себе, о некоторых профессиональных секретах, ты задаешь любые вопросы, но при одном условии: мое имя, место жительства и место бывшей работы останутся неизвестными. Я не испытываю страха, меня не очень просто убрать, в уголовном розыске нет понятия «техника безопасности»... Боюсь за ребенка, который пока беззащитен. Поэтому прошу: блокнот с записями никому не показывая, а когда сделаешь материал, прежде чем понесешь начальству, обязательно дай посмотреть».

Условия были выполнены.

Я стал сотрудником милиции после армии, — начал мой собеседник. — Прошел все ступени — от младшего инспектора уголовного розыска до старшего следователя. Работа захватывала, занимала все мое время, с утра до ночи, изо дня в день. А потом, спустя годы, наступил срыв, перелом. Да и в сознании тоже. Но не только. Несколько командировок, о которых не хочу распространяться, основательно подпортили здоровье. При этом я не принимаю в расчет пару ранений, не особо тяжелых. Шесть лет ждал трехкомнатную квартиру — не получил, тогда как ребята из БХСС, кстати, лихо бравшие взятки еще в относительно «безвзяточное» время — вторая половина 70-х — начало 80-х, — уже через полгода въезжали в новое жилье. Тогда я был — и вспомнить-то смешно! — исключительно честным и порядочным, не то что теперь. Даже в партию хотел вступить осознанно, не ради карьеры, ведь убежденным большевиком считал себя до 29 лет. Серьезно! А в партию — очередь, стоял восьмым, но кандидатом стать не успел.

Последние три года службы стал понимать, что занимаюсь не своим делом. Мои идеалы, вера в справедливость, добро, человечность медленно рассыпались, и наступил момент, когда я окончательно лишился нравственной прочности, необходимой всем, кто связан судьбой с органами. И поэтому считаю, что должен рассказать о работе, которой занимался, которая сломала меня. Гражданам страны, а в подавляющем большинстве это забитые, напуганные, бесправные люди, втихую, а иногда и во всеуслышание проклинаящие наш строй, сделавший из них скотов, нужно наконец знать правду и об этой деятельности.

Свободный гражданин в свободной демократической стране вправе знать все, чему он может подвергнуться согласно не Закону, а секретным инструкциям, увы, зачастую не подконтрольным никаким ведомствам.

Во-первых, личный сыск. Это самый порядочный, самый «законный» метод, отлучающий — относительно, конечно, — духу гуманности и не нарушающий прав человека. Но все равно занятие неблагоприятное. И неблагоприятное. Не скрою, оно мне нравилось. Я могу разговаривать на

языке определенной среды, в меру артистичен, могу материться сверх положенного — суперинформативно. Тут уж, конечно, не до аристократизма. Сотрудник должен безукоризненно соответствовать амплуа. Таких у нас мало, поэтому в наше время личный сыск ощущимых результатов не дает. Успех приходит, когда сыск ведет человек с серьезными навыками, умеющий идти по «горячим» следам. В общем, вполне безобидные игры по сравнению с тем, что принято называть агентурной работой. Ее методы схожи в МВД, КГБ, БХСС, армейской разведке. В местах лишения свободы тоже есть своя агентура.

Начальный этап агентурной работы — вербовка. (Во времена Щелокова стало принято говорить «привлечение к негласному сотрудничеству».) Короче, набор стукачей.

При вербовке агентов из числа уголовников используются самые низменные человеческие чувства. Иногда не без оснований, разумеется, говорят: «Ты ведешь неприличный образ жизни. Или «стучи», или выслем!» Куда деваться? Соглашается. Другое. Установлено, что некто страдает пассивной формой педерастии. Снова угроза, шантаж: «Не хочешь с нами сотрудничать, отправим в лагерь, там тебе устроит...» Конечно, он может согласиться и потом меня обмануть, тогда с ним ничего не поделаешь. Хотя крутые менты нарушителей вербовки не прощали, расправлялись жестоко. Не потому, что они садисты, а для того, чтобы лишний раз напомнить, у кого власть, сила. Могли обманщика изнасиловать вилтером, зарыть живьем в лесу... Изопренных способов достаточно. Еще пример. Твой родственник совершил правонарушение. Милиция его не трогает, тут у нашего брата свой интерес. Главное — есть запенка. Нужен ты. И тебе говорят: «Не примешь мое предложение, «опущу» твою невесту, поставлю на «обшак». Каждый опер располагает такой возможностью.

На вечернем рынке мы поймали парня-спекулянта. Изъяли 500 рублей, товар. Срок светил ему ярко. «Стучать» согласился сам. И в конце концов вывел на группу, совершившую серьезное имущественное преступление. Регулярно давал образцы фарфоровки на экспертизу. Позже я подружился с его семьей, в меру сил им помогал. Неплохой, помню, был паренек, таких сейчас называют бизнесменами, их пруд пруди, орудут безнаказанно, ничего не боясь.

Попавшими и согласные «стучать» потому, что им это нравится. Грубо говоря, по душе постоянно кого-то закладывать. Некоторые агенты набираются по цепочке с помощью тех, кто завербован раньше.

Вербовка идет непременно на конкретное дело. Что дальше — в значительной мере зависит от внутреннего состояния вербовочника, а не только от приказа начальника.

В приказах отмечалось, что надо привлекать к агентурной работе и нормальных граждан. Особо оговаривалось привлечение коммунистов. Их вербовка велась с разрешения первого секретаря горкома партии. А на вербовку лиц из партаппарата требовалось получить «добро» с куда более высокого «этажа».

Однажды привлеченный мною в нарушение всяких инструкций рядовой работник горкома (потом он, конечно, оттуда уволился) успешно собирал компромат на своих начальников, вплоть до

ПОЧТА
«СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО»

ЕЩЕ ОДИН ПУТЬ

Он произошел ровно десять лет назад. И я вряд ли вспомнил бы о нем сегодня, если бы Испания 1981 года столь явно не напоминала бы Москву в августе 1991-го.

Все, о чем я пишу, — строго документально и до сего дня не публиковалось в СССР.

Депутаты, расположившиеся в средних рядах полуциркульного зала кортесов, не сразу сообразили, почему им на голову посыпалось битое стекло с лоскуты, висевшей на потолке. Короткие автоматные очереди, которыми потемнели ворвавшиеся на заседание парламента гражданские гвардейцы в семь вечера, в понедельник, 23 февраля 1981 года, прижали их к полу. Лидера оппозиции Фелипе Гонсалеса Маркеса подручные подполковника Антонио Техеро Молины увели в соседнюю комнату и стерегли, поставив лицом к стене и приставив дуло к затылку. А телекамера, управляемая ошарашенным оператором, беспристрастно фиксировала мельчайшие подробности.

Вот уже восемь часов кряду удерживаются заложниками 350 законодателей: их пленники, похоже, истощены не меньше. Что-то у них не ладится: Техеро нервными шагами меряет ковровую дорожку перед трибуной, ожидая свежих вестей. И они приходят. Расквартированная в предместьях столицы бронетанковая дивизия «Брунетте» не поддавалась на провокацию. Выведенные на улицы Валенси дивизионный генералом Милансом дель Боско танки не получили поддержки в других военных округах. Генеральный директор СЕСИД (военная разведка и контрразведка), тогда бригадный, а ныне дивизионный генерал Эмилио Алоанс Манделано кладет на стол королю последние сводки прослушивания телефонных разговоров организаторов попытки переворота. Монарх в курсе всего, что происходит, и контролирует ситуацию. В категоричных, не терпящих возражений тонах он направляет Милансу дель Боско ультимативный телекс: «В подтверждение состоявшегося между нами разговора по телефону хочу со всей ясностью заявить тебе следующее:

1. Я только что выступил с обращением по телевидению, подтверждая свою категоричную решимость поддерживать конституционный порядок в рамках действующей законности. После этого выступления я уже не могу повернуть вспять.

2. Любой государственный переворот не найдет своего воплощения в короле. Он направлен против короля.

3. Сегодня, как никогда, я намерен выполнять принесенную на знамена присягу. Поэтому, вполне осознанно и думая исключительно об Испании, приказываю тебе вернуться в казармы все подразделения, которые ты привел в движение.

4. Приказываю тебе сказать Техеро, чтобы он немедленно сложил оружие.

5. Клянусь, что не отрекусь от Короны и не покину Испанию. Тот, кто восстает, готов спровоцировать — и он понесет за это ответственность — новую гражданскую войну.

6. Не сомневайтесь в любви моих генералов к Испании. Во имя Испании, во-первых, и во имя Короны, во-вторых, приказываю тебе исполнить все, что я сказал».

Тем временем застигнутые врасплох испанцы, сгрудившись у экранов и затеив дыхание, чутко внимают каждому слову своего короля, сохраняющего ледяную выдержку и самообладание. Чеканя слог, он произносит: «Корона — символ единства и жизнеспособности страны — не допустит никаких акций со стороны людей, которые хотят силой превратить демократический процесс». Эта фраза стала крылатой, в одночасье облетев весь мир, и принесла ее автору высокий международный авторитет. Не говоря, разумеется, о том, что в самой Испании он стал не только де-юре, но и де-факто фигурой первой величины. Ведь один неверный шаг, минутная слабость или недооценка драматизма ситуации, и, по меткому выражению одного из испанских политиков, страна вновь оказалась бы вверженной в пропасть позора и мракобесия. Пройдя это героическое испытание, Хуан Карлос I торжественно объявил: «Я никогда и ни при каких обстоятельствах не выйду в своих действиях за рамки конституции». Это его принципиальное политическое кредо, как, впрочем, и то, что, будучи королем «всех испанцев», он стоит над политическими партиями и коалициями, руководствуясь главной целью — защитой высших интересов государства, народа и демократии.

Сергей МУРАВЬЕВ
Москва

ИСПОВЕДЬ
ОФИЦЕРА
МИЛИЦИИ,
ОСТАВИВШЕГО
ОПЕРАТИВНУЮ
РАБОТУ

ОПЕР
ВЕРИЛ В

первого секретаря. Выслушивая его дознания, ушам своим не верил: неужели у нас — и где, в святой святых — в горном — возможно такое деловое и нравственное разложение. Наплевательское отношение к нуждам города уявилось красивыми речами, перенасыщенными обещаниями и обязательствами, наглый обман жителей, смиренно и преданно внимавших «отцам», взятки, разврат, поощрение лизоблудства. Представляешь мое состояние? Сначала я усомнился в достоверности сведений. И заколебался: не лучше ли отказаться от авантюры? Понимал: если вскроется моя самодельность, мало того что выкинут с работы меня, но и «командиров» моих уволят. Тогда уж наверняка мне придется уехать в другое место. Риснул, перепроверил информацию. Подтвердилось до мельчайших подробностей. Вскоре работу в этом направлении прекратил, агента при переводе на другой участок постарался максимально обезопасить. Но итог получился трагичным.

Стою как-то с ребятами на пороге УВД, мимо на скорости проезжает «пазик» с зашторенными окнами, распахивается задняя дверь, и чьи-то руки в черной «болонье» выкидывают на тротуар скрюченного мужчину. Подбежали — ё-мое, это же «Алик». Полумертвый, несколько ножевых ран. Разыскивать автобус было бесполезно — ни номеров, ни особые примет не заметили.

А если без самодельности, то по службе вербовку санкционирует старший начальник. Для этого запрашиваются спецпроверки. Первый запрос — о судимости. Это официально. Второй — в Главный информационно-вычислительный центр МВД СССР. Запрос такого рода: не числится ли он негласным сотрудником КГБ или другого ведомства. Двойное сотрудничество разрешает только Комитет госбезопасности.

Денги за работу у агентами оперативники получают редко. Правда, отдельные вознаграждения подразумеваются статья 9 сметы расходов на содержание аппарата МВД. Ежемесячно небольшая часть офицеров, имеющих допуск к оперативной работе, способна выпытать из нее 60—70 рублей на каждого.

Обязательно отметить, что для успешной работы необходимы личные приятельские отношения между сотрудником и агентом. Иначе он начнет мухлять. Порой работа твоего агента превращается в лажу, он сачкует, приносит недостоверные сведения, и распознать халтуру сразу бывает очень нелегко. Но, положим, все идет ровно. И однажды ты говоришь себе: «Что ж, целесообразно платить такому-то за добросовестную работу. Предложу-ка ему постоянно этим заниматься». И во время ближайшей встречи вербующего его окончательно: «Бросай работу, остепеняйся, будешь иметь 200 рэ в месяц плюс доплата за информацию». Пишу начальству соответствующий рапорт. Конечно, есть люди — не соглашаются. Их единицы. Большинство подводится к этому этапу естественным путем. Иногда человек сразу вербуются как платный агент.

Особое занятие платных агентов — работа «по низу». Их еще называют «наседками», «кутками» — тех, кто засыпается в камеры.

Работа «по низу» чрезвычайно ответственной. Здесь пользуются 10—15 штампами, которые, как правило, срабатывают. У нас агентами-камерниками занимался опытный сотрудник, и результативность была на удивление высокой. Множество контактов заканчивалось успешно. А ведь уголовники знают о работе «по низу». Матери «пасут» молодых, учат не «колотиться» в общении с незнакомцами. Но в лагере языки развязываются будь здоров, сама атмосфера располагает.

Крайне редко залегированный опер садится в камеру сам. Таких случаев едва ли наберется десятка два по стране. Вот здесь-то и ломаются крепкие, всякое повидавшие мужики. Идет в камеру человек, а подчеркиваю, человек — добрый, справедливый, веселый, любящий семью и друзей, через два-три месяца выходит другой. Какой? Равнодушный и жестокий. Опустошенный. Нервы — ни к черту. Работать не может. Пьет. День, второй, неделю. Все до фени. Две разные жизни — эта и та. Ты, конечно, жизнью назвать нельзя, адаптация после нее мучительна. И ты предоставлен самому себе. Сможешь «пахать» дальше — хорошо, нет — пенять не на кого.

Секретный приказ допускает работу агентов группами. Помню гениальную операцию, объединившую трех взаимно расконспиривированных агентов. Двоих из них надо было внедрить в банду. Ведь уголовники не подозревают о том, что может быть два агента, а не один. При расконспиривировании им объявили: будете действовать на пару. Ни имен друг друга, ни адресов вы не знаете. Взаимное осуждение — по кличкам.

Бывает и одностороннее расконспиривирование, когда агенту сообщают, с кем из коллег ему предстоит контактировать. Выбрав подходящий момент, покажут напарника, допустим, из машины.

Нельзя допустить иметь агентами штатных сотрудников — в копеечку выйдет. Но чем больше агентов, чем продуктивнее они работают, тем большую премию получает опер. Хотя по нынешним временам сумма мизерная.

Вообще-то, работа агента — это прежде всего интересная игра. Кто-то занимается ею из ложных патристических убеждений, кто-то — ради отмычки кому-либо. Другого возмущает чувство небывалой ответственности, осознание того, что они делают нечто такое, о чем информирован лишь узкий круг лиц. Зачастую людей втягивает в агентуру безвыходность положения, из двух зол приходится выбирать меньшее. Любый из нас может оказаться в подобной ситуации.

Самое высокое звено — содержатель конспиративной квартиры. Он — негласный сотрудник милиции. На квартире передают информацию, вербуют агентов. Условие — ее «чистота». На ней не должны бывать уголовники. Содержатель — порядочные люди, знакомые наших сотрудников или пойманные на «компре». Содержатель платит до 180 рублей в месяц, он имеет право нигде не работать. Думаю, ты догадался, что на 90 процентов квартиры используются в качестве притонов, куда милиционеры приходят развлекаться.

Последняя ступень — резидент. Руководитель оперативной сети. Из сотрудников, уволенных на пенсию, с опытом оперработы. Или из особо порядочных агентов. Когда в наличии 30 агентов,

имею право взять резидента. В его полномочия входит прием агентурных сообщений, их фиксация, составление меморандумов агентурных сообщений, оплата труда агентов, взятие расписок.

Любой из нас может стать жертвой и лихих мероприятий. Это особо секретный раздел оперативно-розыскной деятельности. Их — даже в интересах МВД — проводят только сотрудники КГБ: негласное проникновение в жилище, подслушивание телефонных разговоров и перлюстрация (контроль за корреспонденцией).

С ребятами из Комитета мне приходилось не раз хаживать в чужие квартиры. Операция великолепно обеспечивается технически. Я не знаю случаев, чтобы сотрудники заставали на месте осмотра. Был и в наружном наблюдении с радией в рукаве, пульт и микрофон выведены на воротник. Обыск — а такое встречается почти в каждом деле — проводят и по мотивированному постановлению следователя, без санкции прокурора.

Что касается подслушивания телефонных, то постановление уполномоченности следователя МВД. А контроль над почтой идет через руководителя почтово-телеграфного ведомства.

Не хочу сказать, что все обслуженные нами — совершенно невинные жертвы. Мы свой хлеб зря не ели. Но ведь были диссиденты, перед которыми меня до сих пор гложет чувство стыда. Попадались просто психически неполноценные люди, которым в интересах дела нигде не было преступлений. И они, не понимая, что происходит, управлялись в тюрьмы и лагеря, где выдерживали (и не выдерживали) такие мучения, что не привели Господь непостоянному когда-нибудь об этом услышать. И если ты не выродок, если в тебе сохранились крупинки человечности, рано или поздно ты сделаешь выбор. Как сделал я.

Еще один совершенно секретный раздел — оперативная служба. Ведется отдельно в МВД и КГБ. До революции ее сотрудники величали филерами и шпионами. Сейчас — установщики и разведчики. Цель: следить за человеком, фотографировать его, снимать на видео, фиксировать встречи людей.

Теперь подробнее. К примеру, я хочу получить от тебе информацию, и чтобы никто об этом не узнал. Ее мне добудет старушка, из тех, что сидят днями на лавочках у подъездов. Она как бы незначая распросит всех, кто постоянно тебя видит, передаст мне, а уж я выстрою целостную картину на основании установочных данных.

Разведчики — совсем другое. Они «водят» и оперативников. Свои — своих. Следят, так сказать, за лояльностью. Наиболее оснащенный в техническом отношении отдел. Но и у них случаются «проколы». Быстро сменить номера на машине можно, а вот в темпе ее перекрасить в наших условиях нельзя: сохнет долго, а время дорого. Мне удавалось видеть сделанные ими собственные фотографии, докладывавшие руководству, и ребята за небрежность получали нагоняй.

Разведчики секретны даже для сотрудников милиции. Никогда с ними не контактируют, ходят они в штатском, зарплату получают в отдельном месте, оружие берут в исключительных случаях, чтобы потенциальный преступник, предпринявший нападение, не смог опознать милиционера. Близость — их отличительная черта.

Один разведчик говорил: «Нет ничего проще, чем следить за опером». По себе знаю — когда охотник превращается в дичь, это неприятно. Нервничая, снижаешь работоспособность. Тебя обложили, как волка, а вида не подаешь, держишься. Сорваться нельзя.

Служба регламентируется приказами начальников. Прокурор не имеет права вмешиваться в ее деятельность.

Пожалуй, в основном все. Мог рассказать во сто крат больше, но это уже будет на руку преступникам. После увольнения из органов несколько раз меня приглашали в банды — нуждались в моей голове. Живя в городе, я владел графическим получением — вилоты до минуты — всеми предприятиями денег в банке. Это абсолютно секретная вещь. До сих пор гадаю, как узнали, что он у меня есть. Короче, мне предложили за очень солидную мзду поспособствовать. Я не согласился. Тогда у меня еще оставались какие-то моральные принципы. Но дело даже не в них: принципы, как известно, обладают свойством распыляться, особенно у того, кто физически или духовно надломлен. Больше всего на свете я боялся за ребенка. После отказа знал: преступники все равно в покое не оставят, надо перехватывать инициативу. Позвал друзей и разобрался с ними весьма успешно. Как? Извини, это моя маленькая тайна.

Я записал последнее его слово. Смысл рассуждения?

Меньше всего собеседник стремился нагнетать негатив. Незачем. Куда больше нагнетать? Что было — то было. Впрочем, почему было? Разве за последние шесть-восемь лет наша правоохранительная система здорово изменилась к лучшему? Кто-то из вас это почувствовал? Я — нет.

Не так уж сложно понять, как уживалось «особое состояние души» с инструкциями и приказами, приужающими блюстителя законности совершать аморальные — в общечеловеческом понимании — действия. Причем в интересах самой же законности. Выходит, уживалось, но до определенного момента. Дальше — в сторону. Если хочешь оставаться человеком. Такой вот жесткий естественный отбор — детище нашей морали.

Ушел мой собеседник, ушли другие. Но ведь очень многие служат. Стоит ли им надеяться на принятый Верховным Советом Союза Закон о советской милиции? Как он изменит их жизнь? Может, подвергнет сомнению старый постулат, что в борьбе с преступностью лучше не гнущаться ничем?..

Хотя дело не в одном лишь Законе.

Нас берет на измор, унизив до последнего предела (а может, еще нет!), те, в чьих руках сегодня власть, рычаги управления не уважающей себя, несчастной державой. Причем делают это по-разному. Выводят из себя говорильней на съезде и в парламенте; бьют наотмашь, попустительству — из-за бессилия — разгулу боевиков и мафии, словно не их соотечественники гибнут ежедневно в «кризисных зонах» и становятся объектом насилия, грабежа и разбоя. Наконец, прямо угрожают, демонстрируя мощь танковых гусениц и прочность автоматных прикладов.

Чтобы не пикнул никто, а если решится — вот, делайте выводы...

Система ожесточается, затягиваются «гайки», и мы, не видевшие никогда подлинной, как у «них», свободы, похоже, уйдем, не вкусив ее. Нет выбора, есть давление пресса, низвергающего население страны до уровня животных. Ну хватит же! И без того научились ненавидеть друг друга в очередях, в транспорте, на улице, сами сделали свою ненависть умело используемым козырем в руках стоящих над нами.

Пожалуй, срез напуганного общества: агенты, резиденты, установщики... Имеющие шанс в любой момент быть сожранными своими благодетелями, они ревностно служат, возводя себя в некий ранг над остальной массой. Получается, едва ли не каждый из нас — потенциальная жертва.

Но скажите, кто из вас хочет быть жертвой? Даже находясь в туннеле?

Самый удачный во время второй мировой войны американский пилот майор Рихард И. Бонг одержал 40 побед в воздухе.

Наибольших успехов среди союзных летчиков добился Иван Кожедуб: на его боевом счету — 62 победы.

Исследовав действия немецкой истребительной авиации, американские военные историки пришли к сенсационному выводу: десять лучших немецких летчиков-истребителей сбили 2588 самолетов союзной авиации. Только на счету Эрика Хартманна — 352 официальные победы.

Эта статистика — уже не тайна для наших читателей. Но советские военные историки до сих пор не дали приемлемого объяснения столь вопиющего несовпадения количества сбитых «ими» и «нами» самолетов.

Предлагаемая вашему вниманию статья восполняет этот пробел. В ней также впервые в советской печати публикуются биографии известных немецких асов.

После второй мировой войны, закончившейся сокрушительным поражением фашистской Германии, многие видные немецкие летчики оказались в плену. Но они куда меньше интересовали командование государств — членов антигитлеровской коалиции, чем техника и технология. Интерес к судьбе немецких летчиков впервые пробудился в США в середине 50-х годов. С тех пор на Западе вышло немало книг, посвященных немецким пилотам.

Что же сегодня известно нам о немецкой истребительной авиации и ее асах? Насколько эта информация достоверна?

Конечно, можно без серьезной аргументации отмахнуться от феноменальных результатов Эрика Хартманна: мол, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Некоторые советские авторы, «разоблачая» буржуазных фальсификаторов, именно так и делают. Полностью отрицают немецкую систему присуждения побед. Утверждают: если группа истребителей сбивала самолет противника, то победу немцы присуждали всем летчикам или ведуще-

му, что не соответствует действительности. То же можно сказать о присуждении двух побед за сбитый двухмоторный бомбардировщик. Если бы дело обстояло так просто...

Немцы умели считать. Победу присуждали, лишь если она подтверждалась фотокинопулеметом или двумя свидетельствами. «Совместно сбитых» машин, как это было в ВВС США, или «побед в группе», как это было в советских ВВС, в «Люфтваффе» не существовало. Не было у них и 1/2 или 1/4 победы, как в Великобритании. Немецкие летчики и командиры обычно сами решали, кто из них внес больший вклад в одержанную победу, и только один зачислял сбитый самолет на свой счет. Правила «один пилот — одна победа» немцы придерживались всю войну.

Надо признать, что потери, которые немецкие истребители наносили полякам, французам, англичанам, а потом и советским летчикам, были велики. Нередко, особенно в начале войны, советские пилоты демонстрировали героизм и самопожертвование, а немские — хитрую выучку. Это и предопределило начальный успех гитлеровской авиации. Особенно значительное превосходство противник имел в тактике. Большое внимание уделяли немцы преемственности в подготовке летного состава. Когда Гитлер пришел к власти и началось строительство «Люфтваффе», во главе новых формирований стали асы первой мировой. Гражданская война в Испании выдвинула молодых лидеров, таких, как В. Мельдерс и В. Балазар. Их преемники — Г. Траулофт, Г. Лютцов и Д. Храбак.

К несчастью, бесценный опыт, полученный советскими пилотами перед Великой Отечественной войной в Испании, Монголии, Китае, Финляндии, не стал достоянием широкого круга наших летчиков. Наоборот — необоснованные репрессии обрушились на головы самых достойных и опытных.

А гитлеровцы, невероятно жестокие к другим народам, особенно к «неполноценным славянам», очень дорожили своими летчиками. Две недели провел во французском плену в мае 1940 года В. Мельдерс, но это не помешало ему после капитуляции Франции сразу вернуться в строй и занять должность командира истребительной эскадры.

Еще более невероятным представлялся побег из канадского плена обер-лейтенанта Ф. фон Верры, сбитого над Великобританией. Вместо «проверки» его наградили Рыцарским крестом, повысили в воинском звании; летом 1941 года он возглавил одну из авиагрупп на Восточном фронте.

В Советском Союзе перед войной шел резкий количественный рост летного состава: наша авиация срочно пополнялась новичками. Поступившие перед самой войной в западные приграничные округа новые истребители МиГ-3, Як-1,

эскадры. Благоприятное для немцев развитие событий и завоевание господства в воздухе позволило им не форсировать ввод в строй молодых летчиков.

Стремясь компенсировать численное отставание своей истребительной авиации, немецкое командование увеличило боевую нагрузку на каждый исправный самолет, максимально приблизив аэродромы и посадочные площадки к линии фронта. В хорошую летную погоду фашистские летчики совершали до восьми вылетов в сутки. С подобной интенсивностью не летали не только пилоты союзников, но и немецкие летчики, сражавшиеся на других фронтах. Конечно, далеко не все могли выдержать такие нагрузки, но именно из самых выносливых вырастали асы.

Не последнюю роль в первоначальных успехах «Люфтваффе» сыграло превосходство «Мессершмитта-109» над советскими машинами, особенно в скорости.

НЕМЕЦКИЕ АСЫ на Восточном фронте

Дмитрий ХАЗАНОВ

Общий счет потерь в это время был далеко не в нашу пользу. Если сопоставить советские потери только в воздушных боях (по нашим официальным данным) с немецкими потерями (по данным «Люфтваффе») за первые полгода войны Германии и СССР, то на каждый сбитый советский самолет приходилось 0,28 безвозвратно потерянных или 0,36 серьезно поврежденных немецких самолета. Значительные потери понесла и небоевая авиация, которую противник также учитывал в своих расчетах.

И все-таки правомочен вопрос: действительно ли превосходили немецкие асы наших летчиков? И так ли абсолютно точен счет их побед на Восточном фронте?

Прежде чем ответить на эти вопросы, надо напомнить, что война длилась очень долго, почти четыре года, и в разные ее периоды соотношение сил было не одинаковым, постепенно склонялось в нашу пользу.

Может показаться странным, но первые и самые крупные успехи «Люфтваффе» были более или менее равномерно распределены среди большого числа летчиков. Прославленные в Германии асы имели на Восточном фронте не так уж много побед. Даже В. Мельдерс, добившийся к моменту назначения его генерал-инспектором истребительной авиации 101 победы, только треть из них одержал на Восточном фронте.

Как видим, даже в период пика успехов немецких пилотов на Востоке у них не было трехзначных цифр побед. Советский Союз, несмотря на перво-

ЛаГГ-3 в целом освоены не были. Да и сами эти самолеты имели множество дефектов, которые требовали срочного устранения. Поэтому воевать советские летчики начали на уже устаревших как морально, так и физически боевых машинах.

В свою очередь боевые машины «Люфтваффе» были хорошо изучены и освоены. Большинство пилотов имели полуторагодовой опыт войны, в добавление к школе начальной подготовки и стажировке в учебной группе боевой

Вернер Мельдерс, немецкий летчик, первым достигший 100 побед

начальные тяжелые поражения, сумел сохранить свою авиационную промышленность, эвакуировав заводы и фабрики из западных областей на Восток. Интенсивно шло развертывание производства боевой техники в Сибири и на Урале. Это позволило не только восполнить потери, но и провести перевооружение авиации на новые, современные типы боевых машин. С появлением машин Як-9 и Ла-5 осенью 1942 года противник лишился своего превосходства на малых и средних высотах.

Усиление советской авиации привело к ряду тяжелых поражений Германии — под Сталинградом, на Кубани, на Курской дуге. Большие потери «Люфтваффе» в это время подтверждаются немецкими документами. Но именно тогда же отмечен наибольший рост боевых счетов немецких асов. Неудивительно, что при анализе заявленных побед возникает немало сомнений.

Особенно,стораживает расхождение данных в советских и немецких документах. Вышедшая в Хельсинки книга Ханно Валтонена «Люфтваффе» в Финляндии обильно цитирует немецкие документы, относящиеся к действиям 1-го и 5-го воздушных флотов фашистов. Так, подводя итоги боев при прорыве блокады Ленинграда, «Журнал боевых действий 1-го воздушного флота» отмечает, что за март 1943 года сбито 357 советских самолетов. Но действовавшая под Ленинградом наша 13-я воздушная армия лишилась в марте только 44 машин. Это позволяет считать сильно завышенной немцами оценку своих успехов. При этом немцы отмечают сбитые советские «Брустеры», «Буффало», «Норт-Америкены», «Мустанги», однако наличие у нас таких машин не подтверждается советскими документами. В июне 1943 года среди других побед 5-го воздушного флота немцев в Заполярье значатся советские «Хакеры» («Тайфуны»), что также не соответствует действительности.

Ссылаясь на немецкие документы, историки Хейнрихи и Гаук пишут, что «за 5 июля 1943 года (первый день немецкого наступления на Курск. — Д.Х.) 4-й воздушный флот фашистов сбил 303, а 6-й воздушный флот — 120 советских самолетов, а сам понес незначительные потери». На самом деле советские потери втрое преувеличены. Поэтому вызывают сомнения и четыре победы в четырех вылетах, заявленные в этот день лучшим немецким асом Э. Хартманном.

В Швабедиссен в работе «Советские ВВС глазами немецкого командования» (Нью-Йорк, 1960) приводит немецкие данные о сбитых Илах, которые в 1943 году завышены в 2 раза, а в 1944 году — в 2,2 раза. Чем хуже шли дела у фашистов, тем более преувеличенным оказывалось число их побед.

Напомним к тому же, что в немецкой авиации существовал термин «пораженный самолет» противника, а не сбитый в бою. Как правило, по характеру попадания, зафиксированных фотоинформацией, и засчитывали победы. Здесь тоже можно высказать сомнение. Многие советские самолеты обладали большим запасом живучести и возвращались на свой аэродром с такими разрушениями, что немцы наверняка считали машину «пораженной». Среди истребителей Ла-5, Ла-7 и Як-9У, с этими машинами немцы атаковали советские самолеты на взлете и посадке, чем наносили нам значительные потери.

Оправившись от тяжелых поражений 1941 года, советские ВВС постепенно увеличивали свое численное превосходство. Если к контрастности под Сталинградом наша фронтовая авиация вдвое превосходила авиацию противника, то к началу Курской битвы — уже втрое. Впоследствии это соотношение для ВВС Красной Армии становилось все более благоприятным.

Когда во второй половине 1944 года начался массовый выпуск самолетов Як-3, Ла-7 и Як-9У, с этими машинами немцы успешно конкурировать уже не могли. А поскольку их основные типы

истребителей уступали не только советским машинам, но и последним «мустангам» и «спитфайерам», то немцы предприняли решительный шаг и запустили в серийное производство реактивных самолетов, среди которых по-настоящему боевым истребителем был Me-262. В основном самолеты Me-262 применялись против стратегических бомбардировщиков ВВС США, а на советско-германском фронте появлялись эпизодически. Немецко-фашистское командование до конца войны не успело ни развернуть массовое производство реактивных машин, ни освоить их.

В заключение хотелось впервые в советской печати хотя бы кратко привести биографии видных немецких асов, которым на Западе посвящено немало книг, а у нас все, что касается их, еще и сегодня считается «совершенно секретным».

ВЕРНЕР МЕЛЬДЕРС

Наиболее почитаемым в Германии пилотом является Вернер Мельдерс. С учетом побед, одержанных во время гражданской войны в Испании, на его счету их было 115.

Когда в 1935 году Мельдерс решил начать свою летную карьеру, он долго не мог пройти медкомиссию из-за своей болезненности. С большим трудом попал в апреле 1938 года в Испанию, он стал сразу знаменит, так как с 14 победами оказался лучшим немецким летчиком-истребителем. Не последнюю роль в его успехах сыграло применение новейших Me-109, с которыми была связана вся его боевая карьера.

22 ноября 1941 года в возрасте всего 28 лет Вернер Мельдерс разбился в авиакатастрофе.

ЭРИК ХАРТМАНН

Из-за своей молодости Хартманн лишь осенью 1942 года начал участвовать в боях. Этот молодой человек с детства решил посвятить себя небу, занимался планеризмом, полетами на спортивных самолетах. Однако Хартманну не повезло, несмотря на его хорошую летную подготовку. В третьем же вылете его сбили над Кавказом. Первая победа над Ил-2 в ноябре 1942 года сопровождалась вынужденной посадкой и ранением. С опытом пришли тактическое мастерство и военная хитрость. В бою Хартманна отличало стремление поразить противника сзади с предельно малых дистанций. Любил он и «свободную охоту».

Приводимые в западной литературе сведения о том, что якобы русские звали Хартманна «бичом божьим Восточного фронта» или «черным дьяволом Украины», общались «за его голову 10 000 рублей», маловероятны, так как в советских ВВС не интересовались личностью противника и знакомились с немецкими летчиками только при их допросе в плену. Это подтверждается тем фактом, что, когда после своей 90-й победы Хартманн был сбит и попал в плен, на него не обратили внимания. Незначительного роста, щуплый, Хартманн воспринимался хорошим знанием русского языка и бежал. Всего же лучшего немецкого аса сбили не менее 16 раз; он неоднократно был ранен.

Одержав свою последнюю победу 8 мая 1945 года, Хартманн пережил войну. После капитуляции Германии он оказался в советском плену, а когда стало известно о его 352 официальных победах, был осужден «за подвиги экономической мощи советского государства» и провел 10 лет в сибирских лагерях.

В настоящее время Эрик Хартманн (насколько известно) живет в Германии. Не так давно он с туристической группой приехал в Санкт-Петербург.

ГЕРХАРД БАРКХОРН

Ему принадлежал второй боевой счет. Начав боевые полеты в октябре 1939 года, этот летчик сумел до конца войны совершить более 1800 вылетов. Даже среди немецких пилотов он выделялся своим участием в 1104 воздушных боях. Все победы одержаны им в сражениях на Восточном фронте; к концу войны их число достигло 301.

В отличие от машин других немецких асов-истребителей его «мессершмитты»

не имели не только ярких эмблем, геральдических знаков, но даже отметок побед на руле поворота, как это было принято в «Люфтваффе». Основная причина — нежелание привлекать к себе внимание советских летчиков: бережного Бог бережет. Но все же его девять раз сбивали, дважды серьезно ранили, и один раз он прыгал из поврежденного самолета на парашюте.

ГЮНТЕР РАЛЛЬ

Это — третий по числу побед немецкий ас. К моменту нападения на Францию он был самым молодым офицером своей эскадры.

28 ноября 1941 года, когда на счету Ралля было 36 побед, его самолет был сбит под Ростовом, и летчик лишь чудом остался жив. Его признали негодным для дальнейших полетов. Несмотря на это, через девять месяцев ему удалось вернуться в строй и участвовать в ожесточенных боях под Сталинградом.

В отличие от других асов Ралль больше воевал в группе и меньше занимался «свободной охотой». Чего только не было в этих полетах: и поврежденная гидромолота нагнетателя, и остановка мотора, и пожар в мотоотсеке, и повреждение органов управления. Особенно многочисленными были посадки «на брюхо». Одна из них 12 мая 1944 года стала последней: после полученных повреждений летать Ралль уже не мог и занимался учебной, преподавательской и командирской работой.

Немецкие историки отмечают невезучесть этого настойчивого пилота, с чем трудно согласиться, учитывая его 275 официальных побед и тот факт, что ему удалось избежать плена. После войны некоторое время Г. Ралль командовал ВВС бундесвера.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В последнее время в средствах массовой информации стали появляться сведения о боевых действиях в годы войны наших летчиков и пилотов «Люфтваффе». Авторы многих публикаций без глубокого и квалифицированного анализа приводимых ими фактов и цифр спешат сделать сенсационные выводы, которые никого не могут оставить равнодушными, вызывая чувство горечи и обиды — у одних, глубокого возмущения — у других.

И вот еще одна статья. Дмитрий Хазанов проанализировал архивные документы, свидетельства участников воздушных боев, материалы из иностранной печати. Приводимые в статье данные свидетельствуют о том, что немецкие летчики-истребители имели высокую профессиональную подготовку, большой боевой опыт, провели, по данным западной печати, сотни воздушных боев, сбив едва ли равноподобное количество самолетов противника.

Чтобы у читателя не возникало иллюзий, что большинство летчиков-истребителей «Люфтваффе» действовало столь же эффективно, сошлюсь на книгу «Это были немецкие летчики-истребители — асы 1939—1945», изданную в ФРГ в 1990 году. Авторы книги Р. Ф. Толивер и Т. Ю. Констелл говорят о летчиках-асах: «Но и они начинали свой путь, как и тысячи неизвестных немецких летчиков, которые погибли, не одержав победы ни в одном бою».

Да, асы «Люфтваффе» были опасными истребителями, их отличала высокая индивидуальная подготовка, самостоятельность в принятии решений и действий. Эти летчики применяли тактику «свободной охоты».

Летом и осенью 1943 года в ожесточенных воздушных боях в районе Харькова и Курска, а затем при форсировании Днепра в районе города Днепропетровска летчики нашего 5-го гвардейского истребительного авиационного полка часто встречались с асами из 52-й истребительной эскадрильи «Люфтваффе». Сначала, когда мы летали на Ла-5, мы чувствовали некоторую неуверенность в боях с асами. С получением в сентябре 1943 года модифицированных истребителей Ла-5ФН наши летчики почувствовали уверенность в своих силах. Мы уже не сомневались в том, что у «Люфтваффе» нет таких летчиков, с которыми мы не могли бы вести успешные воздушные бои.

Автор статьи совершенно справедливо выражает сомнение в количестве побед, приписываемых летчикам-истребителям «Люфтваффе». Это сомнение он подкрепляет фактами, свидетельствующими о необычной живучести нашего самолета-штурмовика Ил-2. Немецкие асы Э. Хартманн, Г. Баркхорд, Д. Храбрак неоднократно констатировали, что «огненные трассы отскакивали в виде дождя искр» от хорошо бронированного Ил-2. Известны многочисленные случаи возвращения штурмовиков Ил-2 на аэродром с такими повреждениями, с какими другой самолет вообще не мог бы держаться в воздухе. Мне самому не раз приходилось после боя благополучно возвращаться на аэродром на своем Ла-5ФН с многочисленными проблемами, а через несколько часов на этом же самолете вновь вылетать на боевое задание.

Следует заметить, что, по мере того как на вооружение нашей авиации поступали самолеты с более высокими летно-тактическими данными, а наши летчики в боях совершенствовали свое боевое мастерство, количество «побед в воздухе» летчиков-истребителей «Люфтваффе», как это ни странно, начинало резко расти. Одним из объяснений этого может служить принятая немцами практика учета результатов боевых действий по сообщениям наземной службы. В первые месяцы войны, когда вермахт наступал, эта служба имела возможность довольно точно подсчитывать количество сбитых советских самолетов. Однако после 1943 года, когда наши войска перешли по всему фронту в наступление, подсчет сбитых советских самолетов немецкая наземная служба проводила с существенными ошибками, поскольку эти самолеты оказывались на территории, занятой нашими войсками.

К сожалению, публикации зарубежных историков, а также некоторых советских авторов содержат парадоксальные утверждения о том, что мы победили в воздушных боях Великой Отечественной войны, «не умея воевать». Однако никто иной, как Гитлер, еще в 1942 году заявил: «История не знает ни одного случая, когда победа доставалась бы слабейшему».

Г. А. БАЕВСКИЙ, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, доцент, кандидат военных наук, генерал-майор авиации в отставке

ОТТО КИТТЕЛЬ

267 побед было на счету обер-лейтенанта Отто Киттеля, когда 14 февраля 1945 года после очереди с Ил-2 его самолет взорвался и летчик погиб.

Воевать на Восточном фронте в конце 1941 года он начал с неудач. Командование считало, что Киттель, как и многие новички, погибнет, не совершив и десятка вылетов, настолько неуверенно он себя чувствовал в воздухе. Особенно плохо будущий ас стрелял. Но после долгих тренировок к нему пришли и уверенность, и меткость.

У этих и других многоопытных истребителей естественное чувство самосохранения было возведено в квадрат, если не в куб. Они умели уходить в облаках, на бреющем полете, в сторону солнца и т.д. Словом, подстеречь было очень нелегко.

Отдавая должное мастерству лучших немецких пилотов, надо отметить, что советские летчики всех их много раз сбивали. «Рекордсменом» среди германских асов был П. Дюттманн — 19 вынужденных посадок.

В боях с сильным противником крепкие советские летчики. Ни разу не был сбит И. Н. Кожелуб. Ни одного боевого повреждения за время войны не получили самолеты, пилотируемые Н. Д. Скороуховым, хотя он и совершал вынужденные посадки...

Заканчивая разговор о немецких асах, можно сказать, что это были опасные и хорошо подготовленные противники. И тем весомее оказалась победа советских летчиков.

ЖИЗНЬ СО ШПИОНОМ

Элеонора ФИЛБИ

БЕЙРУТ — МОСКВА

Я теперь понимаю, что если бы я тайно встретила с русским вне дома, то он просто похитил бы меня вместе с детьми.

Люди часто спрашивают, как могло случиться, чтобы я, разделявшая повседневную жизнь Кима, оставалась в полном неведении о его тайной работе на Россию. Ответ, наверное, в том, что я никогда не следила за мужем и не вмешивалась в его дела. Только теперь, оглядываясь на нашу жизнь в Бейруте, я понимаю значение нескольких инцидентов, которые тогда показались мне несущественными. Например, однажды, довольно много выпив, Ким решил поздно вечером пригласить меня и мою подругу на ужин. Мы взяли такси, и Ким попросил водителя отвезти нас за город, в бедное армянское поселение, протянувшееся вдоль берега отравленной сточными водами реки. На какой-то жалкой улочке мы остановились перед маленьким рестораном, набитым оборванными людьми. Еда была хромая, но одурманенный алкоголем Ким едва ли мог ее оценить.

Несколько недель спустя я предложила снова съездить в этот армянский ресторан. «Какой армянский ресторан?» — спросил Ким, бросив на меня острый взгляд. Он упорно отрицал, что мы вообще были в том месте.

Вспоминая реакцию Кима, я могу сейчас предположить, что этот ресторан в армянском квартале был одним из мест, где Ким встречался с коммунистическими связными. Он назывался «Врей», что по-армянски означает «место». Ливанские армяне — это в основном беженцы или потомки беженцев от турецких погромов в двадцатых годах. Многие из них были коммунистами, у многих родственников жили в Советской Армении. Их политические партии на Ближнем Востоке организованы лучше других, и в них труднее всего проникнуть чужестранцу. Поскольку Ким работал в Бейруте на русских, то, естественно, у него были контакты с армянами. Маленький человек, который передал мне инструкции Кима из Москвы, был, я думаю, армянином.

Еще об одном случае — на этот раз в Ираке — мне рассказали друзья Кима. Это случилось в 1959 году, когда коммунисты верховодили в Багдаде. По

ночам улицы патрулировались так называемой «Красной Гвардией» — неофициальной, полувойскающей левой организацией. Однажды вечером Ким сильно напился на приеме у английского посла. Он вел себя так вызывающе, что посол попросил пресс-атташе отвезти его в гостиницу, чтобы его не задержали «красногвардейцы». Атташе довез Кима до гостиницы и позвонил на следующее утро, чтобы узнать, как он себя чувствует. Ему ответили, что человек по фамилии Филби в гостинице не проживает. Позже Ким объяснил, что был сильно пьян и поэтому перепутал гостиницы и даже не помнит, задерживала ли его «Красная Гвардия». Наверное, логичнее предположить, что в ту ночь он был занят своими тайными делами.

Что касается работы Кима на англичан, то думаю — даже уверена, — что в первые годы жизни в Бейруте (с 1956-го по 1959-й) Ким мало что для них делал. С него тогда только-только сняли обвинения в связи с делом Берджесса и Маклина, и потому полного доверия у американской и английской разведок он не вызывал. И та и другая держали его под наблюдением, надеясь, что он себя как-нибудь выдаст. Но к 1959 году последние подозрения, видимо, рассеялись. После этого произошло два события: женитьба Кима на мне — что прервало его уединенную жизнь в мусульманском квартале и снова ввело в англо-американское общество в Бейруте, — и приезд в 1959 году его старого одноклассника и товарища военных лет Ю в качестве резидента британской разведки в Ливане.

Мне кажется, Ю был одним из самых стойких защитников Кима в те годы, когда он был под подозрением. С появлением Ю в Бейруте доверие английской разведки к Киму восстановилось. Если у босса не было сомнений, их не должно было быть и у подчиненных. Вероятно, с этого времени возобновилась активная работа Кима на англичан.

Только начиная с 1962 года я стала ощущать растущее в нем напряжение, которое с течением времени становилось все сильнее и выражалось в глубокой депрессии и тяге к спиртному. Теперь я понимаю, что он чувствовал, как колысь сжимается вокруг него, а его активной работе советского агента приходит конец.

Английская печать и члены парламента продолжали обсуждать его дело. Официальное заявление последовало 1 июля 1963 года, когда лорд — хранитель печати Эдвард Хит сообщил в парламенте, что секретные службы теперь уверены в том, что Ким

Ким Филби в Бейруте

был тем «третьим» человеком, который через Берджесса предпринял Маклина о его неминуемом разоблачении, что в течение многих лет Ким являлся русским агентом и все время находился под подозрением. Весь июль проходила словесная дуэль по делу Филби между правительством и оппозицией. Затем из Москвы пришло сообщение, разом прекратившее все споры: рано утром 30 июля по Би-би-си переказали заметку в «Известиях» о том, что Ким Филби обратился с просьбой о предоставлении ему политического убежища в СССР и Верховный Совет эту просьбу удовлетворил. Моя последняя надежда на то, что Ким продолжает тайно работать на англичан, рухнула. Теперь и я вынуждена была признать, что он русский агент. И все-таки я постоянно спрашивала себя, по своей ли воле Ким оказался в Москве.

Ю, с которым я продолжала встречаться каждую неделю, постоянно интересовался, были ли у

меня какие-либо контакты с Кимом или русскими, и настаивал на том, чтобы я ни в коем случае не ездила в Россию. Он сказал, что если я это сделаю, то мне никогда не позволят вернуться.

Затем, в начале сентября, произошло маленькое чудо: мне переслало письмо Кима, написанное в Лондон по адресу его сестры. Наконец-то у меня появилось доказательство того, что он здоров и находится в России. Более того: у меня теперь был адрес, по которому я могла ему писать. Я запомнила его сразу: Москва, Центральный почтамт, почтовый ящик 509. Я начала отправлять Киму по письму в день, стараясь, однако, не слишком откровенничать, так как подозревала, что мои письма могут вскрыться как западными спецслужбами, так и русскими.

Письмо Кима было длинным и нежным. Он умолял меня приехать в Москву как можно быстрее, самой посмотреть, как выглядит Россия, и заверял, что если мне там не понравится, то

я смогу уехать в любое время. Последнее он выделил особо, понимая, как это для меня важно.

Ким просил меня поскорее вернуться в Лондон и позвонить в русское консульство, которое организует мою поездку в Москву. По его словам, в консульстве для меня хранилась определенная сумма денег, чтобы я купила себе теплые вещи, поскольку в России очень холодно.

Решившись наконец, я вылетела в Лондон 17 сентября и остановилась у старого и верного друга в Сент-Джон Вуде. К сестре Кима я предпочла не заходить: журналистам был известен ее адрес, а в этот момент было особенно важно, чтобы они не знали, где я.

Я связалась с Ю и рассказала ему о получении мною писем Кима. Я спросила его жену: «Что бы вы сделали, если бы человек, которого вы любите, уехал за «железным занавесом»? Вы бы поехали к нему?» Она призналась, что поступила бы, как и я.

25 сентября я предупредила сестру Кима Патрицию, что утром поеду в русское консульство. В центр Лондона из Сент-Джон Вуда я доехала на метро. Там, в соответствии с лучшими шпионскими традициями, я взяла такси. Во время войны меня обучали (я тогда работала в Бюро военной информации), как «отрывать от хвоста» и даже как за тридцать секунд убить человека. Однако я уже успела забыть, как это делается. После короткой поездки я попросила шофера остановиться, вышла и взяла другое такси. На этот раз я назвала адрес на Бейсуотер-роуд, который дал мне Ким. Через некоторое время такси остановилось у входа в довольно обветшалое здание. Я поднялась по лестнице, рассматривая каждую дверь, но не могла найти ничего похожего на консульство. Дело в том, что я назвала шоферу такси номер дома, но не сказала, что еду в русское консульство. Мои нервы начали сдавать, я была на грани того, чтобы вообще отказаться от этой затеи. Но все-таки я остановила третье такси, села в него и храбро сказала, что мне надо в русское консульство. Такси проехало вдоль улицы примерно пятьдесят ярдов, развернулось и остановилось около здания, стоявшего как раз напротив того, которое я только что обследовала. Я вошла.

На карточке для посетителей я написала: «Его Превосходительство русскому консулу», а на обратной стороне: «Не могли бы вы уделить мне одну минуту?». Вскоре высокий голубоглазый русский пригласил меня в комнату, где сидел за столом какой-то мужчина. Он вежливо встал и сказал, что очень рад

меня видеть. Потом добавил, что все обо мне знает. «Нам сказали, что вы хотите приехать в Россию?» — «Да». — «Когда вы хотите это сделать?» Я ответила, что через три-четыре дня, так как мне надо еще кое-что купить и сделать некоторые дела. Он сказал: «Мы бы хотели, чтобы вы были готовы к отъезду послезавтра». Меня это удивило, и я спросила, к чему такая спешка. Он ответил, что мне обязательно надо быть в лондонском аэропорту 27 сентября ровно в одиннадцать утра. Меня там встретят и обо всем позаботятся. Затем он открыл ящик стола, достал конверт и протянул его мне: «Купите себе теплые вещи».

В конверте было 500 фунтов стерлингов. Я тотчас же поехала в «Хэрродс» и купила теплые вещи.

Я выехала в десять и была в аэропорту без двадцати одиннадцати. Вышла я из такси, только когда на часах было без двух минут одиннадцать. Со своим громоздким багажом я вошла в зал ожидания и... Больше всего опасаясь, что меня узнают всесудные журналисты. Через пять минут я заметила высокого полного мужчину с толстой шеей, который прохаживался по залу, нетерпеливо поглядывая вокруг. Он был похож на русского. Собравшись с духом, я подошла к нему, дотронулась до его плеча и спросила: «Вы не меня ищите?» — «Вы миссис Филби? Где ваш багаж и паспорт?» Я передала ему и то и другое. (Позже я узнала, что этот человек запытал за перевес багажа 43 фунта 6 пиллингов и 8 пенсов.)

Он завел меня в полутемный бар, посадил в самый дальний угол и бодро спросил: «Что хотите выпить?» Поскольку было одиннадцать утра, я решила ограничиться пивом. Он заказал нам по стакану, а затем, сказав, что ему надо проследить за моим багажом и оформить билет, извинился и вышел из бара. Через четверть часа он появился снова, и мы выпили еще по стакану пива. Со вздохом облегчения он сказал, что все в порядке. Я спросила, можно ли мне сходить за покупками в беспошлинный магазин. Мне хотелось купить Киму бутылку шотландского виски, сигарет и флакон его любимого одеколона. Мой спутник мягко посоветовал не делать этого, сказав, что меня могут заметить журналисты. Я спросила, когда вылет, и с ужасом узнала, что только после часа дня. «Пожалуйста, оставьте здесь и ведите себя спокойно», — сказал он и предложил мне почитать газеты. Затем он снова отлучился: пошел встречать свою семью, прилетающую из Москвы самолетом, на котором потом предстояло лететь мне.

Наконец объявили посадку на мой рейс. Мы пошли пешком прямо к огромному реактивному лайнеру Аэрофлота. Не было ни проверки на безопасность, ни паспортного контроля. Мой сопровождающий посадил меня в пустой салон первого класса, пожал руку, пожелал удачи, попрощался и исчез. Я была уверена, что никогда больше его не увижу, но, когда заработали двигатели, он вдруг появился из кабины пилота: «Наверное, хотел убедиться, что в последний момент я не обегу. Он вышел из самолета, и вскоре мы взлетели.

Спусти четыре часа — в меховой шапке, темных очках и верблюжьем пальто из «Хэрродса» — я приземлилась в России. Я не имела ни малейшего представления о том, что буду делать в этой огромной стране, что меня там ждет. Смеркалось. Вдруг я услышала голос Кима: «Элеонора, это ты?» В большой

Мелинда Маклин, вылетающая в Москву на встречу с мужем

черной машине, которая мчалась по плохо освещенной дороге, он взял меня за руку. Я поняла, как сильно любил его. Из-за этого человека, который не скрывал, что он русский агент, я бросила все, что мне было дорого.

Ким выглядел похudevшим и усталым — я с трудом узнавала его. Он был в темно-синей фетровой шляпе, доставшейся ему вместе с другими вещами после неожиданно скончавшегося в прошлом месяце Гая Берджесса. Особенно пригодились Киму дорогие зимнее пальто; шляпу же он носил, как бы отдавая последнюю дань своему другу.

Рядом с шофером в машине сидел молодого вида мужчина лет сорока — один из тех немногих русских, с которыми мне было дозволено общаться. Возможно, он единственный человек в мире, досконально знакомый с работой Кима (по крайней мере в части, касающейся России). Я знала лишь, что его зовут Сергей, но весьма скоро выяснилась, что он — главное связующее звено между Кимом и громоздким аппаратом русской разведки. В качестве коллеги моего мужа он, вероятно, не один год принимал в Москве информацию от Кима. В мою бытность в Москве он нередко навещался к нам, стараясь помочь решить ту или иную возникающую проблему, побыстрее приспособиться к незнакомой нам русской жизни. Обаятельный, с добрыми искрящимися карими глазами, Сергей обладал замечательным чувством юмора. По-английски он говорил весьма бегло, с еле заметным акцентом.

Со временем я искренне привязалась к нему, он же неизменно относился ко мне с несколько старомодной учтивостью, иногда принося цветы, стoisшие, особенно зимой, целое состояние. Эта неожиданная человечность была по-настоящему трогательной. Он всегда приезжал в большом автомобиле с шофером и, совершенно очевидно, являлся большой шишкой в своем ведомстве.

В тот первый вечер Сергей зашел совсем ненадолго, чтобы выпить с нами бокал шампанского, предусмотрительно помещенного Кимом в чемоданчик.

— Ты, конечно, — обратился ко мне муж, когда Сергей нас покинул, — привезла бутылочку виски?

Дональд Маклин

Я пояснила, что сопровождавший меня в лондонском аэропорту русский не позволил мне зайти в магазин, где товары продаются без пошлины.

— Черт! — рассмеялся Ким. — Ведь я уже всем разстрезвонил, что ты везешь виски...

Муж жил (под вымышленным именем) в огромном сером здании в одном из безликих московских пригородов, примерно в пятнадцать минут езды на метро от центра. Ни его имени, ни района проживания я общалась никогда не раскрывала. Изнутри мрачный квартал, где находился наш дом, напоминал мне тюрьму на Лубянке. Правда, снаружи окрестный пейзаж несколько оживлялся небольшими сквериком, где в жаркие дни под сенью деревьев играют на скамейках в шахматы пенсионеры или спят в колясках под наблюдением бабушек младенцев.

Квартира мужа — по русским меркам — была на редкость просторной и комфортабельной. Она состояла из четырех комнат: гостиной, кабинета, где работал Ким, столовая и большая спальня для нас двоих (там, правда, не было душной кровати, поскольку русские их не признают и в продаже, как я выяснила, их не бывает).

В то время я не имела понятия, насколько трудная задача — обставить квартиру в Москве. Когда вы выезжаете, то начинать приходится практически с нуля: в ванной, к примеру, нет ничего, кроме крана.

Самое того не подозревая, в первые дни нашей московской жизни я, должно быть, обижала мужа своими замечаниями. Так, я заявила, скажем, что нам следует как можно скорее избавиться от голубого плетеного диванчика, который Ким поставил в углу гостиной рядом

с комнатными растениями.

Лишь много позже я обнаружила, что достать этот предмет было редкой удачей и Ким весьма им гордился.

Муж растолковал мне, что наши русские друзья, исходя из соображений престижа, настояли, чтобы квартиру непременно украшал телевизор, за которым, кстати, надо было выстоять долгую очередь. Но за всю зиму мы включали его, помнится, лишь однажды, когда показывали игру американских «Глобтоттеров» с русскими: выяснилось, что Киму ни разу не приходилось видеть баскетбольных соревнований.

Муж знал, что я обожаю птиц, и к моему приезду купил трех представителей мира пернатых: золотистую канарейку и двух попугайчиков, голубого и зеленого.

На кухне, вполне современной и неплохо оборудованной, стояли: стиральная машина (из

Гай Берджесс

Чехословакии), пылесос (из Румынии), полотер, правда не действующий (из Югославии), и холодильник — единственная вещь, сделанная в России.

Киму потребовался не один месяц и несколько тысяч рублей, чтобы обставить помещение. До этого Сергей возил его по всему городу, показывая десятки квартир, прежде чем муж остановил свой выбор на массивном старом здании еще до сталинской поры — оно показало ему более основательным, чем хлипкие блочные дома, кварталы которых вырастали буквально как грибы после дождя.

Осматривая в первый же вечер квартиру, я обратила внимание на стопки книг, вывешенные вдоль стен в каждой из комнат, — то были четыре с лишним тысячи томов, оставленных Киму Берджессом. Времени, чтобы достать книжные шкафы, у мужа не было, так что их покупка стала для нас первоочередной задачей. Напрасно обещали мы один за другим небольшие магазины, пока наконец в один прекрасный день сразу во многих магазинах не появились книжные шкафы с раздвижными стеклами. Мы сразу купили девять штук — и проблема была решена.

Проснувшись в своей узкой кровати на следующее после приезда первое московское утро, я тут же поняла, что в квартире есть кто-то третий. Я слышала чью-то твердую, уверенную поступь, скрип мебели в гостиной. Одним словом, этому «кому-то» явно не было дела до того, проснувшись мы или нет.

— Кто это? — в ужасе прошептала я.

— Зина, — также шепотом ответил муж, — домработница.

Зина стала моей первой головой болью. Маленького роста, энергичная, с выкрашенными

мной волосами, она была по-своему даже привлекательной. С восьми утра до четырех часов дня ее присутствие стало неотъемлемой частью нашей жизни. До меня она заботилась о Киме уже несколько недель, и у нее выработались на сей счет весьма твердые правила. Меня она совершенно недвусмысленно отвергала, дав понять, что не потерпит никаких изменений в раз и навсегда заведенном порядке. Одним словом, боссом в доме должна была быть она. Добавьте к этому, что я не говорила ни слова по-русски, да и Ким в то время почти не знал языка, — и вы сможете себе представить мое положение. К тому же она имела обыкновение обедать вместе с нами, и когда я хотела с этим покончить, то по молчаливому упреку Кима почувствовала, что оскорбила его беспредельной терпимостью по отношению к каждому из «товарищей».

После моего приезда Ким и я прошли тщательную медицинскую проверку в одной из спецклиник КГБ. Со мной оказалось все о'кей, а Киму предстояло еще пройти курс витаминных уколов, чтобы поднять его тонус. Вообще физически он был в не очень хорошей форме. Сказывалось напряжение последних месяцев жизни в Бейруте, таинственного побоя в Россию. Хотя он покинул Бейрут в январе 1963 года, в Москве он объявился лишь через несколько месяцев...

По каким-то непонятным мне причинам русские держали нас с мужем под колпаком. Гай Берджесс, издавна разделявший вместе с Кимом его тайную любовь к России, в августе умер в московской больнице — за шесть недель до моего приезда. Дональд Маклин присутствовал на похоронах и выступил с короткой речью, после чего духовой оркестр исполнил «Интернационал». Что касается Кима, то, по его словам, ему не было позволено присутствовать на этой церемонии. Впрочем, Ким никогда не жаловался на ту жесткую опеку, которой его подвергли. Гай же, напротив, так и не мог смириться с регламентированностью и анонимностью жизни, навязанной ему русскими. Его видели то с иностранными журналистами, то в барах московских гостиниц: личная его жизнь была окружена скандальными слухами. Ему явно было в Москве скучно до смерти, а бюрократизм советской действительности вызывал у него отвращение. Он обожал музыку, живопись и книги, выпивка и разговоры были его страстью. За год до смерти он хотел съездить повидаться с матерью в Англию. Русские были бы, возможно, рады освободиться от него, но англичане не согласились. Сейчас его прах покоится в гэмширской деревушке, где когда-то жила семья Берджессов.

Встретив Кима в Москве, я увидела: он по-прежнему любящий и очаровательный человек, которого я обожала. Несомненно, что чувство это было обоюдным. Но все же узенькая «нейтральная полоска», ранее не существовавшая между нами, теперь разделяла наши души.

Медленно, но неуклонно я приходила к выводу, что этот человек, которого я все еще так глубоко любила и которому столь беспрдельно верила, человек, от которого я ничего не скрывала, является на самом деле великим обманщиком. Мне тяжело выразить словами, насколько болезненным и невероятным являлся для меня это открытие. Но сначала

я все-таки отказывалась признать свое поражение, считая, что все наладится и стена, возникшая между нами, падет.

ВСТРЕЧА С СУПРУГАМИ МАКЛИН

Менше чем через неделю после моего приезда Ким сказал, что это семейство очень бы хотело со мной познакомиться, для чего нас приглашают к обеду. Я с удовольствием приняла приглашение и с нетерпением ждала встречи: ведь к этому времени до меня уже дошло, что в Москве нам суждено вести подконтрольное существование (за десять дней я видела, кроме Кима, лишь Сергея и Зину, с которой объяснялась с помощью единственного слова «нет» и жестов).

Англо-американская супружеская пара Маклин во многом походила на нашу. Они перебрались в Россию при весьма драматических обстоятельствах: это, правда, было за десять лет до нашего появления в Москве. Естественно, меня очень интересовало, как они здесь живут, как сумели приспособиться к сложностям русской жизни, чтобы затем перенять их опыт.

В Москве Ким находился до такой степени под колпаком, что впервые получил возможность пообщаться с семейством Маклин всего за две недели до моего приезда. Он знал Дональда еще молодым человеком, но затем встречался с ним довольно редко, когда тот работал в Форин-оффис. Их, в отличие от отношений Кима и Гая Берджесса, не связывали тесные узы товарищества. Их объединяла, скорее всего, преданность России. Что касается Мелинды, то Ким раньше с ней никогда не встречался.

Приняли они нас в тот вечер с исключительной теплотой. По существу, я стала первым человеком с Запада, с которым они могли говорить совершенно свободно, — такой возможности у них не было уже очень давно. На меня обрушился град вопросов: что происходит в Лондоне, в Нью-Йорке, откуда я приехала, кого из наших общих друзей я видела, что делают и думают люди на Западе. Все всякого сомнения, они сами хотели бы узнать все это, увидеть собственными глазами. Но американский паспорт Мелинды уже много лет как был просрочен, так что дальше Праги путь на Запад для нас заказан. Отсюда тот элемент зависти, который со стороны этих изгнанников я ощутила в первый же вечер.

После обеда мы перешли к бриджу и разговорам — так протекали и последующие наши встречи, как правило, два-три раза в неделю.

О, сегодня на рынке мне удалось купить два грейпфрута! — воскликнул кто-нибудь из нас, и эта чрезвычайная новость будет затем пережевываться уж никак не меньше пяти минут.

Если наш дом, явно построенный еще до революции, был массивным и мрачным, то небоскреб, где жили супруги Маклин, наоборот, относился к эпохе сталинской архитектуры с ее тягой к украшательству. Из их гостиной в квартире на верхнем этаже открывался великолепный вид на Москву-реку. Гостиная, обставленная в западном духе, была и больше, и претенциознее нашей, зато дети ютились в двух тесных спальнях (в одной — двенадцатилетняя дочь, в другой — сыновья, восемнадцати и двадцати лет).

Мать с отцом спали на диване в гостиной.

Дочь родилась уже после того, как Дональд стал перебежчиком, и в России очутился еще ребенком. Неудивительно, что по-русски она говорила, как заправская москвичка. И Киму, и мне бросились в глаза ее избалованность и крайняя грубость по отношению к матери. Старший из сыновей учился в МГУ, а его брат — в одном из московских технических вузов. Никто из детей, впрочем, не походил на русских: «виноваты» тут были всевозможные посылки, которые Мелинда регулярно получала из Англии и Америки от матери и сестры.

Назвать их семью счастливой, в общем, было бы большой натяжкой. Меня удивляло, почему Мелинда, несколько раз до того стоявшая на грани развода с Дональдом, решила на такой шаг, как переезд в Москву. Хотя она, возможно, и разделяла с мужем его левые убеждения и помогала в шпионских делах, эта пухленькая брюнетка явно тосковала по капиталистической роскоши, которую лишь в малой степени могли ей дать продукты и всевозможные посылки с Запада. Что касается Дональда, то этот высоченный — почти шесть футов и шесть дюймов — человек лет пятидесяти пяти обладал несомненным умом, но и столь же несомненной самонадеянностью. Я сразу же поняла, что близкими друзьями нам не быть.

В известном смысле супруги уже давно отбыли свой «срок» изгнания: прежде чем им дали разрешение на переезд в Москву, они в течение двух лет томились в Куйбышев. Берджесс и Маклин прибыли в страну в 1951 году, когда Сталин готовил свои последние «чистки», так что обоим просто повезло, что они вообще остались в живых. Может быть, их отдаленность от Москвы помогла им в этом. Теперь супруги Маклин больше не являлись сенсацией, их видели западные корреспонденты, а свобода передвижения была куда полнее нашей.

Кстати, Мелинда имела свой, правда старый, автомобиль, и мы с Кимом с радостью приняли ее предложение ездить вместе с ней и знакомиться с городом. Лично для меня, не знавшего русского, эта возможность была просто бесценной, тем более что Ким по несколько часов в день занимался какими-то своими таинственными делами...

ПЕРВАЯ ЗИМА В РОССИИ

О, это самая счастливая пара в Москве! — не раз восклицала, говоря обо мне с Кимом, Мелинда Маклин. По своей наивности я видела в этих словах лишь косвенный комментарий по поводу собственной супружеской жизни и колкую шпильку в адрес Дональда. Но как бы там ни было, мои отношения с мужем в ту зиму вряд ли можно охарактеризовать подобным образом. Да, мы еще более глубоко любили друг друга, но в нашей жизни произошли радикальные перемены, принесшие с собой ту напряженность, которую способны снять лишь время и терпение.

Наступили ужасные холода: по моим представлениям, такие просто не могли быть за пределами Сибири. Киму, как и нашим русским друзьям, морозы были по душе, но его тело, увяло, было к ним явно не приспособлено. Он снова слег с воспа-

нием легких (в Бейруте Филби перенес его дважды). Обеспокоенный Сергей распорядился, чтобы Киму незамедлительно провели на дому курс витаминных уколов.

Едва справившись с пневмонией, муж тут же начал жестоко страдать от экземы, выпячившейся на руках, — реакция на сильнейшее нервное напряжение, в котором он пребывал. Заболевание не было заразным, но оно, мне кажется, угнетало его морально: он даже не мог удержать бритву в забинтованных руках, и мне приходилось помогать ему бриться. Он с трудом держал карты, когда мы сидели за бриджем, и совсем не имел возможности печатать на машинке (в отличие от прежних дней здесь я больше не могла делать это вместо него, поскольку работа была совершенно секретной).

Сергея это последнее обстоятельство очень встревожило. Он принес мужу диктофон, но Ким им так и не воспользовался. Два-три раза в неделю мы возили Филби в поликлинику, где его осматривал консультант-кожник. Несмотря на интенсивное лечение, экзема прошла лишь через несколько недель.

В ту зиму Ким много говорил о движении за мир. По его словам, русские были куда больше заинтересованы в мире, чем в производстве бомб. Необходимо, чтобы Запад осознал это, и тогда наши дети смогут жить без войн. Впрочем, если не считать этих разговоров, ни он, ни его друзья никогда не пытались читать мне мораль или заниматься промывкой моих мозгов. Наши разговоры не затрагивали вопросов идеологии и по-прежнему носили в основном шутиливый характер, как в свое время было в Бейруте. Но чем дальше, тем более оптимизм становилась разделявшая нас преграда, и мало-помалу я пришла к выводу, что восстановить былые доверие нам не удастся.

В совершенно непривычной для нас обеих атмосфере, усугубившейся к тому же сильными холодами, времени для задушевных бесед находилось все меньше. Нас всецело поглощали заботы, связанные со сложностями русского быта: как добыть продукты, доставить их домой в больших корзинах и, наконец, приготовить. Другими проблемами были для нас борьба с морозом, поездка на метро три-четыре раза в неделю на Главпочтамт и поиски наилучшего рынка, где можно было купить овощи и фрукты. Может быть, эти житейские проблемы помогали нам с мужем справиться от трудных объяснений.

Мы оба отдавали себе отчет, что наши взаимоотношения нуждаются в серьезной переоценке, но, по крайней мере, у меня просто не находилось для этого достаточно мужества. Полагать, что пересечь из Бейрута в Москву то же самое, что из Лондона в Нью-Йорк, или что между нами все может — без выяснения отношений — продолжаться по-прежнему, было полнейшим абсурдом. Муж на самом деле пересек идеологический Рубикон, окончательно сбросив маску, которую носил долгие годы, и при этом ожидал, что я отнесусь к этому как к чему-то несущественному, как если бы он взял и сбрил усы.

Как упоминалось раньше, я ничего не знала о коммунизме и не испытывала к нему никакой симпатии, тогда как Филби всю жизнь исповедовал эту веру. Он уже давно прошел через то, что только предстояло пройти мне. Если когда-то у него возникали угрызения сове-

сти, с ними было давным-давно покончено. Не проходило и дня, чтобы я не надеялась на чудо. Вот он отзовет меня в сторону, обнимет за плечи и скажет:

— Дорогая, я хочу объясниться с тобой. Вот что я делал все эти годы... Делал потому, что верил в то-то и то-то... Это мои убеждения, то, ради чего я живу. Они помогают объяснить, почему я с радостью принимаю все, что мы с тобой сейчас вынуждены здесь терпеть, — пронизывающий холод, запах гнилой капусты, окружающее нас одиночество.

Но дни шли за днями, а муж не обращался ко мне с этими словами. Для него жизнь в Москве не нуждалась ни в каких оправданиях. Он просто жил этой жизнью — и все. Фактически же она его восхищала, включая погоду и все остальное.

Его проблемы, как я поняла, были совсем другого плана, чем у меня. Мне хотелось узнать Москву поближе, понять русскую душу, хотя я и видела, что это будет невероятно трудное. Большую часть своей взрослой жизни я прожила за границей — Стамбул, Мадрид, Рио, Лима, Берлин, Бейрут и множество других городов. Мой опыт говорил мне: чтобы почувствовать новую страну и ее людей, надо не менее двух лет. Но Россия — не Запад, и я видела, что здесь потребуются значительно большие сроки.

Для Кима все это было второстепенным. Главным являлось отношение к нему русских коллег, то, что они думали о нем самом и о его работе. Ведь вся его жизнь была привязана к русской службе безопасности. Ради России он пожертвовал друзьям, потерял уважение тех, кого любил, и связал свою судьбу с теми, кого не мог любить. Он бросил семью, обрек себя на жизнь, полную лжи и лишений. И теперь для него было важно, чтобы эти жертвы признавались окружающими.

Я увидела, как он подчас умиляется малейшей похвалой со стороны русских: каждое хлопывание по плечу воспринималось им как медаль или, по меньшей мере, букет цветов. И русские понимали, как важна для него в психологическом плане эта похвала. Даже теперь, когда он уже сделал свое дело, они не вышвыривали его на свалку, а продолжали относиться к нему с подчеркнутым уважением. Но внутренне Ким, казалось, все равно не был спокоен. Тридцать лет служил он России верой и правдой, и вот сейчас он был полностью в их руках и нуждался в подтверждении своих заслуг. Подтверждение, которое он получал вновь и вновь, но о котором никогда не осмелился бы попросить.

Однажды Ким сказал мне, что ждет важного гостя, и попросил не открывать дверь и ни при каких обстоятельствах не заходить к нему в кабинет. Он так и не признался, что был его гостем, заметив только, что это очень большой человек, к которому он относится с огромным уважением. По некоторым намекам я могла впоследствии заключить, что в тот раз Филби посетил Александр Шелепин, тогдашний глава КГБ.

...Как-то раз Филби обзовал хулиганом. Мы сидели вечером в маленьком кафе, когда к нашему столику приблизился пьяный молодой человек, которого Ким вежливо попросил отойти в сторону. Вообще, нередко московском ресторане к нам ни с того ни с сего подсаживался какой-нибудь «товарищ» и начинал разговор. Эту странную привычку я совершенно не мог-

ла ни понять, ни принять, особенно учитывая тот скудный запас русских слов, с помощью которого предстояло объясняться с желающими познакомиться с нами подобным образом.

...В ту первую зиму в Москве были перебои с хлебом и мукой, и случалось, наши походы в магазины оказывались безрезультатными. Проект Хрущева по освоению целины не оправдал возлагавшихся на него надежд, а урожай 1963 года был провален. Если бы не помощь Сергея, время от времени появлявшегося у нас с пакетом муки, нам пришлось бы совсем плохо. Он также подкидывал нам пшеничную крупу — ее можно было с успехом добавлять в суп или варить из нее кашу. Хотя мне и казалось странным, что высокопоставленный офицер разведки занимается подобными житейскими мелочами, я, тем не менее, была ему глубоко благодарна.

После нескольких недель безотлучного пребывания в магазинах мы поняли, что без домработницы (к тому времени с Зиной мы уже растались) нам дальше не обойтись. И вот начался нелегкий — зачастую, правда, весьма забавный — процесс отбора прислуги, которую приносили в дом некоторые из наших друзей. Первым двум-трем «искателям» наша четырехкомнатная квартира показалась чересчур большой: их явно ужасала перспектива уборки, не говоря уже обо всем остальном. Напрасно пыталась я внушить этим женщинам, что Ким и я будем им помогать, что нам самим нравится хозяйничать на кухне и заниматься готовкой. Все было тщетно. Особенно же пугала их необходимость раз в неделю, по крайней мере, пылесосить ковры и натирать паркет — в дополнение к хождению по магазинам и стирке.

Главная трудность для наших русских друзей, как я обнаружил, заключалась в том, чтобы найти для нас такую домработницу, которая, с одной стороны, была бы заслуживающим доверия членом партии, не была бы болтливой — с другой, и, наконец, согласилась бы обслуживать иностранцев, все еще слабо знающих русский.

Одна из кандидаток сразу лишила своего шанса, спросив меня, какое платье и туфли я собираюсь ей купить: вероятно, она работала раньше в посольстве, поскольку другие такие вопросы мне не задавали (единственным условием был обычный передник). Зарплата казалась подходящей, а рабочий день, с девяти до четырех при свободном воскресенье и половине субботы, — вполне приемлемым.

В конце концов нам привели одну пожилую домработницу, которая (разумеется, через русского переводчика) сказала, что ей понравились и мы, и наша квартира и она согласна.

Продолжение следует

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Жан СВЕРБИЛОВ,
капитан I ранга
в отставке

Прошло уже тридцать лет после аварии атомного реактора на первой советской подводной лодке «К-19», получившей на флоте кличку «Хиросима».

Но за все эти годы никаких разборок причин аварии и гибели людей так и не было сделано.

Все было засекречено. В журнале «Огонек» за 1990 год академик А. П. Александров, беседуя с корреспондентом Вандой Белецкой, сказал: «Во флотских установках у нас никаких неприятностей не было...» Насколько это соответствует действительности, рассказывает очевидец той трагедии.

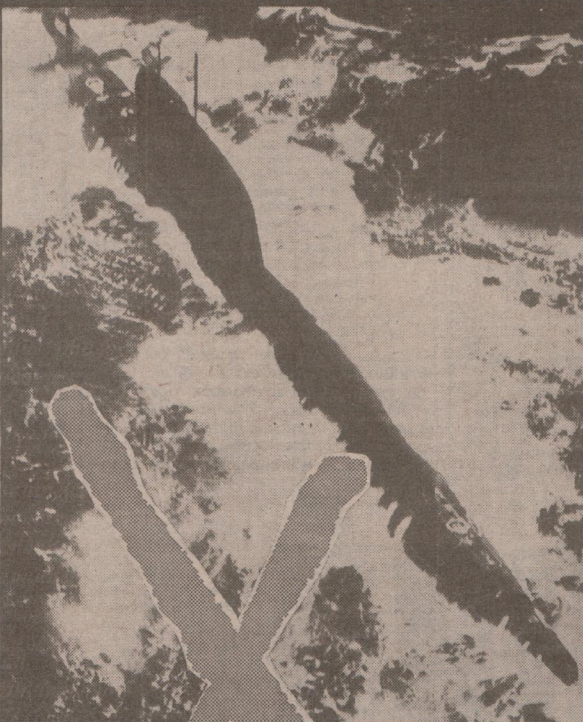
В 1961 году дизельная подводная лодка «С-270», которой я в то время командовал, принимала участие в учениях под кодовым названием «Полярный круг», проводившихся в северной части Атлантического океана. Следуя на глубине наилучшей акустической слышимости, мы составили «завесу» подлодок, осуществляли поиск и слежение за ракетными подводными лодками «противника», прослушивая и держа под контролем большой район океана.

На очередном сеансе связи радисты приняли шифровку: «Имено аварию реактора. Личный состав переоблучен. Нуждаюсь в помощи. Командир «К-19». Мы тут же полным ходом поехали к предполагаемому месту встречи с подводной лодкой, терпящей бедствие. Часа через четыре обнаружили точку на горизонте. На наш опознавательный сигнал зеленой ракетой получили в ответ беспорядочный залп разноцветных сигнальных ракет. Это была «К-19». До этого ни мне, ни моим офицерам и матросам не доводилось видеть нашу первую ракетную атомную лодку. Команда ее была на носовой надстройке. Ребята махали руками, прыгали, кричали: «Жан, подходи!», узнав от командира мое имя.

К моменту подхода на мостике был дозиметрист, который контролировал уровень радиации. Если на расстоянии 1 кабельтов прибор показывал 0,4—0,5 рентгена в час, то после нашей швартовки к борту уровень радиации поднялся до 4—7 р/ч, что превышало все нормы. Я посмотрел на часы. Было 14 часов.

Николай Затева, командир «К-19», попросил принять на борт одиннадцать человек тяжелооблученных и обеспечить его радиосвязью с ФКП (флагманским командным пунктом), то есть с берегом.

На носовой надстройке «К-19» среди возбужденных людей трое лежали на носилках с опухшими лицами — лейтенант Борис Корчилов, главный старшина Борис Рыжиков и старшина 1-й статьи Юрий Орdoch. Их первыми перенесли к нам на лодку. Восемь человек перешли сами. Через торпедопогрузочный люк всех больных

"ХИРОСИМА" ТЕРПИТ БЕДСТВИЕ

На праздновании 30-летия лодки «К-19» в ПО «Рубин», март 1990 г.

Фото из архива Н. Затева

разместили в первом отсеке. В нем сразу же стало 9 р/ч. Наш доктор Юрий Салиенко обработал каждого спиртом и переодел в аварийное белье, выбросив облученную одежду за борт.

Я дал радиogramму на ФКП: «Стою у борта «К-19». Принял 11 тяжелооблученных. Жду указания. Командир «С-270». Приблизительно через час в мой адрес от главкома ВМФ и от командующего Северным флотом пришло радио почти одного и того же содержания: «Что вы делаете у борта «К-19»? Почему без разрешения покинули завесу? Ответите за самовольство». Я обратился к Затева, чтобы он составил шифровку о состоянии его лодки. Часа через полтора ФКП приказал подводным лодкам «С-159» под командованием Григория Вассера

и «С-268» под командованием Геннадия Нефедова следовать к «К-19».

А мы продолжали стоять у борта. Попытались было буксировать подводную лодку. Но из этого ничего не получалось — ракетноосец был не под силу небольшой дизельной лодке.

Я предложил Затева принять всех его людей, отойти от лодки на полмили и ждать подхода Вассера и Нефедова. Он ответил, что не имеет приказа оставаться корабль, а если я буду отходить сам — это морально убьет его людей.

На «К-19» запустили дизель-генератор, и радиоактивный дым повалил нам в лицо. Я попросил Колю Затева остановить машину. Тогда он вывел меня на нос для совершенно секретных переговоров.

Тут-то я и узнал, что у него сильный перегрев реактора и возможен взрыв. На это я ответил, что нам повезло, так как мы в эпицентре и не останемся калекими.

Пока мы стояли у борта «К-19», иностранные военные самолеты нас не облетали. Но на всякий случай мы с Затевым предусмотрели и такой вариант: если появится иностранный военный корабль, то все перейдут к нам на лодку.

К трем часам утра следующих суток подошла подводная лодка Вассера и стала принимать людей. Их разделили догола, и по рукам они шли голыми. Деньги, партийные и комсомольские билеты закладывали в герметичный кранец. На нашу лодку, помимо первых одиннадцати, перешло еще 68 человек. К нам же перенесли большие мешки с секретной документацией.

ФКП приказал мне и Вассеру полным ходом идти в Полярный. По пути следования в наш адрес шли радиogramмы различного содержания. Начальник медицинской службы флота советовал кормить облученных фруктами, свежими овощами, соками. А у нас к тому времени уже картошка кончилась. Представитель особого ведомства

Подводная лодка «К-19»

Подойти, по сути, было невозможно. Об этом я передал командиру дивизии миноносцев. Он мне ответил, что имеет категорическое приказание принять у меня людей. И тогда я принял решение подходить. По УКВ передал, чтобы эсминец «Бывалый» лег на курс против волны, а другой эсминец прикрыв бы нас с носа. Под прикрытием второго эсминца этот маневр швартовки мне удался.

На «Бывалом» верхняя команда была в химкомплектах и противогазах. Командир тоже стоял в противогазе. С эсминца на крышу нашего мостика подали тяжелую металлическую сходню. Людей с «К-19» мы предвительно собирали в центральном посту и боевой рубке. На «Бывалый» успели перебраться 30 наиболее здоровых людей. Эсминец, прикрывавший нас с носа, стало наваливать на нас, и он дал ход. Оставшись без прикрытия, нас с «Бывалым» развернуло лагом к волне и начало бить друг об друга. С каждым ударом у нашей подводной лодки пробивались цистерны главного балласта. Нужно было срочно отходить. Наконец с большим трудом удалось отбросить корму. Но при отходе боковым килем эсминца был распорот весь наш левый борт. В результате лодка получила большой статический крен на левый борт, и мы уже не полным ходом, а со скоростью шесть узлов стали продвигаться в сторону базы.

На подходе к Полярному стали производить дезактивацию в отсеках: мыли борта, переборки, настилы, приборы, механизмы. Вскоре пришвартовались у третьего пирса. Сойдя на берег, я не знал, кому положить о прибытии, — такое количество адмиралов и генералов я видел впервые. Наконец увидел начальника Штаба Северного Флота Анатолия Ивановича Рассохо. Ему и доложил. Генерал-медик попросил пригласить на пирс судового врача. Вызвали доктора Салиенко, и тот, увидя большое медицинское светило, как растерялся, что отдал честь левой рукой.

С лодки начали выгрузку мешков с секретной документацией «К-19», которая так фонилла, что приговор был однозначный — жечь. Затем всю команду отправили в баню на санобработку.

Через несколько дней мы с замполитом Сергеем Софроновым решили сдать партийные и комсомольские билеты экипажа «К-19» начальнику политотдела дивизии капитану I ранга М. Репину. Он с ужасом смотрел на лежащие на его столе документы, а затем вызвал молоденькую вольнонаемную секретаршу и приказал их взять и запереть в ее сейф.

В медицинских книжках моряков наших трех экипажей не оставили ни единой отметки о полученных дозах радиации. А ведь только в июле 1961 года от лучевой болезни умерло восемь человек...

ВОТ ИХ ИМЕНА:
капитан-лейтенант **Ю. ПОВСТЕВ**
лейтенант **Б. КОРЧИЛОВ**
главный старшина **Б. РЫЖИКОВ**
старшина 1-й статьи **Ю. ОРДОЧ**
старшина 2-й статьи **Е. КАШЕНКОВ**
матрос **С. ПЕТРОВ**
матрос **В. ХАРИТОНОВ**
матрос **Н. САВКИН**

В 1970 году от последствий облучения умер командир «БЧ-5» капитан I ранга **А. КОЗЫРЕВ**.

ЗАБЫТЫЕ
ИМЕНА

Наталья ЧЕРНОВА

Помню, в начале 70-х я сидела над балетной прессой двадцатых годов. Об Анатолии Вильтзаке практически ничего не было написано. Где-то встретилось несколько фраз, запомнилось, что Вильтзак танцевал очень мягко, у него была прекрасная манера, он был изумительным кавалером. А потом все забылось, конечно. Пришли иные заботы.

...Я летела в Сан-Франциско на кон-

ная, скрытая от шумов комната. Стеллажи, а на них — наши балетные книги. Фотографии на стенках. Прямо дом в Леонтьевском переулке, русский, старомодный, обжитый давним бытом, когда там жил наш учитель Юрий Алексеевич Бахрушин. Вильтзак поднялся навстречу — старенький, бодрый, хрупкий, веселый, изящный, радушный, галантный — «бывший балетный», которого узнаешь, не спрашивая фактов биографии. Наташа тихонько принесла и включила магнитофон. В маленькую комнату возвращались живые и умершие великие танцовщики, балерины, хореографы. Возникла судьба Вильтзака и многие чужие судьбы. Что-то, конечно, Вильтзак путал — я это выяснила потом, просмотрев дома новейшие зарубежные балетные справочники. Но даже в этих ошибках, оговорках была своя логика.

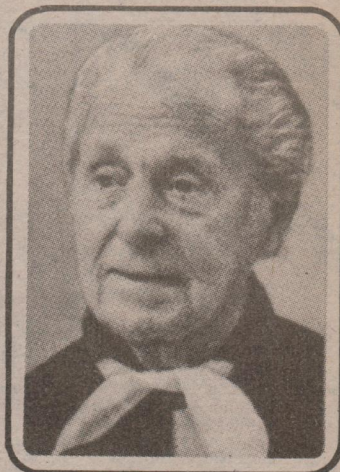
Судьба Вильтзака сложилась, в общем-то, счастливо. Он танцевал у Дягилева, работал с Балanchиным в Нью-Йорке, ездил по миру. Его жена, Людмила Шоллар, ездила вместе с ним. Они прожили, как принято говорить, долгую

и счастливую жизнь. Вильтзак тоскует о ней, как тоскуют любящие во всем мире. И ему очень хочется, чтобы его не забыли. Ведь он еще жив.

— Как я попал в Сан-Франциско? Вы знаете, это неинтересно. Интересно, как я попал в Петербургскую балетную школу. У меня вся семья была цирковая. И брат, и две сестры. Был такой цирк Чинизелли. И мы там выступали. Брат меня взял в свой номер. Я мазался черной пробкой и танцевал американские танцы на лошади. У нас лошадь была, Машка, очень мирная и тихая. И я стоял в седле и подкидывал апельсины. Чинизелли мне платил десять рублей в месяц. А потом мать, она у нас была умная, сказала: «Ты бросишь цирк. В цирке нет никакого будущего. Ты пойдешь в театральную школу, императорскую школу. Научишься танцевать, и мы будем покупать билеты и смотреть на тебя».

И она это все и сделала. Брат был недоволен, потому что у него номер испортился. И Чинизелли десять рублей отнял, потому что я ушел.

В школе мне понравилось. У кого

Вильтзак Анатолий Иосифович
(10.09.1896. Вильно), окончил
Петроградское театральное
училище в 1915 г. Ученик
Л. Леонтьева, М. Фокина, артист
Мариинского театра, ГАТОба до
1921 г. С 1921 г. — за границей.

«БЫВШИЙ»

ференцию Ассоциации американских балетных критиков. Всего на двое с половиной суток. Больше всего боялась, что в Сан-Франциско меня ночью никто не встретит.

Вышла и тут же увидела в руках двух молодых женщин транспарант на русском языке с моим именем. Оказалось, что одна из них — Рая — будет моим «переводчиком, гидом, хозяйкой пансиона». Попросту говоря, американцы поместили меня к ней на квартиру, что дешевле и удобнее.

Раиса Акишина, дочь русских эмигрантов времен гражданской войны, после смерти родителей подрабатывает, пуская в дом «командированных» из России. В ней удивительным образом соединились американская предприимчивость с русской маниловщиной. В каждый из трех вечеров, когда мы наконец оставались одни, Раиса строила прожекты — как сделать так, чтобы хорошо зарабатывать и не ходить каждый день на работу. Какое бы очередное советско-американское общество культурных связей создать. Как мне еще раз приехать к ним, а ей начать ездить к нам. «Хорошо Наташе Борисовой, — медленно наливая кофе и по-братски ломая последнюю булочку, произнесла Рая в два часа ночи. — Нашла тут одного. Ему девяносто лет. Недавно сделали операцию. После инсульта у нас вставляют что-то в голову, и болезни как не бывало. Взяла над ним опеку, поселила у себя. За ним ухаживает. А у него была балетная школа и есть своя большая студия. Наташа теперь в ней работает, и это все потом станет ее». «А как фамилия старика-то?» — просто для поддержания разговора вяло поинтересовалась я. «Да он тоже русский — Вильтзак, в балете Сан-Франциско и в школе долго работал».

Вынырнувший из тьмы времен Вильтзак — фантастика. Весь следующий день был посвящен поискам Наташи. Телефон у нее дома не отвечал. Никто не подходил в балетной студии. А мне на следующее утро улетать.

Наташа Борисова нашла к шести вечера и сказала, что они нас ждут. После шквала авангардных экспериментов, раскованного веселья послеспектакльного банкета дом Наташи, в недрах которого где-то был Вильтзак, казался оплотом бытового уюта. Нас повели по ступенькам вниз. Там оказалась прелест-

Михаил Фокин.
Автопортрет

Вацлав Нижинский

я учился? У Леонтьева? У Гердта я учился и у Фокина. Фокин много ставил. Хорошо ставил.

Я тогда уже был знаком с Баланчинным. Он был младше меня. Но потом меня оставили на второй год, потому что я плохо учился, и он меня догнал. Он играл на фортепиано, а я играл на скрипке. И мы ставили концерты и приглашали учеников (ученики к нам не пускали, это было опасно). Ученики платили нам конфетами вместо билетов. А потом старшие отбирали их. Безобразия было. У меня раз отняли смычок. Сказали: «Ты будешь играть пиццикато без смычка». Но я этого не мог.

Что мы с Баланчинным делали... У нас была игра такая — «казаки-разбойники» — так он сидел у меня на спине. Я изображал лошадь, ржал, бегал, топал ногами, чтобы громче было. Я с ним подружился, потому что он был младший. А младшим тяжелее. Коридор был у нас, и в коридоре уборная. И мы, мальчишки, дураки такие, курили в уборной. И ставили Жоржа, чтобы он смотрел, как воспитатель пойдет. Мы

его очень любили. Хороший он был...

Школа завязывает дружбу, создает репутацию на всю жизнь. Позже, когда Вильтзак и Шоллар приехали в Америку, Жорж пригласил их к себе, в школу американского балета. Хорошо, когда есть дружба. Когда у людей есть память на добро. А может быть, Баланчин и не помнил всего этого...

— Каким танцовщиком был Баланчин в Марининской компании? Он сам танцевал больше характерные партии, а ставил классику. Хорошо ставил и в Нью-Йорке! Нет, что ставил тогда в школе, не помню. В это время уже большевики пошли в ход. Жоржу трудно было, и всем трудно. И меня арестовали. Потому что я не то говорил, что нужно. Безобразия было. Доносы были. В театре. А я не то говорил.

— И долго вы просидели?

— Я не сидел. Меня вызвали и сказали, что посадят. Я испугался.

— И решили уехать?

— Не так, май дарлинг. Когда я вышел из школы, к моей матери при-

шел Григорьев, режиссер Дягилева. Дягилев собирал людей, чтобы поехать в Париж и устроить балет. И он уговаривал мою мать, чтобы она отпустила меня за границу.

— У вас ведь тогда карьера хорошо складывалась. В театре на вас возлагали большие надежды.

— Да, в театре были Обухов, я, Адрианов уже умер. Семенов был еще. Хорошо танцевал. Голубую птицу в «Спящей красавице». А я все ведущие партии тогда танцевал. И со всеми балеринами... Май дарлинг, это была такая прелесть — Трефилова, Спесивцева, Шоллар, Виль. Потом Большакова. И эта, знаменитая, учительницей потом стала...

— Ваганова?

— Ваганова. Со всеми танцевал. А в Спесивцеву мы все, мальчишки, были влюблены. Как она была сложена: чудная талия, чудные глаза! Мы все в нее влюблялись и молчали. Иногда у нас бывали балльные танцы. Обязательно с воспитателем. Мы перед ними все долго мылись — вдруг попадешь в пару

сказать. Руки опустил, потому что боялся, что обниму ее. И потом лицо три дня не мыл. Вот так!

— А характер у нее какой был?

— Думаю, что хороший. Она была очень красивая. Только, когда она вышла замуж, все испортилось.

— А за кого она вышла замуж?

— Какой-то был очень неприятный человек.

Красавица Спесивцева, «плачущий дух» русского балета, вышла замуж за «красного комиссара». В восьмом номере «Нового мира» за прошлый год опубликовано продолжение дневников Корнея Чуковского: «3 января 1921 г. Вчера черт меня дернул к Белицким. Там я познакомился с черно-волосой и тощей Спесивцевой, балериной, нынешней женой Каплуна. Был Борис Каплун в желтых сапогах, очень милый. Он брэнчал на пианино, скучал и жаждал развлечения. «Не поехать ли в крематорий?» — сказал он, как прежде говорили: «Не поехать ли к «Юба» или в «Виллу

БАЛЕТНЫЙ

Анатолий Вильтзак и Ольга Спесивцева в балете Сергея Дягилева «Лебединое озеро»

Сергей Дягилев

Людмила Шоллар

Родэ?» «А покойники есть?» — спросил кто-то. «Сейчас узнаю». Сосвоились с крематорием, и оказалось, что, на наше счастье, есть девять покойников. «Едем!» — крикнул Каплун. Поехал я один да Спесивцева. Остальные отказались». И дальше идет подробный рассказ об этой чудовищной поездке. О том, как смотрели они в печь, наблюдая, как горят трупы.

Патриарх нашего балета Федор Лопухов рассказывал мне, что Спесивцева была причастна к гибели двадцатичетырехлетней балерины Лидочки Ивановой, которая загадочно утонула в Неве. По миру бродит видеокассета «Портрет Жизели», где Антон Долли берет интервью у знаменитых Жизелей мира, показывает фрагменты из спектакля. Есть там и Ольга Александровна Спесивцева, гениально танцующая сцену сумасшествия Жизели. В интервью она ни о ком не сказала хорошего слова. Старушечье лицо женщины после тяжелой психической болезни таит следы и иных страстей. Судьба Спесивцевой, как известно, трагична. Но Анатолий Вильтзак запомнил только Красоту. И тот детский поцелуй в лоб.

— А Федора Лопухова вы знали?

— Знал. Помню. Он сперва танцевал. Но не классические вещи. Где надо было сделать три пируэта, делал один. Но это можно. Он хорошо выглядел. И толковый был. А потом он стал там большим человеком. Балетмейстером. Я читал про это вот в этой книге, которую вы смотрите (это была книга Г. Добровольской «Федор Лопухов»). А как же вы, мадам, можете всех помнить? Вы же очень молоды, мадам...

— Я по архивам, по прессе.

— А я всех помню.

— Анатолий Иосифович, как же вы все-таки уехали из России? Пришел Григорьев, стал предлагать вам поехать к Дягилеву. Вы и поехали?

— Мать сказала: «Нет, он останется в Марининском театре». Григорьев ведь хотел, чтобы я уехал к Дягилеву один. Дягилев, знаете, какой был? Куда тут одному молодому мальчику! Мать испугалась и меня не пустила. Прошло еще время. В двадцать пер-

со Спесивцевой, надо, чтобы хорошо пахло.

— А она обращала на кого-нибудь внимание?

— Вы знаете, май дарлинг, обратила! Невероятно! У нас в школе были церковь и сцена маленькая. Мы на ней выступали. И как-то так случилось, что она была на сцене, а я за кулисами. Я смотрел и замирал. Она подошла ко мне и поцеловала в лоб! Я не успел ничего

вом году цирковые решили уехать. Все мои родные из цирка. И я с ними тоже. Попали мы в Берлин. Скопив деньги, из Берлина уже к Дягилеву. Мать осталась с дочкой в Италии. Я уехал вместе с мамой Шоллар, прекрасной балериной. А вы знаете, где я ее высмотрел? В школе нашей, в Петрограде, вы бывали? Так вот, там есть над репетиционным залом балкон. Знаменитый балкон. И мы, мальчишки, с балкона смотрели, как Фокин репетировал. Я еще всем говорил: «Выбирайте себе невест». Фокин же не любил этого. Всегда машет: «Уходите отсюда». Но я высмотрел маму Шоллар. И потом один ходил уже. Фокин тогда ставил греческий балет «Евника». Там были девушка и сатиры. И нас сделали сатирами. И Фокин меня поставил с Людмилой. Я должен был обнять ей ноги. Репетиция кончилась, а я все сижу. Она шагу ступить не может. Пришлось перешагнуть через мои руки.

«Евнику» Фокин поставил в 1907 году. Вильтзаку тогда, значит, было всего одиннадцать лет. Что-то он здесь путает, наверное. А может быть, это было не на премьеру, позже. Может быть, репетировался какой-то другой спектакль. Он запомнил личное событие, а не хронологическое искусства.

— В двадцать первом году мы с Людмилой поженились. Обвенчались за два месяца до отъезда. Никого не было. Колец не было. Я проволочку какую-то надел. И вместе с ней попали к Дягилеву.

Людмила Шоллар была старше Вильтзака. Ученица Фокина, она начала выступать в антрепризе Дягилева с первых русских сезонов. На сцене Мариинского театра с 1907 года. Шоллар, видно, была незаурядной женщиной. В 1914 году, во время первой мировой войны, отправилась на фронт, стала сестрой милосердия. Дважды была ранена. Получила орден Святого Георгия. В 1917 году, вернувшись в Мариинский театр.

В историю дягилевских сезонов Шоллар, выступавшая в фокинских постановках — «Карнавал», «Петрушка», «Шехерезада», — вошла участием в балете Б. Нижинским «Игры» с В. Нижинским и Т. Карсавиной, в спектакле, открывавшем новую эстетику танца, очень близкую современной.

— А почему вы расстались с Дягилевым?

— О, мадам, это целая история. И очень нехорошая. Мы прислали к Дягилеву. Нехорошо ему представляли. Но он бывал в Мариинском театре. И видел меня. Начали работать. В Монте-Карло был назначен спектакль. Я должен был танцевать с Фелей Дубровской, женой Петра Владимировича, и Лидией Чернышовой, женой Григорьева. Диверсифицировать какой-то. И там произошло недоразумение. Ко мне пришел Григорьев. И стал говорить, что я должен танцевать. До театра было каких-то двадцать шагов. И одеться можно было быстро. Григорьев уговаривал меня и за что-то начал ругать. Я решил, что лучше не отвечать, — он ведь режиссер. Я стоял у двери, держал на двери руку и молчал. Он рассердился, пошел и хлопнул дверью изо всех сил. И знаете, мадам, попал мне прямо по пальцам. Целых три пальца. Я ему кричу: «Остановитесь! Посмотрите, что вы сделали!» Он ничего не ответил и побегал к началу шоу. Положить Дягилеву. Я встретил мальчика, который шел туда же, и говорю: «Скажи Дягилеву, что случилось». Я не могу танцевать».

Мальчик побегал в театр, а я пошел домой, потому что Людмила в спектакле не участвовала. А на следующий день — письмо из конторы Дягилева. «Вы нарушили контракт. Вы не танцевали. И поэтому можете уезжать». Что с нами было? Людмила заплакала: «Это ты сделал». Я говорю: «Я уже собрался идти, но он мне пальцы раздавил». Мы остались совершенно одни. Без денег, без работы, без труппы.

История изгнания Дягилевым Шоллар и Вильтзака знаменита и описана неоднократно, вплоть до новейшей книги американской исследовательницы дягилевских сезонов Линн Гарфолла. Приведем выдержку из книги Сергея Лифаря «Дягилев

и с Дягилевым» (происходило это все в 1925 году в Монте-Карло): «17 января состоялся первый спектакль-гала... — это гала едва не превратилось в громадный скандал. Утром между членами труппы стали распространяться листы для подписи с требованиями о прибавке жалованья... Первые артисты Вильтзак и Шоллар горячо поддержали требования кордебалета, а Вильтзак даже взял на себя переговоры с Дягилевым — через режиссера Григорьева. Дягилев, опять-таки через режиссера Григорьева, категорически отказывается удовлетворить требования, и труппа решает сорвать спектакль-гала и не выступать. Наступает вечер — я прихожу в театр, приходит еще несколько артистов. Дягилев нервничает: публика заполняет зал, а по другую сторону опущенного занавеса пять человек артистов. Бледный, с резко выраженным тиком Сергей Павлович приходит в зрительный зал, подходит к принцессе Монакской и объясняет ей, что спектакль, может быть, и не состоится... С опозданием занавес поднимается, и мы начинаем сольные номера. Постепенно начинают приходить и другие артисты — Вильтзак и Шоллар, решившие из товарищеской солидарности поддержать забастовщиков, ничего не подозревая, остаются у себя дома... На следующий день получившие отставку Вильтзак и Шоллар узнают, как их подвела труппа (лично они никак не были заинтересованы в забастовке и не претендовали на увеличение их жалованья)».

Где истина? Забастовка точно была. Но прихлопнутые дверью пальцы, скорее всего, тоже.

— А через два дня я получил из Лондона телеграмму. От Фокина. Нас приглашали в Лондон. Я весь затрясся от радости. Собрались мы мгновенно.

С Фокиным Вильтзак действительно работал. Вместе с Идой Рубинштейн, про которую почему-то не вспоминали. В 1934 году знаменитый хореограф показал на сцене «Гранд-опера» балеты «Диана де Пуатье», «Болеро» с Идой Рубинштейн и Вильтзаком в главных ролях. В том же году в Лондоне — «Дон-Жуана» в антрепризе Рене Блюма. Анатолий Иосифович «Дон-Жуаном» очень гордится, хранит фотографии из спектакля. О самой постановке говорит только в превосходных тонах.

— Работали вы в Лондоне. А дальше что?

— Ездил много. Дандре, муж Анны Павловой, очень любил балет, устраивал поездки. Много где мы были с маленькими труппами. В Буэнос-Айресе, на островах Бали, кажется, — там девушки ходили раздетые.

Муж и импресарио Анны Павловой Виктор Эммануилович Дандре умер в 1944 году. Что-то здесь Вильтзак, конечно, путает, но что-то, верно, и было.

— Ездили вы с русским репертуаром?

— Да. «Карнавалы» всякие, «Исламей», все фокинское.

— А как Фокин относился к тому, что вы показывали его репертуар?

— Он получал за это какие-то деньги. Он чудной был.

Не так все мирно было с Фокиным и авторским правом хореографа. Великий балетмейстер очень болезненно относился к тому, что его постановки шли в маленьких и не очень труппах за пределами России. И дело было не только в деньгах. Спектакли искажались. Порой бывшие его танцовщики ставили под ним свои имена. Фокин протестовал, писал: «Я оскорблен не только за себя, как автор, от которого отнимают его сочинение. Я оскорблен за искусство балета, с которым связал всю свою жизнь... Я знаю, что многие ставят мой произведение без моего разрешения. Я мог бы составить длинный список таких артистов, артисток и балетмейстеров, но я обычно молчу... Многих нужда заставляет это делать».

— У меня с Фокиным тоже был эпизод. Его «Князь Игорь» — «Половецкие пляски» имели невероятный успех. А он пируэты делал в левую сторону. Надо в правую, а он — в левую. Сказать ему ничего нельзя. Он моментально взрывался. Лучше уж потом, когда-нибудь позже. Я репетирую, делаю в левую, а нужно ведь в правую. И перед самым началом, знаете, когда все уже на сцене, костюмы уже одеты, он волнуется, я прямо на колени встал. «Что вы хотите?» — он уже начинает сердиться. Я молчу. «Вы больны?» — «Нет, я здоров. Можно?» — «Говорите, можно». Через пять минут занавес пойдет. «Мне бы в правую сторону?..» — «Что в правую сторону?» — «Пируэты...» — «Сколько сможете сделать?» — «Семь». — «Делайте в правую». Я ему: «Иис, иис».

— Но как же вы все-таки попали в Сан-Франциско?

— Как я попал? Вот интересно. Хорошо попал. А как, не могу вспомнить.

— Но вы рады, что попали сюда? Вам здесь было хорошо?

— Да, мадам, да, май дарлинг.

— В каком виде был балет в Сан-Франциско, когда вы приехали?

— Он мне понравился... Меня здесь знают. Я сейчас после операции хожу на физиотерапию, и две барышни там. Они про меня все знают. Фото просили.

Я здесь много ставил. Классика, «Трех Иванов» на музыку из «Шелкунчика». Я иногда сам не помню, что это я поставил. Смотрю, нравится, а мне говорят: «Да это же вы поставили». Вот так, май дарлинг.

— А здесь в школе вы преподавали?

— Иис, мадам.

— А какие-нибудь письма от ваших коллег у вас остались? С кем-нибудь вы переписывались?

— Ну. Абсолютно ни с кем. Шавров был в Петрограде. Не переписывался. Но у меня есть чудное письмо от Ирины Бароновой. После смерти Людмилы.

— Она умерла здесь?

— Да, в Сан-Франциско. В 1979 году. Мы были с Наташей на ее могиле. Я тоже рядом купил клочок земли. Чтобы меня похоронили там.

— Вы никогда не тосковали по России?

— О, май дарлинг, как Чайковский начнется, «Евгений Онегин» начнется, я не хочу никому говорить, я плачу от тоски.

Шел третий час ночи. Анатолий Иосифович, по-моему, был готов сидеть, по старой русской привычке, до утра. Но устал. Наташа вкатила столик с закусками и маленькой бутылочкой какой-то домашней наливки. Вильтзак оживился: «Это и мне можно. Я помню, мальчишками, когда мы приспуживали в церкви, нам это давали».

Самолет улетел в шесть утра.

В салоне я открыла проспект нынешней школы Натальи Борисовны и Анатолия Вильтзака. Фото старенького Анатолия Иосифовича, текст: «Анатолий Вильтзак — одна из последних живых легенд истинного русского балета Монте-Карло Сергея Дягилева». Фото Наташи в русском кокошнике: «Преподавала и выступала в США и за границей, училась в Вене и участвовала в семинаре русского балета у Бориса Брегвальде в 1978 году. Изучила школу Кировского и Большого театров, Моисеевского ансамбля. Кроме того — известная художница балетных костюмов, выставки которых неоднократно устраивались в Сан-Франциско. Внесена в женский справочник «Кто есть кто». Помогала Мясину. Последние годы занимается преподаванием».

Еще одна судьба. Ее родители когда-то попали сюда через Югославию...

Балетная школа Вильтзака и Борисовой называется «Балле рус». Господи, сколько этих русских судеб. И есть еще, живые те, кто создавал нашу культуру на рубеже веков, связывал серебряный век и с первыми годами советского искусства, и со всем миром. Найти бы всех, послушать и не забыть. Записать, что можно. Они еще живы.

Сан-Франциско — Москва

© Н. Чернова, 1991

Михаил КАЗАКОВ

Еще одна чернуха про тюрьму и лагерь — ну сколько можно?! Но я все же смею надеяться, что вас несколько развлекет скверный анекдот периода застоя перестройки. Речь пойдет о том, как шустрый офицер КГБ решил использовать рэкетиров для уточнения остро интересовавшей его информации о международной валютной афере. Рэкетом подрабатывали офицеры МВД из Поволжья. В результате — сюжет со стрельбой в полночь у входа в московскую гостиницу «Салют», разбитые физиономии налетчиков, крупно показанные программой «Время». А затем неприятное для столичных «знатоков» открытие, что международным воротилам из Риги, уже заимевшим в ФРГ несколько подставных фирм, почти открыто помогли крупные чины МВД и КГБ Латвии.

Поздно вечером 30 августа 1989 года три амбала с Петровки без какого-либо ордера на арест выволокли меня из подъезда и на глазах шестилетней дочки втолкнули в автомашину. В протоколе заседания суда, который я получил лишь через пять месяцев после оглашения приговора и многократных жалоб во все инстанции, так воспроизведены слова капитана Игоря Лося: «Кроме удостоверения сотрудника милиции, Казакову больше никаких документов не предъявляли... Его близким никто не сообщал о том, что он задержан. Ибо это нарушило бы наши традиционные методы».

Увидев на Петровке, 38, в столь поздний час подполковника М. Дубовицкого из МВД Латвии (я его знал — один из валютчиков, подвергшихся в гостинице нападению, еще за год до того рассказывал мне, как верно служит кооператорам «Марик», регулярно получающий в конверте свой гонорар), я попросил разъяснить, в качестве кого я доставлен к «знатокам». И какой именно прокурор разрешил рижанину хозяйничать в Москве. Но, получив пару ударов по почкам, услышал, что, если не перестану задавать вопросы, меня сунут в камеру к психам-педерастам, которые «страсть как любят трахать интеллигентов», а моей семье «не гарантируют безопасности».

И я стал послушен.

Мне предъявили лист бумаги с машинописным текстом. Я объяснил: это второй экземпляр (сделанный под копиру) информации о фирме «Инженер» — «кормильцах» подполковника Дубовицкого. Оригинал текста передан мною офицеру КГБ М. В. Хромову в середине июля в явочном номере гостиницы «Россия». По приказу Хромова этот лист передан мною затем знакомому кооператору для неизвестных мне лиц, которых он очень боялся и называл рэкетирами. Переключив своих мучителей на рижан, он надеялся отвести от себя опасность. А Хромова интересовала реакция рижан на утечку информации о том, как они отправляли товар в Дюссельдорф и Дуйсбург фирмам, принадлежащим им же.

Затем мне показали три машинописных листа, изъятых у бандитов уже в Москве. Я объяснил: это расширенный и дополненный вариант того же текста. Он вручен мною в Москве неизвестному ранее бандиту Саше, угрожавшему мне и моим детям. Вручен после того, как я проинформировал о появлении Саши и его «пехоты» — некоего Александра Олеговича, как оказалось, соседа Хромова по кабинету на Лубянке, имеющего тот же номер телефона. Дополненный вариант этих же трех страниц я передал 24 августа в 11⁰⁰ возле памятника героям Плевны офицеру КГБ, назвавшемуся Сергеем Федоровичем. Он появился после моего звонка по справочной КГБ с просьбой связать меня с кем-нибудь из коллег Хромова, телефон которого упорно молчал.

Дубовицкий вздрогнул:

— Не воображайте, что за вашей спиной КГБ! Вы преступник, и нет за вашей спиной никакого КГБ! — он уже сорвался на крик.

— А я и не утверждал, что «за моей спиной» — Комитет госбезопасности! Но я хорошо знаю, что его сотрудники после каждой встречи с информатором пишут отчеты, аккуратно подшиваемые в дело. И в архиве, конечно же, хранится отчет Хромова о встрече со мной и материал о валютных махинациях фирмы «Инженер».

Вечером за день до своего ареста я звонил по телефону, оставленному Сергеем Федоровичем. Молчание. Тогда я на всякий случай набрал другой, знакомый мне телефон: оказалось, попал в десятку. Сергей Федорович, без особой радости сознавшийся, что это действительно он, объяснил, что «случайно зашел в соседний кабинет». На мой вопрос, как мне теперь быть (после сообщений в «Правде» и в программе «Время» об аресте бандитов), ответил: «Ни о чем не волнуйтесь. С вашей информацией работают!»

Помрачневший Дубовицкий, куснув губу, сказал капитану Лося:

— Похоже, КГБ в самом деле ведет собственное расследование! — и снова повернулся ко мне: — А этот... Хромов... он что, был в доле?

— Хромов, как я теперь понимаю, хотел моими руками вытащить из огня каштан побольше. Приподнести начальству экзотическую международную аферу, раскрытую им, не выходя из дома на площадь. И продвинуться по службе. Но — время отпусков, нежелание коллег зарабатывать ему лавры... обычный советский бардак!

— Хорошо, мы проинформируем КГБ, что вы у нас! — уже почти дружелюбно произнес Дубовицкий. — А вам придется дня три провести здесь. Позвоните жене и скажите, что... едете в срочную командировку.

Я позвонил.

На следующий день в моем доме забрали все бумаги. Искали досье на фирму «Инженер» и следы причастности КГБ к рэкету. Дубовицкого более всего волновала утечка информации о его «кормильцах».

Когда четырехмесячная комедия, именуемая «следствием», подошла к концу, мне дали для ознакомления три тома «сочинений» из городской прокуратуры.

Уже с самого начала стало смешно.

— Так, может быть, вы пахан рэкетиров, а вовсе не я?!

— Как это, как это? — поднялись дыбом последние несколько волос на голове следователя Слинько, заработавшего на моем деле изрядный капитал.

— Да вот тут у вас в постановлении о приеме дела к расследованию дата 7 августа. А само событие произошло в ночь с 18 на 19 августа... Что же касается меня, то 7 августа я в глаза не видел ни одного из налетчиков. И даже не подозревал, что они могут вломиться ко мне домой и угрозами вымогать информацию... А вы, выходит, были в курсе гораздо раньше!

— Ну, мы это митом поправим! — широко улыбаясь Слинько, невозмутимо выдирая из второго тома злополучный листок с машинописью, скрепленный его подписью. — Завтра замену!

Слава богу, что я удержался и не сказал ему, что, выдирая из дела лист протокола, он даже не потрудился изменить сквозную нумерацию листов, чем поставил судью и прокурора в глупейшее положение. Ведь даже по нашим законам джунглей подлог в деле — основание для его пересмотра. Правда, на подобные мелочи сплошь и рядом никто не обращает внимания!

Оно было очень выразительно — изъятие из «дела» найденной у бандитов «шпаргалки». А вместе с этим листом машинописи, по которому в архиве КГБ элементарно отыскивался его близнец, был аккуратно отрезан лист протокола допроса от 30 августа, где я своей рукой изложил все подробности координации операций КГБ налета на валютчиков... Вместе с письмом сотрудника фирмы «Инженер» Евгения Лившица, первого информатора об остромой перекачке валюты из Риги в ФРГ, где Женя сам нарисовал всю схему сделки (это письмо я тоже передал Хромуву при встрече в «Россию»), моя «информация к размышлению» хранится где-нибудь в здании на Лубянке.

Процесс, тянувшийся двадцать дней, все время вертелся вокруг «пропашишей грамоты». Судье очень не хотелось вдаваться в ее происхождение: следователь Слинько больше чем за месяц до суда преподнес мне телепрограмме «Добрый вечер, Москва» как зловещего пахана кошмарной банды рэкетиров. И было совершенно исключено, чтобы Верховный суд РСФСР, взяв первое дело по рэкету, опроверг бы сущий на живую нитку опус столичной прокуратуры. Но расслабиться и пытаться получать удовольствие от «изнасилования» было бы уж очень противно. И я решил сопротивляться.

Когда перед отправкой дела в суд я знакомился с творчеством следователя Слинько, обнаружил протокол допроса М. В. Хромова, представленного «старшим офицером в/ч...». Тот признавал, что более года регулярно имел от меня аналитические обзоры по итогам поездок в зарубежные страны и в Прибалтику. Он также признавал, что интересовался кооперативной фирмой «Инженер», но «о факте вымогательства слышит впервые».

В очных ставках с кагэбистами мне было отказано. В суде я дважды заявлял ходатайство с просьбой вызвать людей с Лубянки и допросить. Мне отказывали, не снисходя до каких-либо объяснений. Хотя, казалось бы, чего проще явиться и публично защитить честь Комитета! Но после того, что зафиксировано в деле, одним отрицанием не обойтись. А начнешь объясняться — непременно скажешь что-то лишнее! Прикрылись справкой из Управления КГБ по Москве и Московской области. Мол, Казаков с сообщениями о вымогательстве не обращался. Бумажонка возникла в самый последний момент после второго моего заявления о том, что, отказываясь вызвать с Лубянки названных мною офицеров, суд лишь в очередной раз подчеркивает: КГБ, как и много лет назад, — выше закона и морали.

Прокурор Белова пыталась справкой из КГБ отмахнуться от моих попыток вернуть рассмотрение дела к его истинной первопричине. Но ненадолго потеряла контроль над собой. И, уж не знаю почему, вслух признала объективную реальность то, что две недели подряд объявляла несуществующим: второй экземпляр машинописного текста, переданный Хромуву, уже много раз воспроизводившийся по памяти мной и моими «подельниками». Тот самый, что был предъявлен мне во время ночного допроса на Петровке.

Я просто не мог не поблагодарить прокурора в своем последнем слове за подобное чистосердечное признание.

Казалось бы, спета песенка о том, как шустрый офицер КГБ заставил лопуха-журналиста работать вместо себя и при первой же опасности подставил его под удар. Но...

На следующий день после вынесения приговора жена пришла ко мне на свидание в Бутырку. И сообщила, что, по словам адвоката Сергея Кузнецова, в зале присутствовал представитель КГБ. И что сначала мне были уготованы три года «химии». Но из-за моего упорного нежелания молчать о роли людей с Лубянки мне влили четыре года колонии.

Это следовало ожидать.

Адвокат М. Д. Филатова, являвшаяся ко мне в Бутырку до Кузнецова, на ознакомлении с материалами дела перед передачей их в суд вдруг завела такой разговор:

— Если на процессе зайдет речь о вашем сотрудничестве с КГБ — можете говорить про свои отчеты после зарубежных поездок, но про анализ ситуации в Прибалтике — лучше не надо! Журналист-осведомитель — это сейчас дурно пахнет!

— Я же вам объяснял, что ни на кого не доносил. Аналитические обзоры — чистой воды просветительство! А что касается конкретной ситуации с этими налетчиками — на меня надавил Хромув, мол, если я не выполню приказ — испортят жизнь брату и жене. Мне,

как журналисту на «вольных хлебах», они ничего не могут сделать! Да и потом — какая, к бесу, разница, дела внешние и дела внутренние? От факта сотрудничества, подчеркиваю — вынужденного! — никуда не деться.

— Надо делать так, как я говорю! — мадам заговорила чуть ли не приказным тоном. — Со следователям, в общем, повезло. Надо все признавать, каяться. Если повезет — лет семь получите. Но обстановка в стране такова, что долго вам сидеть не придется!

— Но ведь следователи — подлец! То и дело врет и подтасовывает материалы...

— У него работа такая! — невозмутимо пожала плечами мадам. — В общем, я настаиваю — о КГБ молчок!

Пожуже, это единственное, что ее интересовало, кроме гонора. И почему она так уверена, что я не осмелюсь ее не послушать? Может, ее предупредили, какой обработке я уже подвергнут? Ну разве можно когда-нибудь забыть, как меня на много недель заперли в одной камере с двумя бывальными уголовниками, удивительно хорошо информированными о моем деле. Сергей Рассадников и Иван Терехов не без таланта изображали из себя суперменов, уже неоднократно судимых по тяжелым статьям с убийствами. Они буквально фонтанировали абсолютно неправдоподобными историями, где то и дело упоминались высокие чины КГБ. И почти сразу же следовало разъяснение, что-де «я получил столь малый срок потому, что молчал на суде о своих друзьях»!

Санкция прокурора оканчивалась. И Терехов, предвительно сходя в оперштаб на инструктаж, перешел в атаку: «Пока ты был у адвоката, с нижнего этажа пришло сообщение. Оказывается, ты, гад, сдал КГБ смелых ребят из Риги! Им теперь вышка грозит!» Человек с изрядными актерскими способностями, он явно стремился меня обмануть и получить-таки информацию, ради которой потратил столько времени.

Он осыпал меня бранью, махал перед носом увесистыми кулаками. «Ты еще можешь купить у меня свою жизнь и жизни своих близких! Горюпись! Ведь нигде нельзя так безнаказанно убивать, как в тюрьме. Ты здесь гость, а для меня тюрьма — дом родной. Свою шкуру ты еще можешь спасти, если будешь молчать о ребятах, которых подвел под монастырь...»

Силы были слишком неравны. А жаловаться некуда. Он выполнял задание руководства. Дело завершено. И подобным образом мне диктуют, как я должен вести себя на суде.

Было очень заманчиво попробовать с ними договориться. Против лома, как известно, нет приема. Но где гарантия, что следом меня не ждет еще какая-нибудь пакость Лубянки или Петровки?

И я подал дежурному вертухаю заявление с просьбой вызвать меня в оперштаб.

Майор Герасимов был само добродушие! Посочувствовав моему положению, он покачал головой:

— Как же ты мог проговориться о задании Лубянки? Ты представляешь, как ты подвел людей, назвав явки и служебный телефон?

— Я, гражданин майор, глубоко раскаиваюсь, что нечаянно поставил под удар Хромова и его коллег. Вы не могли бы позвонить по названному мной телефону и передать мои извинения? Да, и сообщите, пожалуйста, что на суде о них не будет сказано ни слова... Когда-то у меня находили неплохие актерские способности.

— Ну, то-то же, — майор был почти счастлив. — Сейчас я тебя отправлю в камеру поспокойней!

Со мной вроде бы работа завершена. Но их, конечно же, не мог не волновать кооператор, довольно много наговоривший на допросах о КГБ, «поручившем ему это задание через Казакова».

Когда 23 декабря, в пятницу, обитателей камеры 84 вывели в прогулочный дворик, мой сосед Юра, рослый наркоман из Сум, через стенок громко переговаривался с Васком, гулявшим в соседнем дворике. Я подключился к разговору. И вдруг услышал: «Привет, Майкл!» Это был голос моего кооператора. Я сразу понял, чем вызвано «случайное совпадение», и заинтересовался его будущей позицией на суде. Он прокричал, что будет делать главный акцент на «наших друзьях из НКВД», а выполнение их поручения «не может считаться преступлением». И ведь подобное поручение в самом деле было!

— Ты обалдел! Мне однозначно дали понять, что, если мы промолчим о людях с площади, меньше получим...

— Хорошо, я подумаю! — с недоверием в голосе ответил кооператор.

Оперштаб сознательно устроила это «случайное совпадение», и можно было уже ничего не опасаться. В воскресенье мы немного попереговаривались, открыли камеру. А рано утром в понедельник его еще до завтрака вдруг перевели в другую камеру. Но перед уходом он успел прокричать, что последует моему совету. «Ваше задание выполнено, гражданин майор!»

«Безумство храбрых» сейчас не в моде. Но простенькое дело, поначалу отпугнувшее городской прокуратуры в Гагаринский район, вдруг спустя неделю перекочевало в Верховный суд республики, приговоры которого тут же вступают в силу с момента оглашения. Стало ясно — Лубянка торопится побыстрее заткнуть нам глотки. И надо быть готовым к самому худшему.

В «воронке» по дороге в суд я прокричал кооператору, что буду говорить все, как было на самом деле.

И он пытался следовать моему примеру.

В результате — не семь лет, когда-то обещанные адвокатом, «если повезет», но все равно по-свински много!

Главное — за что?!

За полгода, проведенные в Бутырке, я много раз спрашивал следователя Слинько: как же все-таки расценивать перекачку денег через границу, осуществленную рижскими кооператорами под прикрытием МВД республики? Разбирался ли кто-нибудь с этим?

— Судя по экспертизе, проведенной внешнеторговым НИИ, там все законно. Вы суеверны в дела, в которых ничего не понимаете!

Но, когда я читал три тома его сочинений, никакой внешнеторговой экспертизы не обнаружил. Следователь просто взял и отказал в возбуждении уголовного дела... А подобные вещи без приказа свыше не делаются. Ведь проишествие-то получило шумную огласку, и оно, конечно же, на особом контроле.

Коммерческий директор фирмы «Инженер» Е. Сербиллов, выступая в суде, признал, что помимо бывшего заместителя министра внутренних дел республики В. Канепа (он вместе с гражданским ФРГ Байком за гроши скупал на зонах в Коми лес, заготовленный эсками) на фирму работали еще несколько высокопоставленных офицеров МВД и КГБ республики. Он даже назвал фамилии, которых я не обнаружил в отфильтрованной стенограмме суда, присланной мне в лагерь через полгода.

Ну а главное — факт разбойного нападения, инициатор которого — офицер КГБ, а исполнители — офицеры провинциальной милиции (а потерпевшие — международные валютчики, действующие под прикрытием МВД).

Меня осудили, не привлекая основных свидетелей, пренебрегая фактами подлога и прямого террора со стороны следствия, диким количеством процессуальных нарушений, начатыми при аресте и продолжавшимися в суде. И, наконец, объявили мои гонорары «долей в рэжете» только потому, что они «тоже сторублевками». На суде я не раз говорил, что «законность, которую якобы защищают таким безумным количеством беззаконий, — аномалия». Но для суда приказ выше логики и презумпции невиновности. И потом, если меня выпускать — надо сажать тех, кто запер меня в Бутырку и полгода издевался надо мной и над законом. А кто ж на такое пойдет?

Гражданин СССР, поставленный этими «правоохранителями» на следователеский конвейер, бесправен. Суд — лишь ничто не значащая формальность. «Презумпция невиновности», «суверенность личности» — это для статей и речей на пленумах.

Но если уж меня осудили на основе опуса, который даже прокурор сочла всего лишь «литературным произведением», то, может быть, Верховный Совет РСФСР может освободить меня на основе вот этих строк?

«Страна, имеющая подобную службу безопасности, не может ощущать себя в безопасности!» — написал я из Бутырской тюрьмы генералу Крючкову, прося разобраться в дикой истории. Это письмо мой брат со своими комментариями отнес в приемную КГБ на Кузнецком мосту. Лишь через два месяца его пригласили для разговора. Холеный подполковник (не исключено — тот самый, что подписывал липовую справку в суд!) произнес: «Дело рассматривалось на самом высшем уровне и абсолютно беспристрастно!» Затем пошли zavtyushki вокруг пустоты. Стало абсолютно ясно, что всякие апелляции бесполезны.

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Мною в Прокуратуре СССР изучено уголовное дело № 2672 по обвинению Голованова А. В., Богатырева Е. Я., Казакова М. В. и Костанова М. А. в преступлении, предусмотренном ст. 95 ч. 3 УК РСФСР (вымогательство государственного, кооперативного и общественного имущества). Дело возбуждено 19 августа 1989 г. и закончено 2 января 1990 г.

Изучение дела показало: 18 августа 1989 г. в г. Москве в гостинице «Салют» Голованов и Богатырев под угрозой насилия над работниками рижского кооператива «Инженер» Максимиенко М. Д. и Свербиловым Е. В. потребовали от них 50 тысяч рублей. В 22 часа этого дня они получили 20 тысяч рублей, пообещав вернуться вновь за недополученной суммой.

Спустя несколько часов, т.е. 19 августа, ночью, с согласия и под наблюдением работников уголовного розыска Максимиенко М. Д. и Свербилов Е. В. передали рэкетирам еще 30 тысяч рублей.

После получения денег преступники были задержаны.

Операция по задержанию работниками милиции была проведена на низком профессиональном уровне, со стрельбой и бестолковщиной. Рэкетиров чуть было не упустили.

Задержанные рэкетеры были арестованы. А спустя некоторое время был арестован как участник преступной группы журналист, член Союза журналистов СССР Казаков Михаил Владимирович, 1947 года рождения, русский, образование высшее, отец двух несовершеннолетних детей. Автор нескольких интересных книг. Активный помощник органов КГБ по борьбе с преступностью.

Доказательствами виновности Казакова следствие

и суд посчитали следующие деяния:

1. Подготовку Казаковым текстов писем о деятельности рижского кооператива «Инженер» якобы с целью передачи этих писем преступникам для шантажа работников кооператива.

2. Обнаруженная при обыске у Казакова 1000 рублей, полученная от Голованова якобы за участие в рэжете.

3. Общение Казакова с рэжетирами, встречи с ними, телефонные разговоры.

С учетом вышеперечисленных доказательств судебная коллегия Верховного суда РСФСР 26 февраля 1990 г. приговорила Казакова к 4 годам с отбыванием в ИТК и конфискацией имущества.

Однако эти же доказательства материалы уголовного дела позволяют толковать и в пользу оправдания Казакова.

Главным доказательством вины Казакова в вымогательстве следствие посчитало подготовку им двух писем с угрозами в адрес Максименко и требованием от него денег. Но это доказательство спорно и не убедительно. Следствие не захотело установить, для кого и с какой целью были подготовлены эти письма. Хотя Казаков настойчиво добивался этого на предварительном следствии и в судебном заседании.

Как видно из материалов уголовного дела, Казаков в течение 2 лет являлся агентом КГБ и состоял на связи у сотрудника этого ведомств тов. Хромова М. В. На следствии Хромов не отрицал этого.

По заданию Хромова Казаков собирал различную информацию по прибалтийским республикам, в том числе и по экономическим преступлениям. Хромов на следствии не отрицал этого.

В частности, Казаков, будучи в г. Рига, собрал информацию по кооперативу «Инженер» о имевших там место махинациях с лесом. Отпечатав эту информацию, которую Казаков назвал «Экономическая диверсия», он первый экземпляр передал в КГБ, а второй экземпляр с согласия Хромова передал Костанову. Этой информации в материалах дела не оказалось. Вот что по этому поводу показал в судебном заседании Казаков: «В номере гостиницы «Россия», арендованном КГБ для встреч, я встретился с Хромовым и передал ему эту информацию. Хромов сказал, чтобы я передал эту информацию Костанову. Я сказал, что не хотел бы заниматься этим делом. Но Хромов мне сказал, что это задание, и напомнил, что я давал подписку».

Далее Казаков сообщил: «Второй экземпляр этой информации мне показывали на следствии. Я давал подробные объяснения по ним. Потом эта информация таинственно исчезла из дела. Когда я при закрытии дела сказал следователю Слинько, что пропала эта информация из дела, то он мне ответил, что никакой информации не было, ничего мне не показывали, все это мне померещилось».

Суд не выяснил обстоятельств пропажи из дела этого письма.

Хромов по письму не допрошен, хотя это одно из важнейших обстоятельств в решении судьбы Казакова. Он заявлял ходатайство о допросе Хромова следователем и в суде, но ему необоснованно было отказано в этом.

Вместо тщательной проверки всех обстоятельств, связанных с секретной деятельностью Казакова и получаемыми им заданиями от органов КГБ, суд ограничился запросом в КГБ, откуда пришел формальный, ничего не прояснивший ответ.

Что касается обнаружения при обыске у Казакова денег в сумме одной тысячи рублей, то материалы следствия и судебного разбирательства не дают повода для однозначного толкования выдвинутого правоохранительными органами обвинения против Казакова.

Следствие и суд посчитали, что Казаков получил эти деньги от Голованова за участие в преступлении. Однако этот вывод сомнителен. Казаков в судебном заседании категорически отрицал получение этих денег от Голованова. Но если даже и признать, что он получил эти деньги от Голованова, то нельзя это связывать с преступлением. Голованов показал в судебном заседании, что вечером 18 августа 1989 г. он приехал на квартиру к Казакову и там передал ему 1000 рублей как аванс за подготовку статьи о кооперативе «Инженер».

При этом никакого разговора о совершении преступления не было. Казаков вообще не знал, что Голованов в этот день совершил вымогательство денег.

Можно предположить, что, если бы Казаков знал о совершенном преступлении, он потребовал бы свою долю из 50 тысяч рублей и не ограничился бы одной тысячей.

При сомнительности двух первых деяний как доказательств вины Казакова в совершении преступления ссылка на такие его действия, как встречи с Головановым и другими рэжетирами, телефонные разговоры с ними, не могут подтверждать вину Казакова.

В судебном заседании Казаков не признал свою вину и сообщил, что стал жертвой оговора преступников и неправых действий КГБ. Обвинительное заключение и приговор не убеждают в его виновности.

Целесообразно просить Прокуратуру СССР проверить изложенное мною и в случае согласия просить об отмене приговора в отношении Казакова Михаила Владимировича.

В. КОЛДАЕВ,
кандидат юридических наук

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Всем известно, что Архангельский собор Московского Кремля является усыпальницей московских князей и царей. Здесь праздничное освещение и богатая роспись на стенах, редкие иконы и резные порталы. Среди этого великолепия стоят белокаменные надгробия, покрытые стеклянными футлярами. Служители музея тщательно следят за колебаниями температуры и изменением влажности воздуха. Они же приглашают и за тем, чтобы, упаси Бог, не повредил кто-либо произведение искусства и памятники древности. Сюда часто приводят экскурсии. Да, здесь есть что показать. А вот усыпальницу московских князей и царей (она рядышком, в подвале Судной палаты) не показывают никому. Ибо каждый, кто побывает в этом подземелье, будет не только потрясен увиденным, но и придет в негодование.

В мрачном подвале, «где сырость каплет слезами с потолка» (и не только в цинковые ящики, расставленные здесь для сбора воды, но и на кости и черепа), где влажные стены и мокрый пол, стоят более 50 саркофагов. До 1929 года они мирно покоились в Вознесенском монастыре. Перед взрывом этого уникального памятника архитектуры саркофаги откопали и ограбили. Сняли даже полотно, в котором были запеленуты останки княгинь и цариц. Затем саркофаги убрали с глаз долой в этот самый подвал.

Я рассматриваю фотографии, сделанные в этом подземелье совершенно секретно. Одни саркофаги стоят без крышек, другие разбиты. Есть гробы, где лежат по два черепа. На некоторых саркофагах выросли сталактиты...

Царица Наталья Кирилловна Нарышкина

А ведь здесь — останки тех, без кого немыслима наша история. Я назову только несколько имен.

Княгиня Евдокия Дмитриевна, жена Дмитрия Донского. Это она провожала русских воинов на Куликовскую битву и молилась за них. Ее чаяниями возник в Кремле Вознесенский монастырь.

Княгиня Софья Витовтовна, жена Василия I. Оставшись вдовой при малолетнем сыне, она вступила в неравную борьбу за великокняжеский престол с удельными князьями и одержала победу. А в 70-летнем возрасте княгиня возглавила оборону Москвы от татар.

Княгиня София Фоминична Палеолог, жена Ивана III. Византийская царица, принесящая России герб — двуглавого орла. Ей обязаны мы появлением в Москве искусных итальянских зодчих, построивших Кремль.

Княгиня Елена (Глинская), жена Василия III, мать Ивана Грозного. В ее правление Москва получила

второе охранное кольцо — Китай-город.

Первая русская царица Анастасия Романовна, жена Ивана Грозного. Видно, много она значила в жизни кровавого царя, если написал он о ней своему недругу Курбскому: «А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моей, ино бы Кроновы жертвы не было».

Царица Наталья Кирилловна, жена Алексея Михайловича, давшая России Петра I. Здесь же лежит и сестра Петра Наталья. На ее гробнице, разбитой вдребезги, была трогательная надпись: «Не умре девица, но спит. Свет очию моею и той нет со мною, погребена на [сем] месте».

Я ХОЧУ ОБРАТИТЬСЯ К ПРЕЗИДЕНТУ РОССИИ И К МЭРУ МОСКВЫ.

Уважаемые Борис Николаевич и Гавриил Харитонович, вспомните, пожалуйста, что многие из женщин, чьи останки лежат в подвале Судной палаты, сыграли значительную роль в деле возвышения Москвы и в создании Российского государства. В вашей власти прекратить надругательство, длящееся свыше 60 лет, в вашей власти предать оскверненные останки земле.

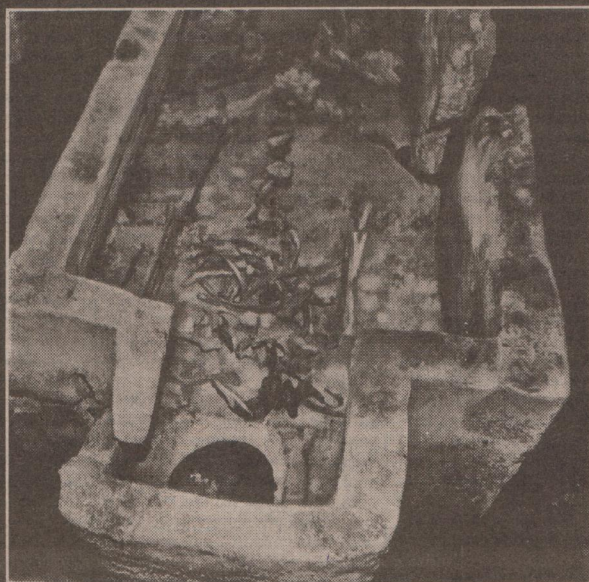
Я ХОЧУ ОБРАТИТЬСЯ К ПАТРИАРХУ ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II.

Ваше святейшество, не мне призывать к милосердию первого пастыря Русской православной церкви. Но я прошу Вас поддержать мое обращение к властям. Эти женщины были христианками, и они должны быть захоронены так, как это полагается. Страшный суд в подземелье Судной палаты должен быть прекращен.

Таисия БЕЛОУСОВА

Надгробья в Судной палате
Череп царицы Анастасии Романовны

Останки княгини Софьи Витовтовны

ОТКРЫВАЯ
АРХИВЫГеннадий
КОСТЫРЧЕНКО

Замечено: ни одно деспотическое правление не может быть ни прочным, ни долговечным, если легкомысленно относится к камуфляжу присущего ему человеконенавистничества. Иначе велик риск в одночасье утратить в глазах подданных ореол непогрешимости, а вместе с ним и власть. Тоталитарный режим в нашей стране десятилетиями поддерживал свое господство, зачаровывая народ грезами о грядущем сказочном изобилии и всеобщем счастье, при этом тщательно скрывая свое истинное бесчеловечное лицо за непроницаемой завесой всеобщей секретности.

Но рано или поздно, как застыл еще римский поэт и философ Тит Лукреций Кар, «личина спадает, а суть остается». Происходит это и благодаря саморазоблачающей силе документов, которые во множестве извлекаются ныне на свет Божий из-под спуда безгласного времени.

Поразительно, каких только бумажных монстров не породил за семьдесят лет сон номенклатурного разума. Не стали, к сожалению, исключением и годы Великой Отечественной войны, оставившие нам в наследство немало официальных директив и инструкций, отмеченных печатью кафкианского абсурда. Достаточно вспомнить хотя бы печально знаменитый приказ Ставки от 16 августа № 270, в котором Сталин требовал «уничтожать всеми средствами» тех, кто попадал в плен и окружение и кого он именовал «трусами и дезертирами».

Затем был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., который в одночасье превратил сотни немцев Поволжья в бесправных парий, обреченных на изгнание в Сибирь и Казахстан.

Следующей жертвой тоталитарного режима стали евреи. В архивах сохранилось немало документов, свидетельствующих, что во время самой кровопролитной в истории войны, когда наш народ (в том числе и граждане еврейской национальности) вел непримиримую и жестокую борьбу с фашизмом, сталинское руководство затратило немало сил и энергии для превращения антисемитизма в один из основных элементов государственной политики. Правда, пока шла война, Сталин и его окружение не могли решиться на открытую антиеврейскую кампанию, подобно той, что была развязана несколько лет спустя и получила название «борьбы с космополитизмом». Такая авантюра была чревата непредсказуемыми последствиями: самодискредитация в глазах союзников и неизбежные осложнения во взаимоотношениях с ними; усиление межнациональных трений внутри советского общества и, по

сути дела, подрыв его единства и сплоченности. Наконец, это означало бы несомненную солидаризацию с человеконенавистнической юдофобской идеологией и политикой гитлеровцев.

В это время великодержавный шовинизм и самый оголтелый антисемитизм приняли форму искоренения коварных «внутренних врагов», угнездившихся, как утверждали чиновные борцы с крамолой, повсюду, в том числе в театре и на эстраде. Начался новый этап тайной войны сталинистов с собственным народом.

В самые драматические дни битвы на Волге, когда поистине решалась судьба страны, в ближайшем окружении Сталина закипели страсти вокруг вопроса о «подборе и выдвижении кадров в искусство». Именно так была озаглавлена докладная записка, направленная 17 августа 1942 г. Управлением пропаган-

Далее авторы докладной записки характеризовали национально-кадровую обстановку в Московской государственной консерватории, особо отмечая, что посты директора и заместителя директора там занимали евреи Гольдштейн и Столяров, как, впрочем, и должности заведующих основными кафедрами (Цейтлин, Ямпольский, Дорлиак, Гедике, Пекелис и др.).

Не забыли борцы за расовую чистоту руководящего состава и о Ленинградской государственной консерватории (названы Островский, Штейнберг, Эйслин, Гинзбург).

В музыкальной критике, отмечали авторы докладной записки, также засилье евреев. Они сетовали на то, что наиболее активно в печати выступают Рабинович, Гринберг, Коган, Шлифштейн, Житомирский, Цукерман, которые «замалчивают концерты русского пианиста Софроничко и дают про-

модеятельность мелких чиновников? Подобными сомнениями наполнено и датированное 13 мая 1943 г. письмо старого большевика Я. Гринберга Сталину, в котором, как сказано, были «выражены чаяния большой группы художественной интеллигенции». Вот оно:

«Дорогой вождь и учитель

И. В. Сталин!

Чем можно объяснить, что в нашей советской стране в столь суровое время мутная волна отравительного антисемитизма возродилась и проникла в отдельные советские аппараты и даже партийные организации? Что это? Преступная глупость не в меру ретивых людей, невольно содействующих фашистской агрессии, или что-либо иное?

Я член партии с 1919 г., и ни разу я не был в таком затруднительном положении перед окружающими партийными и беспартийными товарищами,

представителей художественной интеллигенции (евреев) обращались к писателю Эренбургу с просьбой поставить этот вопрос. Со мной об этих явлениях много говорил писатель Борис Горбатов.

Уже дошло до того, что отдельные коммунисты (русские) и даже секретари низовых парторганизаций (например, в Управлении по делам искусства Мосгорисполкома) начинают совершенно официально ставить вопрос о «засоренности» аппарата евреями, выдвигают обвинения в «протаскивании евреев». В Управлении по делам искусства делали даже подсчет и определяли, не нарушена ли «еврейская норма» — 4 человека на 30 работников аппарата!

Становится невозможно! Это уже не случайность, а явление. Вновь возник этот страшный еврейский вопрос. Наше поколение еврейского народа испытало очень многое — от времен «Со-

В ПОИСКАХ

ды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову и А. А. Андрееву. В ней шла речь о том, что «отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР» привело «к извращению политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего состава учреждений искусства, а также вокальных, музыкальных, режиссерских, критиков и поставило наши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение». Если перевести этот пассаж на нормальный человеческий язык, можно будет понять, что, оказывается, в кулуарах Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). В частности, в Комитете по делам искусств руководящие должности занимали Фалковский, Владимирский, Плотикин, Шлифштейн, Гольдман и другие. В Большом театре Союза ССР на руководящей административной и творческой работе находились Леонтьев (главный режиссер), Самосуд (главный дирижер), директеры Файер, Штейнберг, Мелик-Пашаев (армянин), Габович, Мессерер, Купер-Кауфман, Жук, Садовников¹.

¹ В тексте документа инициалы почти перед всеми фамилиями отсутствуют.

странные статьи о Э. Гилельсе, Ойстрахе и других».

Докладная записка, которую подписали начальник Управления пропаганды и агитации Г. Александров и заведующая отделом культурно-просветительных учреждений того же управления Т. Зуева, заканчивалась требованием к Комитету по делам искусств разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства».

Разумеется, столь решительный по тону документ не стал, что называется, вещью в себе, а был принят управленческими структурами как руководство к действию. 19 ноября 1942 г. председатель Комитета по делам искусств М. Храмченко проинформировал партийное руководство, что вместо «имеющего преклонный возраст» А. Гольдштейна на пост директора Московской государственной консерватории назначен В. Шебалин.

Словом, кадровая антисемитская чехарда захватила учреждения культуры и творческие коллективы. В них нагнеталась атмосфера, близкая к погромной. Естественно, еврейская интеллигенция встревожилась набирающей силу травлей. Многие терпелись в догадках: что это — целенаправленная официальная кампания или са-

которые щут у меня ответа на этот вопрос. Существуют собственные измышления и догадки о том, что, возможно, сверху было дано какое-то указание... о проведении национального регулирования выдвигаемых кадров. В органах, ведающих искусством, об этом с таинственным видом говорят шепотком на ухо. В результате это породило враждебное отношение к евреям, работающим в этой области. На практике получились так, что секторы кадров в Комитете по делам искусств и ему подведомственных аппаратах подбирали только русских работников вплоть до администратора передвижного театра. Еврей любой квалификации сейчас не может рассчитывать на получение самостоятельной работы даже самого скромного масштаба. Эта политика развела много темным и неустойчивым элементом языка, и настроение у многих коммунистов и беспартийных евреев очень тяжелое.

Недавно меня пригласил долой артист Малого театра И. Лепштейн и со всеми предосторожностями беседовал об антиеврейских настроениях, которые волнуют евреев-актеров этого театра.

Знаю, что с большой тревогой об этом явлении говорят народные артисты СССР Т. Михоэлс, народный артист РСФСР Таиров и очень много рядовых работников. Известно, что ряд

юза русского народа» до иступления кровавого фашизма. Меня товарищи уверяют, что в руководящих партийных органах много известно. Ваше личное вмешательство может коренным образом изменить положение вещей, в связи с чем я и решил обратиться к Вам непосредственно».

Судя по резолюциям и пометкам на письме, его, помимо Сталина, прочли секретари ЦК А. А. Андреев и А. С. Щербаков. Ознакомившись с ним наверняка и руководители Управления пропаганды и агитации, те самые, кто, конечно же, на свой страх и риск, а по воле вождя народов организовал всю эту охоту на ведьм. Круг замкнулся — письмо было благополучно сплывлено в архив. И все пошло по-старому.

Уже через несколько месяцев, в сентябре 1943 г., идеологи-антисемиты вновь перешли в наступление. На сей раз решено было расправиться с газетой «Литература и искусство».

Действовали по отработанной схеме: Управление пропаганды и агитации вначале собрало компромат, затем написало докладную записку в Секретариат ЦК, после чего было подготовлено закрытое постановление с соответствующими «оргвыводами».

Внешне все выглядело благопристойно и принципиально. Авторы докладной записки (Г. Александров и Н. Шаталин),

конечно же, не ставили в вину Новогрудскому, Крути, Лурье, Мирской, Кальмееру, Писманнику, Рабиновичу их национальное происхождение. Это было бы слишком топорно и, самое главное, не в традициях сталинского аппарата, который даже в мелочах не позволял себе действовать открыто. Утверждалось, что в газете «подвизались люди, малокомпетентные в искусстве и путаники». К ряду последних причислялся и режиссер С. Юткевич, который в номере «Литературы и искусства» от 13 февраля 1943 г. дал положительный отзыв на сценарий кинофильма «Актриса», построенный, как утверждалось, на «легковесном и балаганном сюжете». Строго пожурили авторы докладной и литературного критика А. Гурвича, посмевшего опубликовать чуть ранее недобрую рецензию на удостоенный Сталинской премии сборник морских

ценно: стараниями идеологического начальства им была уготована нелегкая судьба. Совершенно очевидно, что сталинский режим должен был до поры до времени камуфлировать свой антисемитизм. Иначе он рисковал разоблачить свою тоталитарную родственность фашистской системе. Поэтому в пропагандистских целях, и в основном в угоду союзникам, позволялась или, точнее, терпелась деятельность таких общественных организаций, как Еврейский антифашистский комитет, которому отводилась строго определенная роль — клеймить зверства фашистов в отношении евреев, собирать пожертвования за рубежом в пользу Красной Армии, убеждать мировую общественность в тщетности попыток гитлеровской пропаганды разжечь в советских людях антисемитизм. Каждый свой шаг ЕАК должен был согласовывать

наций, входящих в состав Советского Союза». Под прикрытием дымовой завесы великодержавного шовинизма в почву массового сознания высевались семена антисемитизма. Высеивались, чтобы после войны «горячей» буной расцвети на почве войны «холодной». К концу сороковых годов был уже опущен «железный занавес», разделивший бывших союзников на два враждебных друг другу лагеря. Вот тогда-то сталинское руководство решило, что настал наконец должный час «иксы», когда можно дать выход так долго копившейся руководящей неприязни к евреям. Уже к концу 1948 г. пропаганда антисемитизма, развернувшаяся под флагом борьбы против «безродных космополитов», приобрела форму масштабной и едственной кампании. Началась расправа с еврейской творческой интеллигенцией.

Борис ВИКТОРОВ,
генерал-лейтенант юстиции в отставке

ФРАНЦУЗСКИЙ ШПИОН... ТАРЛЕ

Из воспоминаний военного прокурора

В очередной почте для меня было письмо президента Академии наук СССР Метислава Всеволодича Келдыша. Обратившись в Главную военную прокуратуру, он просил ускорить разбирательство с делом ученых-историков М. К. Любарского, Е. В. Тарле, Д. С. Лихачева и других, которые, по его мнению, были необоснованно репрессированы.

Из названных ученых мне был хорошо известен Тарле. Из-под его пера вышли знакомые нам, офицерам, книги «Нашествие Наполеона на Россию», о выдающихся русских флотоводцах Ушакове, Синяеве, Нахимове, о Севастопольской обороне 1854—1855 годов. Известен был советским людям академик Евгений Викторович Тарле и как член Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и Советского комитета защиты мира.

Документ из архивной справочной картотеки свидетельствовал: Тарле Евгений Викторович, 1875 года рождения, уроженец города Киева, беспартийный, действительный член Академии наук СССР, профессор ЛГУ, постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года был осужден к высылке на 5 лет по статье 58 пунктами 3, 5, 6 и 11 УК РСФСР (в редакции 1927 г.).

Но вернемся на несколько лет назад. Вскоре после смерти Владимира Ильича Ленина Сталин развернул массовый репрессивный поход против старых специалистов. Дошла очередь и до Академии наук... Осенью 1929 года была проведена чистка аппарата Академии. К этому «мероприятию» подключились и сотрудники ГПУ. С одобрения Сталина ими были арестованы 23 ученых, входивших якобы в контрреволюционную организацию «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Делу этому было решено придать международную политическую окраску. Из официальных сообщений ГПУ следовало, что арестованные ученые действовали в целях «оказания помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению советской власти». Для обоснования этого ГПУ преднамеренно и в неверном свете трактовало некоторые обстоятельства из биографии отдельных арестованных.

Из обвинительного заключения по делу:

«Через Тарле связывались с бывшим главой французского правительства Пуанкаре и министром иностранных дел Биани и с другими агентами французского правительства и принимали участие в обсуждении и разработке планов интвенции... Вступали в сношение с Ватиканом в лице папы Пия XI и его агентов».

Какие на этот счет были у ГПУ доказательства? Да никаких, если извращенно не истолковывать факты из жизни и деятельности молодого талантливого русского ученого-историка.

Из полученной нами справки о научных трудах Е. В. Тарле мы узнали, что еще в 1896 году, когда ему было всего 21 год, он опубликовал первый научный труд, посвященный истории средних веков, в частности истории Италии. Работая в течение многих лет в архивах Парижа, Бордо, Гамбурга, Бремена и других городов Западной Европы, а также в русских архивах, Тарле собрал и проанализировал обширный исторический материал, на основе которого был написан двухтомный труд «Рабочий класс во Франции в эпоху Революции (1909—1911 гг.)». Перед самым арестом Тарле (в 1927 г.) вышел курс его лекций «Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг.», а затем (в 1928 г.) книга «Рабочий класс во Франции от конца империи до востания рабочих в Лиге». Вся направленность исторических исследований ученого свидетельствовала об антиимпериалистических взглядах Тарле и о поддержке революционных устремлений рабочего класса стран Западной Европы. В следственном деле Тарле об этом ничего не было сказано, даже не были упомянуты эти труды, получившие высокую оценку историков.

Находясь во Франции, Тарле действительно встречался с видными политическими и общественными деятелями этой страны. Некоторые из них открыто высказывали свои симпатии к проводимым русским ученым-историком историческим исследованиям. Но все это носило открытый, гласный характер, перениманный ГПУ в «конспиративный».

Участие Тарле в подготовляемом заговоре обосновывалось вещественным доказательством — запиской, которую написал Тарле в тюрьме какой-то «Надежде Сергеевой» и которую пытался уничтожить. Ключи этой записки, собранные и сложенные в пакет, хранятся в томе № 7 архивно-следственного дела Е. В. Тарле:

«Вот точное, объективное изложение разговора, бывшего у меня с Надеждой Сергеевой в сентябре 1929 года в бунте... нальной... куда она захотела специально, чтобы узнать у меня что-нибудь по встревоженному вопросу, усложнившись накануне по телефону. Она прислала меня, чтобы я ей искренне ответил: неужели серьезно в Ленинграде готовится восстание и т.п.? Я ответил, что измучаюсь ее вопросу, что ни о каком восстании речи сейчас быть не может и что не понимаю, в чем дело. Она тогда мне рассказала, что ее муж сказал ей, что в планах Измайлова предусматривается особый отборный отряд, который поставил себе целью пробиться к самым важным пунктам противника, действуя ручными гранатами... ее муж говорил, что это уже давно было и его собственной мыслью, что, по его мнению, его сын, его товарищи (по этому обществу «Молодых рыцарей») должны быть посвящены в это дело... найдут в себе силы, должны подготовиться к этому... чтобы войти в такой отряд. Между тем она боится, чтобы даже разговор об этих вещах был затян с этой молодежью, и без этого очень взвешивая и экзальтированной. Я на это ей сказал, что лично я не верю абсолютно в близость таких событий и что, не имея никакого понятия в военном деле, я, кроме того, не могу взять в толк всего этого проекта отборного отряда с ручными гранатами, что меня удивляет, что на ее мужа действовал писатель Измайлов, что, конечно, нужно не мальчишка оставаться... и не влюблять его преданных фантазиями... что, наконец, я не понимаю, что это значит «готовиться» вступить в отряд. На это она сказала, что это значит... метать эти снаряды и что ее больше всего мучает, что если эти подростки начнут метать о своей боевой роли, то они, не дождавшись никаких восстаний, сами могут пойти на какие-нибудь отчаянные поступки. Тут я, хотя мне и хотелось бы ее успокоить, вынужден был согласиться, что эта опасность действительно реальна и что прямо невозможно со стороны ее мужа взвешивать... (совать) в политику 16-летнего ребенка...»

Мы откомментировали содержание этого письма Тарле иначе, чем это сделал ГПУ.

Вместе с Управлением КГБ по городу Ленинграду и области нами было составлено заключение об отмене постановления коллегии ОГПУ по данному делу и о полной реабилитации всех невинно осужденных. Академик Тарле был реабилитирован уже посмертно...

1 Наиболее вероятно, Тарле имел в виду Н. С. Краевич, проходившую по этому делу.

Соломон Михоэлс

рассказов Л. Соболева.

Заканчивалась докладная записка весьма кровавыми выводами, не оставлявшими сомнений в том, что некоторым сотрудникам газеты реально угрожала перспектива стать клиентами «компетентных» органов. Утверждалось, что среди пятерых заведующих отделами редакции четверо — «политически сомнительные люди, которым нельзя доверить работу в газете», и потому для начала предлагалось снять их с работы. В качестве обоснования тут же излагался компрометирующий материал на «четверку»: «тр. Крути (зав. театральным отделом) с 1918 по 1920 г. был сотрудником белогвардейской газеты «Свободная мысль», издававшейся в Одессе... Рабинович (зав. музыкальным отделом) — с 1937 по 1940 г. поддерживал связь с германским подданным, шпионом Георгом Себастьяном... Мирская (зав. отделом литературы) была в близких связях со шпионом Герро и Старосельским — контрреволюционером-троцкистом...». Список неблагонадежных сотрудников редакции замыкал заведующий отделом информации Кальм (Кальмеер), который «был связан со шпионом-диверсантом Головинным...».

Что стало впоследствии со всеми этими ошельмованными людьми, установить, к сожалению, не удалось. Одно несом-

с идеологическим руководством в лице А. С. Шербакова, Г. Ф. Александрова, Д. А. Подликарпова, Н. И. Кондакова, которые ревностно следили за тем, чтобы эта организация не проявила «излишней» инициативы и активности.

Стиль идеологического «кураторства» был чужд каким-либо церемониям. Когда летом 1943 г. И. Г. Эренбург направил Н. И. Кондакову на утверждение текст обращения к американским евреям, тот стал резко возражать против упоминания о подвигах евреев-солдат Красной Армии. «Это бахвальство», — заметил он цинично. За попытки «выпытать» роль евреев в войне с фашизмом не раз получал нагоняй от того же Кондакова и ответственный секретарь ЕАК Ш. Эшштейн, которому однажды было заявлено: «...и вообще существование вашего еврейского комитета излишне».

Замечено, что в тоталитарных государствах антисемитизма в чистом виде не бывает. Как правило, он составляет гремучую смесь в сочетании с проповедью шовинизма и неприязни всего иностранного. Так было и в нашей стране во время и после войны. Достаточно вспомнить лицемерную речь Сталина на кремлевском приеме 24 мая 1945 г., в которой русские были названы «наиболее выдающейся нацией из всех

20 ноября был распушен Еврейский антифашистский комитет, после чего его члены были арестованы. Потом было тайное и скорое судилище, завершившееся расстрельными приговорами, а вскоре начался новый акт антисемитского шабаша, главными действующими лицами которого стали «убийцы в белых халатах». Впрочем, это уже тема отдельного исторического исследования, благо сейчас достоянием гласности становятся все новые и новые документы и свидетельства о тех событиях.

К сожалению, затронутые в этой статье вопросы пока не утратили своей актуальности. Извлекая уроки из прошлого, важно осознать, что, если сегодня кто-то собирает камни, подготавливает тайные юдофобские постановления, распространяет пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» и раздувает миф о жидомасонском заговоре, не исключено, что завтра эти камни будут разбрасываться, причем не только в фигуральном смысле. И опять все пойдет по старому сценарию?

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Георгий
КУМАНЕВ

Автор публикации —
доктор исторических
наук, профессор,
заведующий Отделом
военной истории Института
истории СССР АН СССР

Георгий Александрович Куманев.

По роду своей научной деятельности
в 60—80-е годы он часто встречался
и беседовал со многими государственными
и политическими деятелями военных лет,
прославленными полководцами, флотоводцами
и героями Великой Отечественной войны.
Обширный материал (стенограммы бесед
и выступлений, различные интервью,
магнитофонные записи) составит основу будущей
книги, над которой работает ученый.

А. И. МИКОЯН

В 70-е годы судьба предоставила мне возможность десятки раз встречаться с Анастасом Ивановичем Микояном. Встречи проходили чаще всего в его небольшом рабочем кабинете (члена Президиума, а затем консультанта Президиума Верховного Совета СССР) или на государственной даче в Горках Х. Мы подолгу, иногда по два-три часа, вели беседы на исторические и политические темы. Микоян всегда весьма охотно отвечал на мои многочисленные вопросы.

О Сталине он отзывался достаточно объективно, отмечая и сильные стороны характера диктатора (независимые организаторские способности, феноменальную память, твердость), и отрицательные (непомерная жестокость, грубость, черствость, коварство, лицемерие, цинизм). Две темы, органично связанные с «великим вождем», особенно волновали Микояна: репрессии предвоенных лет и события Великой Отечественной войны. К ним он возвращался постоянно, добавляя все новые и новые штрихи, факты, оценки к уже рассказанному ранее.

«Запомните, — заметил однажды Анастас Иванович, — Сталин в конце 30-х годов — это совершенно изменившийся человек: до предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный, о себе нередко он говорил уже в третьем лице. По-моему, тогда он просто спятил. Впрочем, таким Сталин снова предстал перед нами и в последние три-четыре года до своей смерти».

Его упрямство, большая самоуверенность и большое самонадеяние очень дорого стоили стране, нашему народу. Сталин фактически обеспечил внезапность фашистской агрессии со всеми ее тяжелыми последствиями. Говорить с ним весной и особенно в начале лета 1941 года о том, что Германия в любой день может напасть на СССР, было делом абсолютно бесполезным. Сталин уверовал в то, что война с немцами может начаться где-то в конце 1942 года или в середине его, т.е. после того, как Гитлер поставит Англию на колени. Воевать же на два фронта, по его мнению, фюрер никогда не решится. «А к этому времени мы успешно выполним третью пилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть нос», — уверенно заключал Сталин».

Несколько раз Микоян сообщал мне подробности беспрецедентного в истории дипломатии случая, когда 5 мая 1941 года германский посол в Москве граф фон Шуленбург доверительно информировал Кремль о предстоящем фашистском нападении. Но Сталин раздраженно отмахнулся от этого важного предупреждения, посчитав его очередной дезинформацией.

«Когда на рассвете 22 июня война все-таки разразилась, — рассказывал Микоян, — мы, члены Политбюро ЦК, сразу же собрались в кремлевском кабинете Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. «Обманул-таки подлец Риббентроп», — несколько раз повторил Сталин».

Как мы ни настаивали, он наотрез отказался выступить по радио, заявив: «Мне нечего сказать народу. Пусть выступит Молотов».

Кстати, о Молотове наша пропаганда сотворила немало легенд и разных небылиц: о том, что он уж очень мудрый, справедливый, добрый. Те, кто бывал в кабинете у Сталина, часто видели рядом с ним Молотова. Но, как правило, он сидел и молчал. Возможно, Сталин эту декорацию с присутствием Молотова делал для того, чтобы создать представление, что он никогда не решает важные вопросы один. Вот у него есть «правая рука», его тень — Молотов, и он с ним постоянно советуется. Вообще же Молотов — большой тугодум, лишенный чувства нового, смелой инициативы, и человек он к тому же весьма тщеславный, — подчеркнул Микоян.

«Помню, — продолжал он, — как на третий или четвертый день войны утром мне позвонил Молотов и пригласил на какое-то важное хозяйственное совещание. В его кабинете собралось более 30 человек: наркомы, их заместители, партийные работники. Молотов произнес длинную речь, и начался прения. Слово получил каждый из присутствующих или почти каждый, регламент при этом не соблюдался. Все порядком утомились, и наконец часа через 3—4 совещание закон-

чилось. Я сразу обратился к Молотову: «Вячеслав! Разве можно так работать? Ведь началась война, обстановка требует и оперативных решений, и оперативных заседаний. А у тебя что получается?» Меня, кстати, поддержал и Берия, который тоже был на этом совещании. Молотов был явно недоволен таким мнением».

Неоднократно Микоян отмечал и такую черту Молотова, как упрямство, нередко его было очень трудно переубедить. Вместе с тем Анастас Иванович однажды поправил меня, когда я высказался о позиции Молотова по поводу репрессий. Я рассказал А. И. Микояну о недавно состоявшейся встрече с бывшим наркомом авиационной промышленности Алексеем Ивановичем Шахуряным. Как сообщил мне Шахурян (он более 5 лет провел в лагерях, вернувшись оттуда с большим сердцем), во время его беседы с Молотовым в подмосковном правительственном санатории последний всячески оправдывал незаконные репрессии, имевшие место в стране. «Пытается обелить себя перед историей, придумывает всякие оправдания черным делам «великого вождя», — добавил я от себя. «Вы не совсем правы, — тут же поправил меня Микоян. — Молотов говорит что думает, в чем глубоко убежден».

Приведу еще один эпизод, рассказанный мне Микояном и связанный с Молотовым. Речь идет о первых днях Великой Отечественной войны, точнее, о 30 июне 1941 года. Накануне Сталин со своим окружением побывал в Наркомате обороны, пытаясь выяснить конкретную обстановку на фронтах войны. Не получив ясной картины создавшегося положения от наркома маршала С. К. Тимошенко и начальника генштаба генерала армии Г. К. Жукова и резко обругав последнего,

«Веди нас, Вячеслав, мы все пойдем за тобой!»

Подъезжаем к так называемой «ближней» сталинской даче, в лесу за Поклонной горой. Охрана, видя среди нас Берия, сразу же открывает ворота, и мы подъезжаем к дому «хозяина». Открываем дверь в малую столовую и застаем Сталина глубоко сидящим в кресле. Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Он, конечно, решил, что мы пришли, чтобы его арестовать.) «Зачем пришли?» — глухо выдавливает из себя Сталин.

Молотов выступает вперед и говорит о предложении создать Государственный Комитет Обороны. Сталин меняется буквально на глазах. Прежнего испуга — как не бывало, плечи выпрямились. После некоторой паузы он сказал: «Хорошо. А кто председатель?»

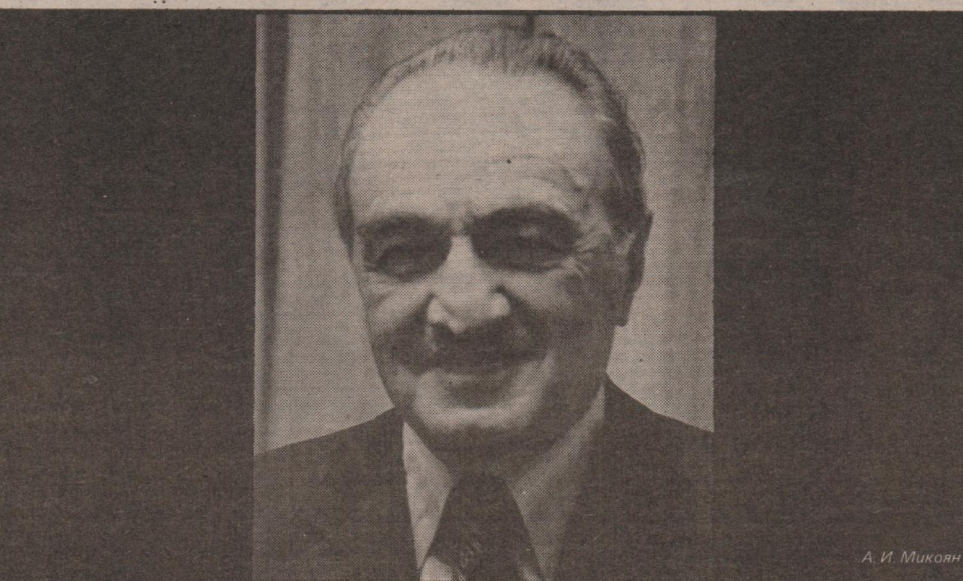
— Ты, товарищ Сталин, — говорит Молотов.

— Согласен. А каков предлагается состав этого органа?

Тут опять встает недовольный Вознесенский, снова начался спор.

Чтобы положить ему конец, я предлагаю меня и Вознесенского назначить уполномоченными ГОКО (Микоян Государственный Комитет Обороны называл всегда сокращенно ГОКО, а не ГКО. — Г.К.), наделив широкими полномочиями. В этот же день решение об учреждении Государственного Комитета Обороны было принято, а 1 июля обнародовано, — заключил Микоян.

Меня давно интересовало, как Сталин справлялся с обязанностями председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего. Всегда ли «был на высоте»? Задаю вопрос Микояну.

А. И. Микоян

ВСТРЕЧИ

Сталин покинул наркомат, уехал к себе на «ближнюю» дачу в Кунцево, и всякая связь с ним полностью обрывалась.

«Утром 30 июня, — вспоминал Микоян, — мне позвонил Молотов и попросил зайти к нему в кабинет. Поскольку у меня в это время был Вознесенский, мы пошли вдвоем. В его кабинете находились также Берия и еще несколько членов Политбюро ЦК».

— Вот, — сказал Молотов, — Лаврентий Павлович предлагает срочно создать по образцу ленинского Совета Труда и Обороны времен гражданской войны Государственный Комитет Обороны.

— Но пусть Вячеслав Михайлович скажет, почему нас с вами, Анастас Иванович, нет в проекте состава этого комитета, — перебил Молотова Вознесенский.

— Каков же состав предлагается? — спрашиваю.

— Товарищ Сталин — председатель, я его заместитель, затем члены Комитета Маленков, Ворошилов и Берия, — отвечает Молотов.

— А почему же нет в этом списке нас с Николаем Алексеевичем? — задаю новый вопрос Молотову.

— Но кто же тогда останется в правительстве? Нельзя же почти всех членов Бюро Совнаркома вводить в этот Комитет.

После некоторых споров Молотов предложил ехать к Сталину, чтобы с ним решить все эти вопросы, тем более что на звонки он не отвечает.

И вот в этот момент, — рассказывал Микоян, — Вознесенский то ли не понял, то ли не услышал, зачем надо ехать к Сталину (к тому же без предварительного звонка). Во всяком случае, он вдруг как-то быстро подскочил к Молотову и воскликнул:

— К сожалению, далеко не всегда, особенно в первые месяцы войны, — свидетельствует Анастас Иванович.

Эти слова он, в частности, подтвердил следующим примером.

— Хорошо запомнил день 18 мая 1942 года, когда возникла серьезная опасность провала нашей Харьковской наступательной операции. Поздно вечером несколько членов Политбюро ЦК: Молотов, Берия, Маленков, кажется, Андреев и я — находились в кабинете Сталина. Мы уже знали, что Сталин отклонил просьбу Военного Совета Юго-Западного направления прекратить дальнейшее наступление советских войск на Харьков из-за угрозы их окружения. Внезапно раздался звонок.

— Узнай, кто и что надо? — сказал Сталин Маленкову.

Тот взял трубку и сообщил, что звонит Хрущев (который тогда являлся членом Военного Совета Юго-Западного направления).

— Чего он хочет? — спрашивает Сталин.

— Хрущев просит разрешения немедленно прекратить наступление на Харьков, чтобы сосредоточить основные усилия для отражения контрудара противника, — говорит Маленков.

— Передай ему, что приказы не обсуждаются, а выполняются, — заявил Сталин. — И повесь трубку.

Маленков так и сделал.

Меня тогда просто поразило, — подчеркнул Микоян. — Человек звонит из самого пекла, надо срочно во всем разобраться и принять какие-то экстренные решительные меры — и такое пренебрежительно-бар-

кое отношение со стороны человека, несущего на своих плечах столь высокую ответственность.

Чем все это кончилось тогда для нас под Харьковом, вы знаете.

Добавлю, что где-то в начале 1944 года, кажется, перед пленумом ЦК, несколько членов Политбюро собрались в кабинете у Сталина. Был и Н. С. Хрущев. Тут я возьмись и скажи: «А прав был тогда Никита Сергеевич насчет немедленного прекращения наступления на Харьков». Вы не представляете, как свирепо посмотрел на меня Сталин, и я был не рад, что затронул эту тему.

— А каков Сталин был в быту, вне работы? — задаю Анастасу Ивановичу новый вопрос.

— Бывал и общительным, и приветливым, и гостеприимным, но всегда надо было быть начеку.

Сталин частенько приглашал людей, и прежде всего из своего круга, к себе на дачу. Отказаться от приглашения было весьма нежелательно. Лично я ехал туда, как правило, с тяжелым чувством. Ибо знал, что придется много пить, причем крепкие напитки. Сам Сталин предпочитал полусладкие грузинские вина («Киндзмараули», «Хванчкара»), а в последние годы — «Шампанское», которое он разбавлял минеральной водой. Пил он понемногу и с интересом наблюдал, как ведут себя и о чем говорят изрядно «поднабравшиеся» гости.

Как-то после очередного тоста, вынужденный осушить целый бокал коньяка, я вышел из столовой и обнаружил рядом небольшую комнату. Там был и умильнич, и диванчик, чем я не преминул воспользоваться. Через час-полтора вышел оттуда почти отрезвившим, посвежевшим и снова присоединился к гостям.

Дело в том, что хозяйства переселенных в Казахстан, Среднюю Азию немцев Поволжья были, как правило, образцовыми. И новое перемещение их уже отсюда сразу привело бы к развалу или краху местной экономики.

Еще один (тоже давно интересовавший меня) вопрос к Анастасу Ивановичу, уже как к одному из руководителей экономики СССР военных лет: «Как вы оцениваете ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в 1941—1945 годах?»

«Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, я оцениваю очень высоко», — ответил он. — Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы». И, поясняя свое утверждение, добавил: «Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым, хорошо обученную, но войны которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут воины? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили свыше 401 тысячи первоклассных по тому времени машин типа «студебеккер», «форд», легковые «виллисы». Вся наша армия фактически оказалась на колесах, и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления.

Да... — задумчиво протянул Микоян. — Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали».

На снимке: В. М. Молотов, Г. А. Куманев, Я. Е. Чадаев (фото из архива автора)

Так продолжалось в течение еще двух-трех вечеринок, пока меня не выследили Берия. Он тут же донес о моей «комнате отдыха» Сталину. Тот подошел ко мне и с нескрываемым раздражением медленно и зло произнес: «Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть...» Таков был «хозяин».

Неожиданным для меня явился ответ Микояна на вопрос: «А сколько примерно за время войны состоялось заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)?»

— Ни одного, — подчеркнул он. И добавил: — Сталин, по существу, парализовал деятельность Политбюро. Вместо него заседали «пятерка» или «семерка». Так и сообщалось: «Сегодня у товарища Сталина собирается «пятерка». Или: «Сегодня заседает «семерка». Соответственно этому были и решения: такого-то из «семерки» перевести в «пятерку» и наоборот.

— Как же так, Анастас Иванович? — говорю ему. — Ведь в свое время, когда я работал с документами «кремлевского архива» (Архива ЦК КПСС. — Г. К.), то знакомился и с многочисленными протоколами Политбюро за годы войны. Помню, что только за первую неделю войны им были приняты десятки решений.

Микоян усмехнулся и махнул рукой:

— Это все делал Маленков, оформляя заседания у Сталина как протоколы Политбюро.

Мои расспросы однажды коснулись и судьбы Автономной Советской республики немцев Поволжья. Почему она не была восстановлена после войны?

Микоян ответил:

— Этот вопрос поднимался в нашем руководстве и не получил одобрения. Я тоже голосовал против.

«Он вас давно ждал», — говорит встречающая нас «экономка» Молотова. Шаркающей походкой идет навстречу нам хозяйка дачи. Он очень изменился, поэтому трудноузнаваем. Большая, наклоненная набок голова, очень редкие, короткие усы, нет пениса. Дрожжащие кисти рук (видимо, болезнь Паркинсона). На Молотове теплая рубашка в крупную клетку с потертым воротником и потертыми рукавами...

Проходим в небольшую гостиную со скромной мебелью. Круглый стол, софа, недорогой сервант с посудой. На серванте белая скульптурная фигурка С. М. Кирова. На стене овалный художественный портрет жены Молотова — Полины Семеновны Жемчужной-Молотовой. Около стола — большой телевизор, правда, черно-белого изображения.

Мы усаживаемся за стол и начинаем беседу.

— Мы ведь с вами земляки, Вячеслав Михайлович, — говорит Чадаев.

— А вы откуда родом?

— Город Омутинск Кировской области.

— Ну, если иметь в виду область, то действительно земляки — вятичи, — соглашается Молотов. — И в Омутинске мне доводилось бывать. Но родом я все же из другого места — из села Кукарка. И у меня есть другой известный земляк. Так уж распорядилась история, ведь из одного села вышли два Председателя Совнаркома: Алексей Иванович Рыков и я. (Меня особенно поразило, что имя Рыкова было произнесено Молотовым полностью и даже с каким-то уважением.)

Постепенно мы переходим к разговору на исторические и политические темы. Молотов сам предлагает, чтобы гости расспрашивали его обо всем, что интересует.

Я. Е. Чадаев интересуется степенью виновности подругих Берия: Абакумова, Меркулова, Деканозова и других.

— Надо бы внимательно посмотреть все документы, ведь подлинных врагов и нестойких элементов в нашем обществе было немало. И проведенная чистка накануне войны была оправданным делом. Хотя при этом допускались и ошибки, — говорит Молотов и прекращает разговор на вопросы текущей политики, нашей внутренней жизни.

— О трудностях нашего развития замалчивать нельзя, — замечает он, — это создает такое представление: что же это за социализм? Этого не хватает, того не хватает. Очень большие испытания. Вот помогаем Польше. Одна она не устояла бы, конечно. Я считаю большим плюсом, что появился Ярузельский. Похож на честного, понимающего социализм, его законы. Он не торопится, и не нужно торопиться. Мы же торопимся. У нас уже объявлен настоящий полный, зрелый социализм. С моей точки зрения, тогда можно говорить о развитом социализме, если он растет, если можно учесть недостатки. Когда же замалчивают отрицательные стороны, получается большой вред. Торопливость порождает оппортунизм. А что сейчас у нас? И хлеба не хватает, и мяса не хватает, материалов для одежды. И то, что мы выдержали, неуклонно все усиливая социалистический строй, — это все же не дает права сказать: «У нас зрелый социализм». Слово «зрелый» я вообще считаю неподходящим для нас. Но мы идем по пути создания развитого, все более всесторонне развитого социализма. И находимся в самом начале этого пути. Надо еще десятки лет поработать, десятки лет. Причем в условиях, когда мы живем в капиталистическом окружении. Во всяком случае, наши позиции еще не окрепли, социалистические позиции. Но, когда мы торопливо игнорируем факты, связанные с недостатками, с остатками старого общества в нашей стране, это пользы не приносит, это создает иллюзии и разочарование. И многие разочарованы, на мой взгляд: «Как же так? Социализм десятки лет, а вот не все имеем». В таких условиях международных, да и внутренних, в которых мы живем, ждать такого быстрого решения коренных вопросов не реально. В прошлом мы не могли особенно об этом думать, потому что дай Бог укрепить основы социализма. Мы этого добились, не пошли по оппортунистическому пути. Но вот замалчиваем недостатки настолько, что приукрашено все. Приукрашивание нового строя в данных исторических условиях может принести существенный вред. А вот назовите мне книгу, где бы говорилось: «Вот это реальный социализм, а это — остатки капитализма». Такой книги я не видал.

Или возьмем товарно-денежные отношения. Они очень опасны, и их нельзя недооценивать. Наоборот, теперешние теоретики говорят: социализм не может быть без товарно-денежных отношений, это, мол, противоречит марксизму. У Сталина и Ленина на этот вопрос не обращено должного внимания, мне кажется. У Маркса говорится, что в условиях развитого социализма должна быть отмена товарно-денежных отношений, а на первом плане должно быть укрепление появившегося нового строя в экономическом, политическом, культурном плане. Сталин в этом отношении не отступал от марксизма-ленинизма. Налицо сейчас наше отставание от научных взглядов, я так понимаю. Эта точка зрения в нашей литературе не отражена. Кроме записок в ЦК, я об этом пишу.

На этом беседа с Молотовым закончилась. Он подписывает мне свою фотографию. Затем с согласия Вячеслава Михайловича я ставлю свой фотоаппарат на «автомат», и мы втроем фотографируемся.

Мы желаем хозяину дачи хорошего самочувствия.

Прощаясь, Чадаев говорит:

— Есть секретное лекарство.

— Ну? — удивляется Молотов.

— Да, да, — продолжает Чадаев, — воля к жизни.

В. М. МОЛОТОВ

Все мои семь встреч с В. М. Молотовым (в 1983—1985 гг.) были на государственной даче № 18 в подмосковном поселке Жуковка-2.

Первая из них состоялась 15 октября 1983 года. О ней договорился с Молотовым бывший управляющий делами правительства в годы войны доктор экономических наук Яков Ермолаевич Чадаев. Наш визит к нему несколько раз откладывался из-за недомогания то Молотова, то Чадаева, но наконец все препятствующие причины отпали, и вот мы подъезжаем к даче.

— Ну конечно, это имеет значение, — соглашается полупшута Молотов. — Я ведь никогда не собирался долго жить, не думал об этом.

— Но вы всегда волевой, — замечает Чадаев.

— Да, без этого нельзя, — отвечает Молотов.

Пожимая руку Молотову, я замечую, что она у него еще достаточно крепкая, напоминает руку молотобойца, кузнеца.

— А как же? — отвечает он. — Я всю жизнь занимаюсь спортом, делаю зарядку, люблю плавание, лыжи.

Невольно подумалось, сколько же деятелей всех рангов обменивались с ним вот такими рукопожатиями: Ленин, Троцкий, Рузвельт, Сталин, Черчилль, Трумэн, Иден, Гитлер, Эйзенхауэр, Горький, де Голль...

— Может быть, вам что-нибудь нужно, в чем-нибудь вам надо помочь? — спрашивает Чадаев.

— Нуждаетесь ли в каких-нибудь книгах? — добавляю я.

— Нет, нет, наиболее интересующие меня сейчас книги имеются, — говорит Молотов. — Но вот хорошо бы к зиме достать мне шерстяную кофту и шапку...

«Какой поворот судьбы, — подумал я, — бывшее второе лицо в государстве, и без кофты и шапки...»

Из других встреч и бесед с Молотовым остановилось еще на двух. 13 июня 1984 года мы с Я. Е. Чадаевым снова оказались у него в гостях. Незадолго до этого узнали, что Молотов, кажется, 28 мая был восстановлен в рядах КПСС.

С поздравления и начинаем наш разговор. Лично мне было любопытно, какой будет его реакция на наши слова. Я ожидал, что Молотов отнесется к ним довольно сухо и официально, поскольку, как казалось, вопрос для него был слишком выстраданным и наболевшим, тем более что решение об исключении из партии он упорно считал несправедливым, незаслуженным. Но отреагировал Вячеслав Михайлович на поздравительные слова Чадаева весьма неожиданно.

— Восстановили! Восстановили! — радостно воскликнул Молотов, сидя на стуле, и по-женски всплеснул руками. — Сам товарищ Черненко вручил мне в Кремле партбилет.

Потом лицо его сделалось серьезным, и он громко сказал:

— Это мое исключение сделал Хрущев, потому что я всегда был верен Сталину. Вы меня, кажется, спрашивали, — продолжал он, обращаясь ко мне, — о роли Сталина в Великой Отечественной войне. Так вот, хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу.

— Но действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни или часы войны? — спрашиваю Молотова.

— А как же вы думаете? Ведь Сталин был живой человек, и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка.

— Все мы ждем, Вячеслав Михайлович, когда же наконец появятся на свет ваши мемуары, — говорит Чадаев.

Ответ хозяина дачи огорчает:

— Я ничего не написал, у меня ничего нет... Вы хотите сказать, что многие видели меня в свое время работающим над чем-то в Ленинской библиотеке? Так это я просто занимался «политтрамтой», для себя. Трижды обращался в ЦК с просьбой допустить меня к кремлевским документам. Дважды получил отказ, на третье письмо ответа вообще не было. А без документов мемуары — это не мемуары.

И, наконец, о последней встрече с Молотовым. Она состоялась 13 мая 1985 года и продолжалась недолго, не более сорока минут. Почти за полгода до того (30 декабря 1984 г.) внезапно скончался Я. Е. Чадаев, и я приехал один. Молотов выглядел осунувшимся, один глаз был полузакрывает («Веко уже не держит», — пояснил он). Попросил меня прочитать текст о нем из только что опубликованной и врученной ему энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945 гг.» («Хочу узнать, как там меня пропесочили»). Сообщил, что ему установили высокую пенсию как бывшему Председателю Совнаркома СССР. Предложили еще выплатить разницу в пенсионных окладах (набегала кругленькая сумма). Но он попросил эти деньги перевести на счет одного из детских домов.

Я не стал, как прежде, расспрашивать его по многим «наболевшим вопросам» и задал ему только один: была ли в июне 1943 года его встреча с Риббентропом в г. Кировограде по поводу заключения сепаратного мира? Об этом давно имеют хождение разные версии, особенно за рубежом, где даже состоялось в связи с данной «встречей» несколько симпозиумов.

Лицо Молотова приняло сердитое выражение.

— Все это жулики, жулики, фальсификаторы! — резко произнес он. А затем более спокойно сказал:

— Посудите сами, ведь это не осень 1941 года. Позади победа под Москвой, разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, и вдруг я еду на встречу с Риббентропом, веду какие-то переговоры о мире, да еще в Кировограде, который в то время был на территории, оккупированной немцами? Чуть ли несусветная!

С какой-то призрачной надеждой, в «интересах истории» я предложил Молотову начать подготовку мемуаров, делая диктовки стенографистке.

— Поздно, слишком поздно, — последовал ответ.

ЦАРЬИЦЫ ТАКИМИ НЕ БЫВАЮТ

С народной артисткой РСФСР Людмилой
Целиковской беседует специальный корреспондент
«Совершенно секретно» Мария ДЕМЕНТЬЕВА

Когда я рассказала своему знакомому, что иду на встречу с самой настоящей Людмилой Целиковской, он ужасно удивился.

Действительно, для моего поколения актриса, когда-то бывшая кумиром наших дедушек и бабушек, стала чем-то вроде прекрасной театральной легенды. А увидеть ее сейчас можно только в Театре имени Вахтангова, куда мы ходим редко.

Целиковская. Женщина удивительного очарования, с яркой, поистине блистательной творческой судьбой, с замечательными спутниками жизни — Михаилом Жаровым, Каро Алабяном, Юрием Любимовым, подлинная «звезда» советского кинематографа. Глядя на Людмилу Целиковскую сейчас, невозможно поверить, что актриса покорила уже в тридцатых...

— Людмила Васильевна, замечательно выглядите!

— Я не «виновата», много сил отдаю семье.

— А что вы сейчас играете в Театре Вахтангова?

— Роли играю маленькие. И в «Мартовских идах», и в «Завете» — по два выхода.

— Отчего же? Это ваше личное желание?

— Да что вы. Играю, что дают. Вы же знаете, актерская профессия — зависимая. Оттого я всю жизнь завидовала писателям, художникам. Надо сказать, что я вообще не избалована — ни жизнью, ни актерской судьбой, как ни странно это может показаться. Я никогда не играла то, что хотела, и никогда рядом не было человека, который бы помогал мне в профессии, поддерживал «под локоток», занимался моей карьерой.

— А это так уж необходимо?

— Конечно. Не хочу называть имен, но сколько тому примеров. Если рядом с актрисой есть заинтересованный человек, то судьба складывается совсем по-другому. Недаром режиссеры всегда своих жен снимали: и Александров, и Пырьев, и Герасимов, и Ромм. Я же всегда была второстепенной, мне доставалось то, что похуже. К счастью, я не завистлива. У меня много других отрицательных качеств, мои дети могут это подтвердить: я и властная, могу быть неприятной, но завистью не болею.

— Но вашим мужем был Юрий Любимов. Разве он не мог вам помочь?

— Нет. А потом ведь он работал в другом театре — на Таганке.

— А что же вы не перешли к нему?

— Я не могла этого сделать. Я вахтанговка и исповедую только вахтанговскую школу. Это мой первый театр и последний — отсюда меня вынесут только вперед ногами.

— Неужели никогда не возникало соблазна перейти на Таганку?

— Никогда в жизни. Мне всегда казалось, что вахтанговский театр — это элита, академия в хорошем смысле этого слова. Здесь я существовала на сцене рядом с такими артистами, как Симонов, Мансурова, Толчачова, Плотников, Астангов, Абрикосов, — все это были мои партнеры, и работать с ними было настоящим счастьем. А Таганку я воспринимала как отпочковавшийся молодой талантливый побег. Словом, каждому — свое. На Таганке мне нравились многие спектакли, не все — какие-то я и критиковала, что было вполне естественно. До сих пор самым лучшим спектаклем Таганки считаю «Жизнь Федора Кузькина» — там был целый каскад метафор. В последние годы я в Театре на Таганке не бываю. В моем характере — отрезать раз и навсегда.

— В театральных кругах некоторые успехи Любимова склонны приписывать именно вашему влиянию на него.

— Я не могу приписать ни одного его успеха. Действительно, я помогала: писала сценарии — и по Чернышевскому, и по Абрамову вместе с Лусией Крутиковой и Федором Александровичем, и по Пушкину. Но — не больше. Любимов достаточно талантливый человек, режиссура — его призвание. Если кто-то и угадал свою профессию, то это Юрий Петрович. Он — режиссер до мозга костей. Любимов и артистом хорошим был, потому что — выдумщик.

— А как возник ваш союз?

— Мы с Юрием Петровичем вместе работали, до этого — учились. Он — на четвертом курсе, я — на первом. Любимов старше. Так что все произошло вполне естественно.

— Отчего вы разошлись?

— Все умирает, даже камни. И чувства умирают. Чтобы жить с гением, нужно быть душкой. Я же — совсем наоборот, упрямая, со своими взглядами. Мы стали друг друга немножко раздражать. Наверное, нужно было все время Юрия Петровича хвалить, а я хвалить не умею. В моей семье вообще принято довольно скептическое отношение друг к другу. Например, когда дети смотрят мои фильмы, они всегда подшучивают: Ну, мать, ты даешь! Опять «тлю-тлю-тлю, сю-сю-сю». Для нас подобные отношения вполне естественны, но — не для Любимова. Он однажды сказал: «Когда мы разойдемся, у тебя в доме будет праздник». Ну, в общем-то, так и получилось: праздник продолжается до сих пор. Тем не менее с Юрием Петровичем мы жили хорошо и расстались хорошо.

— Мне кажется, вам вообще повезло на незаурядных людях рядом. До Любимова вашим мужем был Алабян...

— Алабян, конечно, был человеком удивительным. Высокий интеллект, совершенно бескорыстный, очень порядочный. Смелый, за что и поплатился.

Алабян всю жизнь занимал очень большие посты, в течение тридцати лет был секретарем Союза архите-

торов. Когда у нас решено было начать строительство высотных домов, Алабян выразил несогласие — в присутствии Берия. До этого он год провел в Америке и прекрасно понимал, что строительство высотных домов в нашей стране в те годы — показуха, нет ни необходимой технологии, ни моральных прав. И обо всем этом Алабян сказал в своей речи.

Очень скоро ему приказали принять на работу двух архитекторов. Как он ни сопротивлялся, принять их все же пришлось. А буквально через две недели объявили, что они — шпионы: сценарий был отработанным. И тут же появился приказ, подписанный Сталиным: освободить Алабяна от всех занимаемых должностей.

Когда Каро пришел домой — а я сидела с нашим маленьким сыном, — он встал передо мной на колени и сказал: «Прости меня. Если бы я знал, что так случится, я бы никогда не пошел жениться на тебе».

Вскоре нас лишили дома — мы жили тогда в мастерской Алабяна на улице Горького. В один прекрасный день к нам пришла комиссия из Моссовета: «Как вы используете служебное помещение! Почему висят ползунки!» И велели нам выехать в десятидневный срок. Мы начали скитаться. Жили то на даче, то у друзей. Второе — на сто двадцать рублей, мою зарплату. Длилось это почти два года. И когда уже совсем стало невмоготу, мы написали в правительство письмо: «Сколько же можно так наказывать!» Отправили его Молотову, Булганину и кому-то еще. Я уже к тому времени была достаточно известной актрисой — уже вышли и «Сердца четырех», и «Антон Иванович сердится», и послевоенные фильмы. Так, благодаря письму, нам с Каро дали в 53-м году квартиру, а ему — работу.

Но самым ужасным во всей этой истории было то, что друзья, которые в нашем доме дневали и ночевали, стоило Алабяну попасть в опалу, начали писать о нем разоблачительные статьи. Что он космополит, приверженец Запада и т.д. Вот тогда я презрела окончательно.

— Вы сыграли в легендарном фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Как вы получили приглашение на эту роль, что запомнилось вам о работе с Эйзенштейном?

— В старом Доме кино был просмотр фильма «Сердца четырех». Был успех, Юдин ходил счастливым. Хвалили меня. А присутствовавший там Эйзенштейн сказал: «Ее не надо хвалить, ее надо снимать». И вскоре я получила от него приглашение — на роль царицы Анастасии в «Иване Грозном».

Человек он был забавный. Не пил, не курил. Обошелся сладкое, и поэтому женская часть нашей семейной группы все время ему что-то пекла. Особенно старался Бирман: он ей очень нравился.

Как режиссер, Сергей Михайлович меня многому научил. На съемки он приходил с рисунками кадров фильма и мог бесконечно долго укладывать складки платья, гнуть лебедям шею (помните знаменитый кадр венчания Анастасии, когда несут лебедей?) — пока не достигал нужного ему результата. Роли с актером он не разбирал. Со мной, например, он работал так. Он говорил: «Предположим, что-то случилось, происшествие, «Нарпенг», как это называется Питер Брук. И вот люди начинают обсуждать случай. Одни говорят: «Это так...» Другие: «Нет, так быть не могло». Третьи фотографируют случившееся. Нам с тобой, царица, это не надо. Зрителю нужен хороший пересказ. Ты должна знать все, чем занималась по протоколу женщина шестнадцатого века. Ты должна рассказать о глубинной любви к царю, о вечном беспокойстве за сына Дмитрия, о том, что тебя не оставляют страхи за жизнь близких тебе людей».

Как я сейчас понимаю, пересказ мне удался не очень. Я была страшно зажата, до того, что постоянно потели руки. Давили тяжесть одежды, шуба, наклеенный нос — он у меня от природы не «царский», приклеенные ресницы. Эйзенштейн добивался иконописности лица и все время говорил: «Шире глаза». Короче, я сыграла плохо. Но кино — не театр, тут уж не поправишь...

Эйзенштейн говорил о Мейерхольде: «Никогда я так никого не любил, не обожал и не боготворил, как моего учителя. Скажет ли кто-нибудь из моих ребят такое обо мне? Не скажет. И дело будет не в моих учениках и во мне. А во мне и в моем учителе. Всем, что я сделал, я обязан учителю».

Так вот, я, его ученица, попавшая к нему на заре своей юности, с гордостью и радостью могу сейчас сказать: я была ученицей Сергея Михайловича Эйзенштейна.

— Людмила Васильевна, вы были «звездой», и для тех лет было весьма характерно, чтобы известной актрисе покровительствовал кто-то из руководителей страны. Вас это коснулось?

— Меня правительство не поддерживало. Например, когда выходила какая-нибудь комедия Александрова, во всех газетах появлялись статьи. И всех действующих лиц расхваливали. Когда же выходили фильмы Юдина, их ругали. И я всегда чувствовала, что для руководства почему-то я актриса второго сорта. Мода, видно, была такая. Но меня очень любили простые люди, и это было большой поддержкой.

— А на правительственные банкеты вас приглашали?

— Один раз вместе с Жаровым пригласили к Сталину — на банкет в честь Дня Победы. И довольно часто приглашали в молотовский особняк: меня очень любила Полина Семеновна Жемчужина.

— Вы ее хорошо знали?

— Нет, я общалась с Молотовыми только на прие-

мах. Очевидно, я чем-то ее привлекала. Вообще-то нас, актеров, всегда на подобные мероприятия приглашали вместо декораций, мы были своего рода бутафорией. И поступали с нами соответственно. Когда за «Ивана Грозного» всем дали Сталинскую премию — за первую серию, то меня Сталин из списка премируемых вычеркнул. Сказал: «Царицы такими не бывают». Так что у меня за всю жизнь даже наград никаких не было. Правда, я никогда от этого не страдала: то ли честолюбива не была, то ли иные ценности волновали.

Первую награду я получила совсем недавно — Николай Николаевич Губенко дал мне орден Трудового Красного Знамени.

— А вам нравится, как артист опального театра играет роль министра?

— Он пришел в министерство не как артист опального театра, а как кинорежиссер. Пока я на него надеюсь. Он, по крайней мере, в курсе наших проблем. И не может прийти, как Фурцева, в театр и сказать: «Ах, какой у вас замечательный ренессанс!» (Она имела в виду резонанс.)

— Вы проработали в Театре имени Вахтангова пятьдесят лет. Если вспомнить атмосферу в нем, когда вы только пришли и теперь, — есть между ними разница?

— Мне не хотелось бы об этом говорить, но эту атмосферу я связываю с общей атмосферой в стране. Очень большая потеря интеллигентности, интеллектуальности, доброты и всех остальных прекрасных качеств, которых мы лишились благодаря этой страшной большинства системы.

— А при каком руководителе в театре было лучше всего?

— При Рубене Симонове. Он был истинным театральным Мопартом. Симонов был поистине поразительный человек. Какое наслаждение было работать с ним!

Я впервые увидела его (и, кстати, его сына Женю), когда мне было шестнадцать лет. Мама привела меня к нему — посоветоваться о степени моего дарования, и я, дрожащая, испуганная, читала ему отрывки. Потом Симонов спрашивает — умею ли я петь. Я села за рояль, играю, пою. И вдруг раздается жуткий грохот. Поднимаю глаза и через стекло двери кабинета вижу страшную китайскую физиономию. Тогда я сказала фразу, которая впоследствии меня долго подраивала: «Какется, нас подслушивают». Рубен Николаевич выбежал и вернулся вместе со своим сыном Женей, которому было всего двенадцать лет. Именно тогда Рубен Николаевич велел мне обязательно попробовать в вахтанговское училище. Так что он был моим своеобразным «крестным отцом».

— Но ведь именно при Рубене Симонове Театр Вахтангова получил прозвище «софроновский туник»: такого количества пьес этого драматурга не ставил ни один театр. Как же это произошло?

— Рубена заставляли ставить эти пьесы. Ведь без современной пьесы не прибавляли зарплату, не пускали за рубеж, наконец, не разрешили ставить «Ромео и Джульетту». Да еще недавно была такая ситуация...

Как говорится: «Искусство место не огороженное — всяк в него лезет». Искусством руководили люди, которые не только ничего не понимали в нем, — главное, не любили. Нами управляли ткачиха, химики, экономисты...

Что же касается именно пьес Софронова... Знаете, как Рубен над ними хохотал! Это надо было только видеть. Потом уже Евгений Симонов стал называть такие пьесы «идеологический барьер». А Рубен об этом и не думал. Погибая от смеха, он ставил комедии из жизни дебилов советского села.

— А вам не кажется, что изгнание Евгения Рубеновича Симонова было не самым нравственным поступком коллектива Театра Вахтангова?

— Кажется. Евгений Рубенович — хранитель вахтанговских традиций. Это удивительно интеллигентный человек, всесторонне образованный, прекрасно знающий литературу, поэзию, музыку. С ним из театра ушло то поэтическое состояние, которое он привнес. И... такая сумасшедшинка, что ли. Наконец, традиционное вахтанговское капустничество. Конечно, у него, как и у всех режиссеров, бывали и неудачи, но были и великодушные спектакли — «Филумена Мортурано», «Иркутская история» и последний — «Три возраста Казановы».

— Я слышала, что для его изгнания был составлен и тщательно организован целый заговор вместе с Ульяновым...

— Да, а я организовывала других, тех, кто был против его ухода. И я, как тогда полагалось, ходила и в Совет Министров, и в ЦК — но им было наплевать. Они не вмешались.

— А сейчас Ульянов не сводит с вами счеты? Он, говорят, человек мстительный...

— Неправда, Ульянов очень хороший человек. Глубоко порядочный. Он джентльмен, поверьте мне. Уж что я тогда, заступаясь за Женю, говорила Ульянову в лицо — в присутствии всяких членов ЦК: «Как же вы, Михаил Александрович, можете так себя вести! Два года назад говорили, что счастливы работать с Евгением Рубеновичем, а теперь валите на него черт знает что!» И — Лановому: «А что вы, Василий Семенович, писали в прошлом году в своей книжке? Что вам выпало счастье работать вместе с Евгением Симоновым. Откуда же такое двуличье!»

— Как вы думаете, откуда?

— Я не могу их упрекать. Может, ими двигала забота о судьбе театра... О его благе.

ЭКСПРЕСС-ДЕТЕКТИВ

ЗЕЛЕНЫЙ КОРОЛЬ

Поль-Лу СУЛИЦЕР

Роман Поля-Лу Сулицера «Зеленый Король», изданный во Франции в 1983 году, сразу вошел в список бестселлеров. Это история человека, в юном возрасте потерявшего все: отчий дом, родных, друзей, пережившего ужасы концлагеря, но в конце концов преодолевшего все превратности судьбы. Гениальный ум, бесстрашие и целеустремленность позволили Ребу Климроду (так зовут героя романа) начать новую жизнь без гроша в кармане и стать самым богатым человеком в мире. Однако судьба Климрода — миллиардера — не во всем лучезарна. Трагическая история его любви и крушения грандиозного замысла о создании справедливого и свободного от национальных предрассудков государства — повод для серьезных размышлений о ценностях жизни, о честолюбивых устремлениях и выборе пути.

Роман написан в жанре «финансового вестерна», изобретенном автором «Зеленого Короля». Перу П.-Л. Сулицера принадлежит более десятка романов, изданных в 40 странах. Эти книги, безусловно, полезное чтение для людей с предпринимательской жилкой. Роман П.-Л. Сулицера «Зеленый Король» в скором времени выходит в свет на русском языке. Он издается «Литературной газетой» и СП «Прогресс-Ашет» в серии «ЛГ-бестселлер».

Молодая пара вошла ровно в десять часов утра. Банк был расположен — он находится там и сейчас — на Банхофштрассе, главной артерии города, соединяющей вокзал с Бруклин-плац, что на берегу Цюрихского озера.

Это было роскошное, но строгое учреждение, где разговаривали только вполголоса, стены его украшали дорогие картины, повсюду — белый мрамор, ящики с красной геранью и выставленные наподобие церковных ковчежцев кофры с целым набором золотых монет всевозможной чеканки и разноцветными иностранными банкнотами, часть которых была особенно экзотична. Стук упавшей зажалки вполне мог прозвучать здесь, как гром среди ясного неба или как сигнал всеобщей тревоги.

Вошедшие были необыкновенно красивы.

Но как-то не сошлись друг с другом.

На ней был белый костюм от Кристиана Диора, на шее — сказочное кольцо из изумрудов и бриллиантов; это была самая красивая из женщин, когда-либо касавшихся туфелькой от Шарля Журдана пола швейцарского банка. И в самом деле, от одного взгляда на нее у Тадеуша Тепфлера, тогда двадцатипятилетнего помощника директора, дух перехватывало.

Труднее, пожалуй, объяснить, почему спутник молодой женщины также произвел большое впечатление на Тепфлера: в движениях этого очень высокого и худого человека ощущалась какая-то скрытая сила, а глаза были удивительно светлые и задумчивые. Но главное, облик его никак не вязался с обликом этой фантастически красивой женщины: на нем была простая потертая рубашка линялого голубого цвета с клапанами на плечах и нагрудных карманах; брюки того же оттенка и из такой же ткани; черные кожаные мокасины, тщательно вычищенные, но далеко не новые. А через плечо переброшен ремешок холщовой сумки цвета хаки.

Тепфлер помнит, что первой к окошечку подошла молодая женщина. Облокотившись на стойку, она одарила служащего изумительной улыбкой:

— Вы говорите на шаматари?

— Нет, мадам, — ответил тот. — Очень сожалее.

Он и слова-то такого никогда не слышал.

— Даже самых простых выражений не знаете?

— Очень, очень сожалее, но действительно не знаю, мадам, — сказал служащий.

Новая улыбка, еще лучезарнее первой, если такое возможно.

— Ничего страшного, — продолжала молодая особа. — Я просто хотела узнать, и только.

Мужчина тоже подошел и, вопросительно приподняв бровь, молча встал рядом.

— Ни слова не знает, — сказала ему женщина. — Поразительно, но это так.

Ее спутник тоже облокотился на стойку кассы, положив с боку сумку и спросил служащего:

— Но, может быть, вы говорите по-английски?

Разговор и шел на английском.

— Да, сэр, — ответил служащий, начинавший потихоньку нервничать.

— А по-немецки?

— Я говорю и на немецком, — сказал служащий, которого звали Вольфганг Рудольф Мюллер.

— А по-французски?

— Да, сэр. По-французски тоже.

— Может быть, и по-итальянски?

— Немного и по-итальянски.

— Но на испанском, идише, иврите, португальском, арабском и польском не говорите?

— По его лицу не скажешь, что он гврорит по-польски, — сказала женщина. — Это очевидно.

Третья улыбка по адресу служащего:

— Не думайте, пожалуйста, что вас хотят обидеть.

По правде говоря, у вас очень привлекательное лицо.

Просто непохоже, что вы знаете польский.

— Да, господа, — сказал служащий. — Ни одного из этих языков я не знаю. Поверьте, я очень огорчен.

Тадеуш Тепфлер перехватил тревожный взгляд своего подчиненного и решил, что настало время вмешаться. Он сделал несколько шагов по направлению к кассе и, подойдя, услышал, как мужчина доброжелательно объяснял служащему:

— Несмотря на первоначальные затруднения, я, тем не менее, надеюсь, что мы сможем разобраться в этом деле вместе.

— Может быть, я могу помочь вам, господа? — спросил прибывший на помощь Тепфлер. — Господин...

— Слим Сапата, — совершенно незаметно и даже галантно назвал себя посетитель. Но сразу же после этого указательным пальцем более десяти сантиметров длиной подождал Тепфлера и прошептал ему на ухо: — Но это псевдоним. Я здесь инкогнито. И был бы вам очень признателен, если бы вы помогли мне сохранить его.

«Он сумасшедший, — подумал Тепфлер. — Или кубинец». В последние месяцы в Швейцарии появилось много кубинцев с вывезенным капиталом, на который после свержения Батисты и прихода к власти Фиделя Кастро новые хозяева Гаваны посматривали с вожделением.

— Я хотел бы просто получить чек, — сказал мужчина, — и снять вклад.

— Нет ничего проще, — ответил Тепфлер с безоблачным спокойствием, которого ему так не хватало в его бессонные ночи. — Как только мы убедимся, что вы оказали нам честь, открыв у нас свой счет...

— Именно так, — сказал посетитель. — Но у меня нет с собой чековой книжки. Могу я воспользоваться чеком вашей кассы?

Тепфлер объяснил, какие мелкие формальности необходимы для этого. После чего сам он и весь персонал банка, как и вся Швейцарская Конфедерация в целом, будут полностью к услугам господина Сапаты. Особенно если счет нумерованный.

— У вас такой счет?

— Да, — ответил мужчина.

Они перешли в соседний, более изолированный кабинет. Приступили к выполнению формальностей. «Слим Сапата» грациозно проткнул пальцы для снятия отпечатков, назвал секретный код сейфа, указал номер не менее секретного счета, свои инициалы РМК и даже согласился показать свой паспорт...

РЕБ МИХАЭЛЬ КЛИМРОД

Имя было совершенно незнакомо Тадеушу Тепфлеру. Быстро доложив обо всем начальнику, он пошел в кассу за чеком.

— Все в порядке, — кажется, так сказал он, вернувшись. — Вы должны лишь указать сумму, которую снимаете.

— Мне нечем писать, — мягко сказал Сапата-Климрод.

Только в этот момент Тепфлер обратил внимание на странное поведение молодой женщины и просто растерялся: она расположилась на низком мягком диване с совершенно явным намерением немного поспать. Дама успела снять туфли и чулки, а теперь расстегивала костюм от Диора.

На ней уже ничего не осталось, кроме бюстгалтера и маленьких кружевных трусиков.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил Сапата-Климрод.

Тепфлер поперхнулся и устался в стол...

— Никаких, — ответил он. — Абсолютно никаких.

...А на столе лежал один только чек. Он смотрел на него сверху, с другой стороны, но, разумеется, мог прочесть цифры. Большая загорелая рука начертила сначала крошечную «и», затем первый нолик, размером не больше единицы...

— Когда я мелко пишу, — серьезно объяснял Сапата-Климрод, — мне кажется, что я меньше трачу.

Второй нолик, затем третий...

— Нельзя ли принести одеяло, — сказала женщина. — Мне немного холодно.

Тепфлер машинально поднял глаза и тут же обругал себя за это. Теперь она была абсолютно голой, улеглась на диван, положив голову на ладони, а пятку правой ноги — на пальцы левой.

— Этот господин пойдет относить наш чек и благоволил принести тебе одеяло, дорогая, — сказал Сапата-Климрод. — Не так ли, любезный?

— Непременно, — ответил Тепфлер. — Как вам будет угодно.

Он начал терять почву под ногами. И обратился к чеку: ...пятый нолик, шестой, седьмой...

«Mein Gott! — подумал Тепфлер. — Это и вправду сумасшедшие!»

...восьмой нолик, затем цифра три, далее запятая и в конце — цифра 45.

— Вот, пожалуйста, — сказал Сапата-Климрод, перевернув чек на девятносто градусов.

Его серые глаза пристально смотрели на Тепфлера, ровно ничего не выражая.

Тепфлер поперхнулся.

— Извините меня, — заговорил он, — вы забыли написать сумму прописью. А также не поставили запятую.

Сапата-Климрод, очень удивившись, снова взял в руки чек.

— Ну нет же, — сказал он, — запятая на месте. Три — запятая — сорок пять. Все точно. Вот она. Дорогая! Подойди на секунду, пожалуйста.

— Очень красивая запятая, — прозвучал голос молодой женщины. — Право, я не понимаю, чем она может не устраивать. Эти банкиры невероятно придирчивы. Все они одинаковы: берут ваши деньги с удовольствием, а вот отдавать...

Тепфлер, немного наклонившись вперед, чтобы полюбоваться ее коленями, заметил чуть сдавленным голосом:

— Извините, господин, но, если вы оставите эту запятую там, где она есть, сумма составит один миллиард швейцарских франков.

Речь идет не о швейцарских франках, а о долларах, — ответил Сапата-Климрод. — И точная сумма — один миллиард три доллара сорок пять центов. Я ручуюсь, что три доллара сорок пять центов действительно лежат на моем счету. Что же касается остального, то здесь я не совсем уверен. Вам придется проверить. И, пожалуйста, не забудьте одеяло на обратном пути.

И тогда с Тадеушем Тепфлером что-то стряслось.

Он был швейцарцем, сыном, внуком, правнуком и праправнуком банкиров. Семья Тепфлеров была связана с банковским делом около трехсот лет. «Когда мой дедушка заговаривал о Банке, мы все умоляли на минуту».

Выйдя из кабинета, где он оставил пару, Тадеуш Тепфлер вдруг захохотал, как безумный. Конечно, смех этот был нервный, но он не мог его сдержать.

В тот же день Тепфлер совершил еще один дикий поступок — без стука вошел в кабинет человека, которого ненавидел больше всего на свете: к Отмару Брокману, начальнику отдела кредитов.

— Там внизу, — сказал он, — человек в плетенках выставлял нам счет в миллиард долларов.

После чего в припадке безудержного смеха чуть не свалился на пол. Очередной приступ веселости наступил у него из-за одной детали: «Какого черта я сказал «в плетенках»?»

— Вы пьяны, Тепфлер, — сказал Брокман.

Тепфлер сумел наконец положить чек на крышку стола. Он хотел сказать что-то вроде «взгляните сами», но безумный смех мешал ему артикулировать.

Брокман бросил взгляд на чек и пожал плечами.

— Это сумасшедший. Оповестите потихоньку полицию.

И вдруг будто щелчок сработал. Он снова взял в руки чек, внимательно изучил его. Встал. Подошел к маленькому стенному сейфу, достал оттуда записную книжку и полистал ее.

Затем вернулся к столу и снял телефонную трубку.

В тот день в десять двадцать пять утра Алоиз Кнапп находился в большом зале отеля Доллер — дом 65 по Курхаштрассе в Цюрихе. Он был вице-президентом Ассоциации швейцарских банкиров, президентом которой по традиции являлся частный банкир из Базеля, и в этом качестве принимал участие в ежемесячном собрании ее членов. Когда его позвали к телефону, он в первую минуту рассердился. Но не показав виду, и в человеческом, и в профессиональном смысле Кнапп был холоден, как сама смерть. В 1960 году ему было ровно пятьдесят.

— Что вас дернуло звонить, Брокман?

Выслушав его, он спросил:

— Проверка проведена полностью?

А затем сказал:

— Еду.

Около одиннадцати он был на месте. Брокман и молодой Тепфлер, скромно стоявший поодаль, ждали его.

— Где он?

Кнаппа провели в кабинет на первом этаже.

— Может быть, следует постучать, прежде чем войти, — ненавязчиво подсказал Тепфлер, который либо утратил желание смеяться, либо сумел достаточно овладеть собой, чтобы не дать волю смеху в присутствии Алоиза Кнаппа, спустившегося со своего Олимпа.

Кнапп постучал, его пригласили войти; переступив порог, он прикрыл за собой дверь. Пробыв внутри десять-пятнадцать минут, Кнапп вышел, лицо его чуть поблело, а на правой щеке красовалось очень характерный отпечаток красной помады в форме губ. Кнапп посмотрел на Тепфлера:

— Он хочет общаться с нами только через вас. Вы и есть Тепфлер, не так ли? Идите же к нему. Выходите. В полном недоумении Тепфлер вошел в кабинет. Он успел услышать вопрос Брокмана и ответ Кнаппа.

Брокман спросил:

— Миллиард долларов! Это безумие. Что будем делать?

— Платить, — ответил Кнапп.

В кабинете Тепфлер увидел, что молодая женщина стоит на диване, закутавшись в одеяло, которое он ей принес. Мужчина был раздел по пояс, а лицо разрисовано губной помадой, как у индейца сну, отправляющегося на тропу войны. Мужчина мило улыбнулся:

— Как вас зовут?

— Тадеуш Тепфлер.

— Я обожаю Тадеуша, — сказала женщина. — Он просто душка.

— Можно вас называть просто Тадеуш? — спросил мужчину. — А меня, пожалуйста, зовите Реб. Кстати, Тадеуш, я хотел бы получить этот миллиард в купюрах по сто долларов, не больше. Более крупных купюр не надо, прошу вас. Вам только придется сложить их в кучу где-нибудь.

— Что же касается трех долларов и сорока пяти центов, — сказала женщина, — мы предоставляем выбор вам: либо три доллара сорок пять центов одной бумажкой, либо мелкой монетой. Нет, подождите, лучше пусть будут монеты: немецкие туалеты, где приходится платить за вход, если ты дама, и не нужно, если ты мужчина, — ведь вы понимаете, о чем я говорю, — абсолютно невыносимы.

Только в этот момент впервые (и это ощущение будет усиливаться в последующие часы) у Тепфлера закралось подозрение, что здесь что-то не так. Конечно, то, что кто-то мог представить такой чек, само по себе было уникальным фактом. Согласен. Но по реакции Кнаппа ясно: этот сероглазый мужчина действительно мог войти в швейцарский банк — неважно, крупный он или нет — и потребовать астрономическую сумму в миллиард американских долларов. Да, это подтверждало, что клиент владел совершенно невероятным состоянием. Но в мире насчитывалось еще несколько человек не менее богатых — конечно, их всего лишь горстка, но они есть. А тут что-то другое.

Во-первых, человек этот неизвестен. Тепфлер чуть ли не читать учился по финансовой прессе под наблюдением своего грозного деда. Он по именам и в лицо знал Говарда Хьюза, Ханта, Гетти, Гульбекяна, Онасисов и каких-то там Ниархосов, последние двое были мультимиллиардерами второго ряда. Он знал даже о существовании Даниеля Людвига, неизвестного или почти неизвестного никому в мире. Но Климрод? Кто, черт возьми, когда-нибудь слышал об этом Климроде?

— Чем могу быть полезен? — спросил Тепфлер.

— Я хочу мартини со льдом, того и другого побольше, — сказала женщина. — Еще шампанского и икры. Насчет икры позвоните от моего имени шаху Ирана, у него есть несколько баночек хорошего качества. Скажите, что звоните от Чармен, он в лепешку расшибется.

— Какая-нибудь особая марка шампанского? — осведомился Тепфлер.

— «Дон Периньон-1945», розовое, пожалуйста. Три-четыре обычных бутылки для начала. Больших емкостей не надо. Вино выдыхается. Реб!

— Да, дорогая.

— Ты должен подарить десять-пятнадцать миллионов этому молодому человеку. Он действительно милый.

— Я подумаю об этом, — ласково ответил мужчина. — Как только они оплатят мой чек. Боюсь, что для этого понадобится некоторое время. Тадеуш!

— Слушаю, сэр.

— Я бы не отказался от гамбургера, если это вас не очень затруднит. Во Франкфурте их готовят превосходно, кормят ими американских солдат, расквартированных в Германии. Не могли бы вы позаботиться об этом, Тадеуш?

— Конечно, конечно, сэр, — ответил Тепфлер. — С радостью.

Он попробовал выдержать испепеляющий взгляд серых глаз, но в конце концов вынужден был отвернуться. «Этот человек не сумасшедший, вовсе нет, — такой был первый вывод, к которому он пришел, дальнейшее лишь укрепило его в этом убеждении. — Может быть, он просто развлекается. Зато она...»

Да, какой бы необыкновенной красавицей она ни была, сомнений не оставалось: женщина была ненормальной, просто сумасшедшей. В ее безудержной веселости молодой Тепфлер разглядел болезненное и безнадежное возбуждение.

В кабинете Алоиза Кнаппа, куда в этот день он вошел впервые, Тадеуш Тепфлер застал группу людей: обстановка сильно напоминала ему военный совет. Штаб собрался в полном составе, и, более того, через час на помощь явился старый почтенный Жакоб Фюсли; ему исполнилось уже семьдесят восемь лет, но только три года назад он решился уйти на пенсию и передать свой пост Алоизу Кнаппу.

— Что нового, Тепфлер? Но не называйте его фамилии.

— Они хотят шампанского, но не какого-нибудь, а особую, икры — тоже особой, а также гамбургеров — но только...

— Не паясничайте, прошу вас, — прервал его Кнапп. — Садитесь, Тепфлер. И слушайте. Наш клиент желает общаться только с вами. Следовательно, с этой минуты вы освобождаетесь от всех других обязательств и обязанностей. Вы будете поддерживать постоянный контакт, во-первых, с вашим клиентом, во-вторых, со мною и господином Фюсли. Ваша задача проста: выполнять все просьбы клиента до тех пор, пока сумма расходов не превысит ста тысяч франков. По поводу любых затрат, превышающих этот предел, вы должны обращаться к господину Фюсли или ко мне. Вы женаты?

Тепфлер ходил пока в женихах. Кнапп снисходительно кивнул: хотя бы эта новость оказалась хорошей. И заговорил снова:

— Понадобится некоторое время, чтобы собрать сумму...

— Он хочет, чтобы все деньги были в сотенных купюрах, не крупнее, — вставил Тепфлер, осмелившийся прервать Великого Маниту.

Кнапп закрыл глаза. Затем открыл их:

— В таком случае нам понадобятся еще два дня. А в общей сложности три. В течение этих трех дней, Тепфлер, вы — на круглосуточном дежурстве. Если наш клиент, или ваш, пожелает, как уже бывало, не покидать нашего банка до тех пор, пока не получит по чеку деньги, вы останетесь здесь вместе с ним. То есть с ними. Прощупайте почву, Тепфлер, попытайтесь узнать их намерения. Если они захотят ночевать у нас, мы переоборудуем зал Вильгельма Телля под квартиру, а вам поставим раскладушку.

Тепфлер посмотрел на Кнаппа с безграничным удивлением. Он вдруг подумал, что Кнапп тоже сошел с ума, а с ним Достопочтенный Фюсли и все члены штаба — все, кроме него самого.

— Ночевать здесь? В банке?

Холодный взгляд пронзил его насквозь. Кнапп обернулся к «публике»:

— Мы с господином Фюсли хотели бы остаться втроем с Тепфлером.

«Публика» удалась. Тепфлер остался один с двумя Великими Маниту.

— Тепфлер... — заговорили в унисон Достопочтенный Фюсли и Алоиз Кнапп.

— Прошу вас, господин Фюсли... — вежливо обратился Кнапп к бывшему патрону...

— Нет, нет, никак нет, Алоиз, — забормотал Достопочтенный. — Вы теперь всем руководите. А через несколько секунд добавил: — И слава тебе, Господи.

— Тепфлер, — сказал Кнапп, — вы прекрасно понимаете, что мы столкнулись с ситуацией, беспрецедентной в истории швейцарских банков.

— И очень похоже, банков всего мира, — заметил Достопочтенный.

— Мы примем вызов и преодолеем все трудности, — продолжал Кнапп, — проявим выдержку, деловую смекалку, оперативность и умение хранить тайну — тайну, Тепфлер! — то есть те качества, что принесли нам славу, богатство и возможность гордиться нашим учреждением.

Тепфлер почтительно поднял указательный палец:

— Можно задать вопрос, сэр?

— Да, мой мальчик.

— У нашего клиента действительно миллиард долларов на счету?

«Не следовало задавать этот вопрос», — подумал он в следующую секунду. Оба Маниту испепелили его взглядом.

— Не заставляйте нас думать, что вы не совсем в здравом уме, Тепфлер. У нас могут возникнуть опасения относительно последствий выбора, который сделал наш клиент, потребовав, чтобы все контакты с ним осуществлялись через вас. Никто в целом мире не держит миллиард долларов на банковском счету, Тепфлер. Просто наш клиент располагает правом кредита на сумму, превышающую этот предел, и особые отношения, которые мы с ним поддерживаем, ставят нас перед необходимостью удовлетворить его просьбу.

Кнапп глубоко вздохнул и добавил:

— Тепфлер, в пятницу в пятнадцать часов мы закрываем банк для посетителей, официальный предлог — небольшая внутренняя реконструкция. До тех пор банк должен работать, как обычно, по крайней мере, будем

на это надеяться. За исключением того, что семьдесят мужчин и женщин будут работать день и ночь, собирая необходимые нам купюры. У нас нет миллиарда по сто долларов, Тейфлер, здесь их упоминать мало, и придется обращаться во все банки нашей страны и всей Европы и, очень похоже, в американский эмигрантский банк. Надо, чтобы сработал гигантский механизм — самолеты и спешившиеся — в масштабах всего мира. И если мы достигнем цели за три дня, то это чудо можно будет объяснить лишь вмешательством божественной десницы. И вы будете замыкающим в этой цепи, Тейфлер. Вас зовут Тадеуш?

— Да, сэр.

— Тадеуш, остается последний пункт, на который я и господин Фюссли хотели бы обратить ваше внимание: несколько минут назад в этом кабинете помню господина Фюссли, вас и меня находились еще пять человек, представляющих руководство нашего банка. Они не знают имени нашего клиента. Следовательно, вместе с Брокманом его знаем только мы четверо. А теперь вот что, Тейфлер: если бы ты ни было в этом банке, а тем более за его пределами, по вашей вине, даже если вы просто разговариваете во сне, окажется в курсе свалившейся на нас катастрофы, а тем более узнает имя человека, которому мы его обязаны, то, клянусь Богом, я сделаю так, что вы не найдете потом и самой скромной работы, даже места дорожного рабочего. Я лично позабочусь об этом, Тадеуш, и пусть на это уйдет весь остаток моей жизни! Я ясно выразился, Тадеуш?

— Да, сэр. Предельно ясно.

— А теперь ступайте, мой мальчик. И старайтесь изво всех сил.

Они действительно расположились в зале Вильгельма Телля. Туда привезли спальный гарнитур на две комнаты — его предоставил на время Долдер Гранд-отель. Пришлось пробить одну стену — для того чтобы вход во вновь оборудованную квартиру не привлекал особого внимания и попасть в нее можно было бы из соседнего дома либо через задние помещения банка.

И тут началось: в течение нескольких часов каждый изолировался как мог. Понадобилась, конечно, ванная комната. Затем кухня — во-первых, чтобы разогревать блюда, заказанные на стороне, во-вторых, чтобы было где работать специалисту по гамбургерам, которого в тот же день привезли на самолете из Франкфурта вместе с его инструментарием и запасом продуктов.

Далее — телефонная связь, в общей сложности пять линий.

— Мне надо сделать несколько звонков, — объяснил мужчина Тейфлеру. — Но ни в коем случае я не хотел бы перегружать банковские каналы связи. Я бы себе этого не простил. Но, пока я решаю, что делать, хотел спросить, если это, конечно, не слишком обременительно, нельзя ли нам оборудовать небольшой зал для просмотра фильмов? Мадам Сапата обожает кино, особенно Хемфри Богарта. Не могли бы вы взять это на себя, Тадеуш? Было бы очень любезно с вашей стороны.

И действительно, мужчина звонил беспрерывно.

Тейфлер улавливал обрывки разговоров на самых разных языках.

Что касается женщины, то первоначальное интуитивное ощущение Тейфлера с каждым часом обретало характер все большей уверенности: «Ее надо вязать, она совсем безумная». Но у Тейфлера не было никакого желания шутить по этому поводу. Наоборот, его мучила какая-то непонятная тоска. Да и могло ли быть иначе, если видишь, какую любовь и нежность ОН питает к НЕЙ. И какое у него ангельское терпение...

Первый день был довольно беспокойным из-за беготни, которую старались скрыть от посетителей банка и служащих, не знающих, что происходит.

Но вечером, после закрытия, все успокоилось. Зал Вильгельма Телля находился на первом этаже и обычно использовался для приемов. На всякий случай его изолировали от остальных помещений, а на ночь поставили двух дополнительных стражей (но они ни разу не видели пару и даже не подозревали о ее присутствии). Инструкции, полученные Тейфлером от Кнаппа, не вызвали никаких вопросов:

— Тадеуш, вы останетесь с ними. Я прошу вас об этом в порядке личного одолжения. Потом вы получите какой хотите отпуск, и мы вместе обсудим, чем вы у нас займетесь в будущем. Но не оставляйте их ни на минуту, Тадеуш, и постарайтесь быть как можно любезнее. Если нужно, подавайте им обед, выполняйте все их прихоти. Тадеуш! Во всем доверяйтесь нашему клиенту, у него есть особые причины вести себя так...

Тейфлер считает, что с первой минуты Кнаппу было известно о душевной болезни женщины и о том, что вся эта немаленькая трехдневная комедия была задумана только для того, чтобы «позволить» человеку, называвшемуся Климродом, — ведь тогда я думал, что это всего лишь псевдоним, и даже предполагал, что речь идет о Даниеле Людвиго, которого я никогда не видел, хотя наш посетитель показался мне слишком молодым, чтобы быть Людвигом, — позволить ему, как бы это сказать, разыграть спектакль перед женщиной, в которую он был безнадежно влюблен. А может быть, он пытался хоть на несколько часов проникнуть в ее мир, мир безумной...

Так называемый Климрод всегда знал, на что идет...

Второй день был спокойнее, по крайней мере отчасти. Пара расположилась на постой, окончательно

устроилась, хотя и весьма экстравагантным образом. Весь первый этаж банка был закрыт для посторонних, за исключением Кнаппа и Тейфлера. Накануне, в соответствии с высказанным молодой женщиной пожеланием, Тадеуш позвонил в Тегеран. К его великому удивлению, после того как он произнес имя Чармен Пейдж, с ним заговорили на самом любезном. Но он совсем уж ошеломлен, когда к телефону подошел сам шах и деликатно стал распрашивать о Чармен.

— Кажется, она очень хорошо себя чувствует... да, Ваше Величество, — ответил ошарашенный Тейфлер. — Она просто захотела немножко икры и поручила мне...

Тогда Его Императорское Величество сказал по телефону, что Они прекрасно понимают ситуацию и отдадут необходимые распоряжения, а также были бы признательны Тейфлеру, если бы он заверил мисс Пейдж в Их самых дружеских чувствах.

И действительно, икра была получена, прислана специальным самолетом: два величественных и очень молчаливых иранца, явно дипломаты или тайные агенты, доставили ее прямо в банк через служебную дверь. «Это была не жизнь, а какой-то безумный сон», — говорит Тейфлер двадцать два года спустя.

Кризис наступил в конце второго дня. Как было предусмотрено, для Тейфлера поставили раскладушку в маленьком кабинете, расположенном через две комнаты от зала Вильгельма Телля. Он услышал крик около девяти часов, а перед этим — грохот разбитого стекла и глухие удары.

Он помешался немного, но затем бросился в зал. Постучал. Ему разрешили войти. Тейфлер увидел, что мужчина старается удержать молодую женщину, отвел ее руки за спину, а она, блуждая глазами, брызгая слюной и тяжело дыша, яростно вырывается.

— Помогите мне, прошу вас, — сказал он. — Отнесем ее на кровать.

И тогда Тейфлер спросил, не надо ли позвать врача, на что ему ответили:

— Нет. Такие нервные припадки иногда случаются с моей женой. Я знаю, что нужно делать.

Муж был сверхъестественно спокоен. Тейфлер помог ему положить женщину на кровать, ей сделали укол. Скоро он подлействовал.

— Теперь она поспит.

В бледно-серых глазах вдруг появилась такая бесконечная, такая немаленькая печаль, что Тадеушу Тейфлеру показалось, будто мужчина сейчас заплачет. Он отвернулся...

— Тадеуш!

— Да, сэр.

— Спасибо.

Тейфлер кивнул головой. Он не знал, что говорить и что делать.

— Расскажите мне о себе, — очень тихо попросил Хозяин. — Есть у вас братья, сестры? Вы женаты?

Они разговорились, вернее, в глубокой тишине опустевшего банка с полчасика говорил Тейфлер, он рассказывал о разном, в частности о грозном деде Антоне Густаве. Казалось, собеседник почти не слушает его, сидит с задумчивым видом, уставившись широко раскрытыми глазами в пустоту, но его вопросы свидетельствовали о том, что он слушает с огромным вниманием, которого, по мнению Тейфлера, вовсе не заслуживал его рассказ.

Наконец Тейфлер ушел и улегся на свою раскладушку. Заснуть не удалось, нестерпимо мучила печаль. Через анфиладу дверей, которые он оставил открытыми на случай, если что-то понадобится, Тадеуш видел, что свет в зале Вильгельма Телля все еще горит. В конце концов, промучившись два часа, Тейфлер встал и пошел узнать, не нужно ли чего-нибудь.

— Ничего, спасибо, — ответил мужчина тихо и любезно.

В этот момент он сидел у кровати, на которой спала молодая женщина, и читал по-немецки Гомера в переводе Иоганна Болмера — это была книга из личной библиотеки Алоиза Кнаппа.

— Он провел так всю ночь, я уверен. И утром все еще сидел на том же месте...

Но, увидев их чуть позже вместе, Тейфлер заметил, что молодая женщина, Чармен Пейдж — так, видимо, звали ее, — выглядела почти нормальной; сначала она казалась несколько заторможенной, что вовсе не мешало ей быть по-прежнему красивой, даже наоборот, затем, по прошествии нескольких часов, к ней вернулась ее веселость, порой переходящая в грубоватый юмор. Да, она казалась нормальной, если не считать беспокойного и лихорадочного блеска в фиолетовых глазах.

И вот наступил третий день, тот день, когда был собран миллиард.

В течение двух предыдущих суток бронированные грузовики все время подъезжали к банку, одни — непосредственно из Цюриха, то есть из других банков, которые, насколько было это возможно, опустошили все свои запасы американских долларов, но главное, машины шли из аэропорта Клотен. Движение стало особенно интенсивным на третий день, но оно не слишком привлекало внимание посторонних глаз, поскольку банк закрылся раньше обычного.

Деньги начали скапливаться. Никто в точности не мог определить, сколько места займет миллиард долларов, сложенных в пачки. В целях предосторожности вместо маленькой комнаты, которая вполне могла оказаться слишком тесной для этой цели, выбрали холл и решили складывать деньги посередине, на подстилках.

Тадеуш Тейфлер, чтобы чем-нибудь заняться, сам попытался сделать подсчет.

Связка из десяти купюр по сто долларов вместе с ленточкой была почти в семь с половиной миллиметров толщиной. Чуть меньше — если бумажки были новые, чуть больше — если подержанные. Он остановился на средней величине. Таким образом, получалось, что миллион долларов, сложенных в пачки из сотенных купюр вместе с ленточками, образует кипу высотой семь с половиной метров.

Затем он измерил сотенную бумажку по длине и ширине. И оказалось, что поверхность одной купюры равна ста пятидесяти с половиной миллиметрам, умноженным на шестьдесят шесть миллиметров.

Оставалось узнать, сколько денежных связок из 15,5 см на 6,66 см (умноженных на 7,5 метра по высоте) уместится на одном квадратном метре.

Ответ: девяносто. «Девяносто миллионов долларов на одном квадратном метре. Бже милостивый! Сколько же денег уместилось бы в пяти комнатах!»

...Однако в миллиарде — тысяча миллионов.

А если тысячу разделить на девяносто...

Одинадцать — запятая — сто одиннадцать квадратных метров.

Разумеется, при той же семиметровой высоте. Это выходило за рамки здравого смысла.

Головокружительная гора банкнот заняла более шестидесяти квадратных метров и местами немного превышала два метра. По той простой причине, что не удалось собрать достаточно купюр по сто долларов и пришлось иногда дополнять недостающие суммы пачками в пятьдесят, двадцать, десять, пять и даже в один доллар.

И это значительно увеличило объем сооружения.

Около семи часов, то есть вечером третьего дня, в зале Вильгельма Телля звонил телефон. Тейфлер, дожидавшийся звонка с того момента, как отъехал последний бронированный грузовик, дрожа от возбуждения, взял трубку. Голос Кнаппа произнес: «Пора».

Они втроем спустились вниз; пара, обнявшись, шла чуть впереди молодого швейцарца.

В большом безлюдном холле поодаль от миллиарда банкнот стояли лишь Алоиз Кнапп и Достопочтенный Фюссли, опирающийся на трость.

Человек, называвшийся Климродом, — во всяком случае, так считал Тадеуш Тейфлер, — не подошел к сокровищу. Он замер, уставившись чуть вытаращенными глазами в пустоту, и даже тень юмора или веселости исчезла с его лица.

Молодая женщина, наоборот, медленно обошла гору денег и осмотрела ее.

— Миллиард долларов? — спросила она.

— Миллиард три доллара и сорок пять центов, — ответил Кнапп. — Просим нас извинить за задержку в оплате вашего чека.

Она исчезла за грудой денег. Но ее голос звонко прозвучал под сводами холла:

— И все это принадлежит тебе, Реб?

— Да, — бесстрастно ответил мужчина.

— И сколько же раз по столбу у тебя есть, Реб?

— Не знаю.

— Два раза? Пять? Десять?

— Не знаю.

Она снова оказалась в поле зрения четырех мужчин.

— А если я подожгу их, Реб? Могу я все это сжечь?

— Правда, могу?

— Да.

Но он улыбнулся и сказал чарующе нежно:

— Только одновременно ты подожгла бы и банк.

— Купи банк.

— Ну зачем нам банк, любовь моя? Это очень грустное место, ты не находишь?

Она посмотрела на него, и вдруг слезы навернулись на ее глаза:

— Ты необыкновенно ласковый и нежный, Реб.

Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Чармен.

Она прислонилась к стене из долларов и заплакала — совсем беззвучно.

Сначала Тейфлер, затем Кнапп и, наконец, Фюссли отвели взгляд, не в силах дольше глядеть на нее, на нее и на него — в тот момент он был похож на человека, которого распирают.

— Теперь можешь опять отвести меня туда, Реб. Пусть они снова заперут меня.

Многочисленная охрана, расставленная снаружи, по знаку Кнаппа пропустила их обоих. Даже после того, как двери закрылись, Тейфлер не двинулся с места. Кнапп сказал ему:

— Идите домой, мой мальчик. Все кончено.

— Что мы будем делать со всеми этими деньгами?

— Возвратим их туда, откуда взяли. Что еще можно сделать?

Тадеуш Тейфлер кивнул. Разумеется.

Теперь и он пошел к выходу.

— Тадеуш!

Повернувшись вполоборота, Тейфлер просто сказал:

— Знаю, я должен молчать.

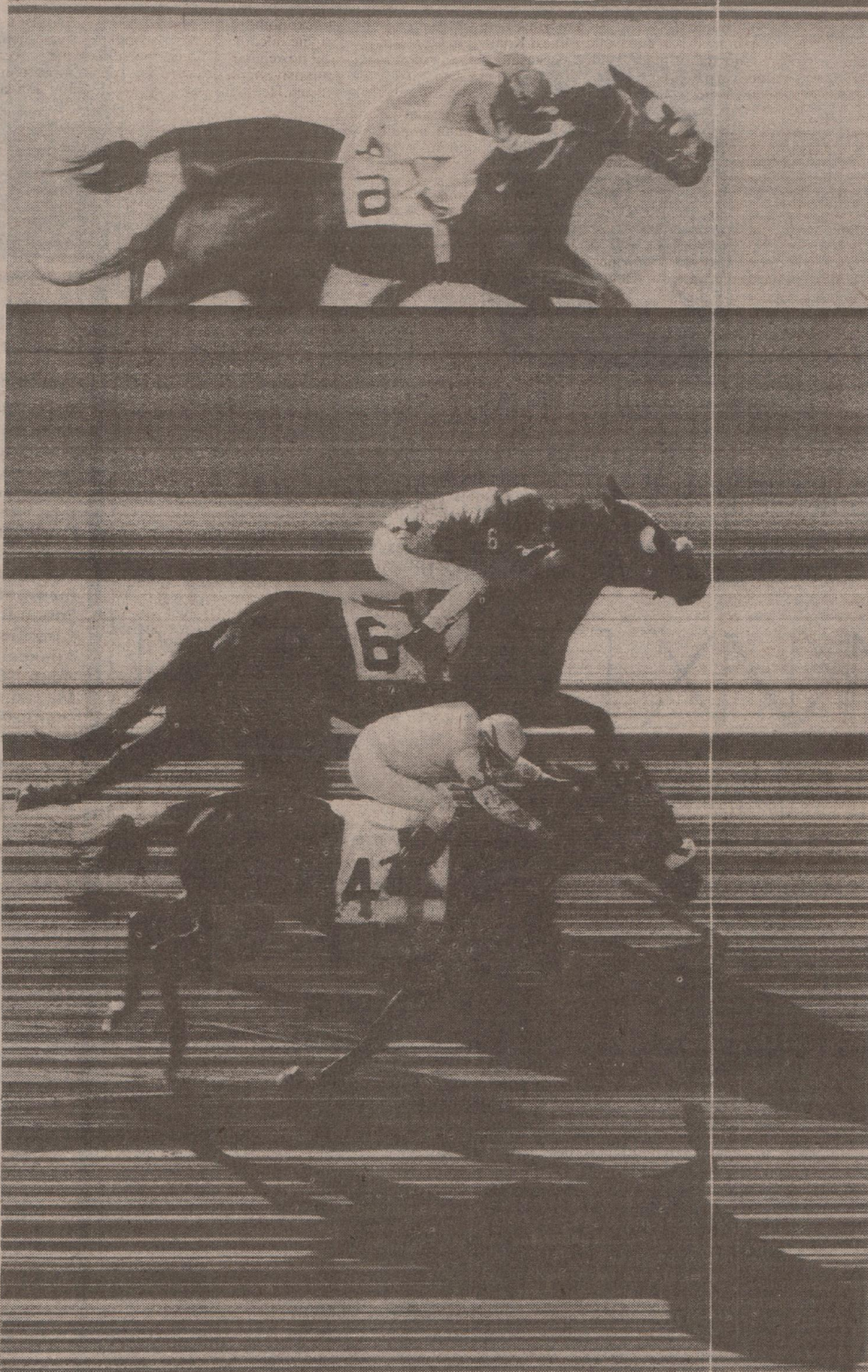
Он ушел вслед за ними. И говорить с кем бы то ни было у него не было никакого желания. Тейфлеру больше хотелось плакать, ему тоже.

* * *

Чармен Пейдж умерла 17 января 1961 года.

Перевод с английского
Валентина ЖУКОВОЙ

МЕНАТЕП

15 000 000 руб/час

**С такой скоростью
банкиры корпорации
МЕНАТЕП
идут к рынку**

Адрес: 125047 г Москва, 4-я Тверская-Ямская, д 4 Телефон: 972-64-53

923456789234567892345678923456789234

VAB «BALTIJOS BIRŽA»

ВНИМАНИЮ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ,
АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ, КОММЕРЧЕСКИХ
И ЧАСТНЫХ ФИРМ!
ВЫ ЖЕЛАЕТЕ В ЛИТВЕ КУПИТЬ ИЛИ ПРОДАТЬ
ТОВАРЫ, СЫРЬЕ ИЛИ МАТЕРИАЛЫ?

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ!

ВАМ ПОМОЖЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ-БИРЖА
«БАЛТИЙСКАЯ БИРЖА».
В ТОРГАХ ПОСТОЯННО ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ
И ВЫСТАВЛЯЮТ СВОЮ ПРОДУКЦИЮ
КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ РЕСПУБЛИКИ:
ЗАВОД ТОПЛИВНОЙ АППАРАТУРЫ,
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«ЭЛЬФА», ПРЕДПРИЯТИЕ
ЭЛЕКТРОСВАРОЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ,
ПРЕДПРИЯТИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ТЕХНИКИ
«БАНГА», МЕБЕЛЬНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «КАУНО
БАЛДАЙ».
НА «БАЛТИЙСКОЙ БИРЖЕ» ЗА ОДНИ ТОРГИ
ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ДО 150 СДЕЛОК НА СУММУ
БОЛЕЕ 10 МЛН. РУБЛЕЙ. ТОРГИ ПРОХОДЯТ
КАЖДУЮ СРЕДУ В ПОМЕЩЕНИИ КИНОТЕАТРА
«ПЯРГАЛЕ» ПО АДРЕСУ:
ЛИТОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА, Г. ВИЛЬНЮС,
УЛ. ПАМЕНКАЛЬНИО, 7/8.
УЧАСТИЕ В ТОРГАХ НА
«БАЛТИЙСКОЙ БИРЖЕ» —
ЗАЛОГ ВАШЕГО КОММЕРЧЕСКОГО УСПЕХА!
ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ
ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПО АДРЕСУ:
ЛИТОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА, Г. ВИЛЬНЮС,
УЛ. ГАГАРИНА, 4, «БАЛТИЙСКАЯ БИРЖА».
ТЕЛ: (8-0122) 621713, 620719, 621932;
ФАКС: (8-0122) 620726.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

КГБ: резерв действует?

Неизвестный Иосиф Бродский

Лилипуты в стране Гулливеров

**Почетный
президент-основатель
МАДПР
Юлиан СЕМЕНОВ**

Редколлегия:

Артем **БОРОВИК**,
главный редактор
Александр **БЕНЕНСОН**,
зам. главного редактора
Владимир **ВЕДРАШКО**,
зам. главного редактора
Борис **ДАНЮШЕВСКИЙ**
Владимир **ДОБИН**,
ответственный секретарь
Дмитрий **ЛИХАНОВ**
Елена **СВЕТЛОВА**
Евгения **СТОЯНОВСКАЯ**
Александр **СТРУЕВ**
Вера **ЧЕРНИКОВА**
Михаил **ШЕСТОПАЛ**,
главный художник
Редакционный совет:

Лев **АННИНСКИЙ**
Александр **БЕЛЯЕВ**
Карл Арне **БЛОМ**
(Швеция)
Аркадий **ВАЙНЕР**
Даниил **ГРАНИН**
Геннадий **ЛИСИЧКИН**
Анатолий **ЛЫСЕНКО**
Николай **МИТРОФАНОВ**
Мартин Круз **СМИТ** (США)
Олжас **СУЛЕЙМЕНОВ**
Пако Игнасио **ТАЙБО II**
(Мексика)
Александр **ЭЙДИНОВ**
Рафаэль Р. **ЭРРЕДИА**
(Мексика)

Любовь **ПЕШКУНОВА**,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:
Владимир **ВОВНОВОЙ**
и Валентин **БЛИНОВ**
Технический редактор
Татьяна **КОЙРАНСКАЯ**
Корректор
Татьяна **ПОЛЕНОВА**

Рукописи, присланные
в редакцию, не рецензируются
и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на
«Совершенно секретно»
обязательна.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографии,
указанные в выходных данных.

Штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Штаб-квартира МАДПР
Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 20.11.91 г.

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТОЧНО-СИБИР-
СКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.